

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 18 № 10 (155) октябрь 2023

**ТЕМА
НОМЕРА**

30-летие Конституции
Российской Федерации

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.

Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).

Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.

Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).

Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».

Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.

Почтовый адрес: Рашпилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

Почтовый адрес: Соборная ул., д. 23/25, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msai@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msai.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 25.10.2023
Объем 21,15 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна. Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции. Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNIENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).

Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.

Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.

Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.

Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Service and Labour Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.

Mailing address: Sobornaya ul., d. 23/25, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).

Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.

Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

25.10.2023
Volume: 21.15 conventional printer's sheets, format 60x84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

30-ЛЕТИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Комарова В. В. Конституционная модель взаимодействия в конституционных актах современной России	11
Шапошников А. В. Конституционно-правовое регулирование использования цифровых технологий при осуществлении видеонаблюдения за выборами и референдумами	20
Степкин С. П. Доктрина «доверие» в современном конституционном праве: возникновение, перспективы ее развития и оценки	30
Садовникова Г. Д. 30 лет Конституции Российской Федерации: традиционные ценности и новые приоритеты	45
Осавельюк А. М. Поправка к Конституции РФ об идеалах наших предков и вере в Бога как основа устойчивого развития России	54
Нарутто С. В. Функции Конституции Российской Федерации	61
Таева Н. Е. Президент Российской Федерации как сторона конституционного судебного процесса	70
Варлен М. В. Научно-образовательное пространство и суверенное будущее российского государства	87
Пономаренко А. Н. Внесение поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 года как «локомотив» конституционных реформ в странах СНГ	95
Забелина Е. П. Конституционная природа муниципальной власти	103
Иванов И. В. Развитие публичной власти в судебных актах и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации: к 30-летию Конституции Российской Федерации	112

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Львова С. В. Обжалование (оспаривание) действий (бездействия) непубличного оператора как специальный способ защиты прав садовода — субъекта персональных данных	121
--	-----

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шахназаров Б. А. Правовая охрана интеллектуальной собственности представителей профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников	130
Балашова А. И. Классификация сроков в патентном праве	143

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Малина М. А. Презумпция невиновности и суд с участием присяжных заседателей	155
---	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Засемкова О. Ф. Международный арбитраж: на пути к устойчивому развитию и защите экологии	166
--	-----

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

Спиридонова Е. В. Правовое регулирование улавливания и захоронения парниковых газов в пласты горных пород на примере CO ₂	177
--	-----

Contents

THE TOPIC OF THE ISSUE «30TH ANNIVERSARY OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION»

Komarova V. V. The Constitutional Model of Interaction in the Constitutional Acts of Modern Russia	11
Shaposhnikov A. V. Constitutional Law Regulation of the Use of Digital Technologies in Video Surveillance over Elections and Referendums	20
Stepkin S. P. The Doctrine of «Trust» in Modern Constitutional Law: Emergence, Prospects for Development and Evaluation	30
Sadovnikova G. D. 30 years of the Constitution of the Russian Federation: Traditional Values and New Priorities	45
Osavelyuk A. M. The Amendment to the Constitution of the Russian Federation concerning the Ideals of our Ancestors and Faith in God as the Basis for Sustainable Development of Russia	54
Narutto S. V. Functions of the Constitution of the Russian Federation	61
Taeva N. E. The President of the Russian Federation as a Party to the Constitutional Judicial Procedure	70
Varlen M. V. Scientific and Educational Space and the Sovereign Future of the Russian State	87
Ponomarenko A. N. Amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 as a «Locomotive» of Constitutional Reforms in the CIS Countries	95
Zabelina E. P. The Constitutional Nature of Municipal Power	103
Ivanov I. V. Development of Public Power in Judicial Acts and Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: To the 30th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation	112

CIVIL AND ADMINISTRATIVE COURT PROCEDURE

Lvova S. V. Appealing against (Challenging) the Actions (Inaction) of a Non-Public Operator as a Special Way to Protect the Rights of a Gardener — Personal Data Subject	121
---	-----

INTELLECTUAL PROPERTY LEGAL PROTECTION

Shakhnazarov B. A. Legal Protection of Intellectual Property Rights of Academic Staff Members and Researchers	130
Balashova A. I. Classification of Terms in Patent Law	143

CRIMINAL PROCEDURE

Malina M. A. Presumption of Innocence and Trial by Jury	155
--	-----

INTERNATIONAL LAW

Zasemkova O. F. International Arbitration: Towards Sustainable Development and Environmental Protection	166
---	-----

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

Spiridonova E. V. Legal Regulation of the Capture and Burial of Greenhouse Gases in Rock Layers as in the Case of CO ₂	177
---	-----

30-ЛЕТИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.011-019

В. В. Комарова*

Конституционная модель взаимодействия в конституционных актах современной России

Аннотация. В статье исследуется обновленный в процессе конституционной реформы 2020 г. термин «взаимодействие». Анализируется конституционная модель реализации взаимодействия в Конституции России, федеральном законодательстве и конституционном (уставном) законодательстве субъектов федерации. На основании сравнительно-правового анализа выявлены особенности взаимодействия в единой системе органов публичной власти на различных уровнях, особенности целеполагания и видов, форм взаимодействия. Сделан вывод о том, что различное целеполагание взаимодействия в законодательстве субъектов, с одной стороны, позволяет учесть характерные особенности, с другой стороны, предполагает отличия в формах и процедурах его реализации, субъектах взаимодействия. Предложены системообразующие элементы единой системы органов публичной власти. Выявлено, что в исследуемых актах субъектов речь идет в основном о взаимодействии в системе государственной власти, тогда как конституционные формулировки федерального уровня касаются и органов местного самоуправления. По мнению автора, это сужение субъектов взаимодействия несет очевидные риски ненадлежащего исполнения федерального законодательства. Сделан вывод о том, что на уровне субъектов федерации более широко регулируется взаимодействие, закреплены цели и субъекты процесса, выявлены особенности взаимодействия и перспективные аспекты для инкорпорирования в законодательство субъектов федерации.

Ключевые слова: Конституция России; конституционная реформа; конституции и уставы субъектов; взаимодействие; единая система органов публичной власти; органы государственной власти; органы местного самоуправления; конституционная модель взаимодействия; целеполагание процессов взаимодействия; виды и формы взаимодействия; риски; перспективы.

Для цитирования: Комарова В. В. Конституционная модель взаимодействия в конституционных актах современной России // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 11–19. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.011-019.

© Комарова В. В., 2023

* Комарова Валентина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
vvalentinak@ya.ru

The Constitutional Model of Interaction in the Constitutional Acts of Modern Russia

Valentina V. Komarova, Dr. Sci. (Law), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
vvalentinak@ya.ru

Abstract. The paper examines the term «interaction» updated in the process of the 2020 Constitutional Reform. The author analyzes the constitutional model of the interaction implementation in the Constitution of Russia, federal legislation and constitutional (statutory) legislation of the constituent entities of the Federation. Based on the comparative legal analysis, the paper explains the features of interaction in the unified system of public authorities at various levels, the features of goal-setting and types and forms of interaction. The author concludes that different goal-setting of interaction in the legislation of constituent entities, on the one hand, allows taking into account the characteristic features, on the other hand, it implies differences in the forms and procedures of its implementation and subjects of interaction. The author proposes the system-forming elements of a unified system of public authorities. It is revealed that in the acts of the constituent entities under consideration, it is mainly about interaction in the system of state power, whereas the constitutional formulations at the federal level also concern local self-government bodies. According to the author, this narrowing of the subjects of interaction carries obvious risks of improper enforcement of federal legislation. The author also concludes that interaction is more widely regulated at the level of the constituent entities of the federation, determines the goals and subjects of the process, defines the features of interaction and promising aspects for incorporation into the legislation of the constituent entities.

Keywords: Constitution of Russia; constitutional reform; constitutions and charters of constituent entities; interaction; unified system of public authorities; public authorities; local self-government bodies; constitutional model of interaction; goal-setting of interaction processes; types and forms of interaction; risks; prospects.

Cite as: Komarova VV. Konstitutsionnaya model vzaimodeystviya v konstitutsionnykh aktakh sovremennoy Rossii [The Constitutional Model of Interaction in the Constitutional Acts of Modern Russia]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):11-19. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.011-019. (In Russ., abstract in Eng.)

Конституционная реформа 2020 г. внесла в правовую действительность нашей страны конкретизированные направления развития и конкретные задачи, новые понятия. Термин «взаимодействие» на конституционном уровне понятие не новое, однако в процессе конституционной реформы получившее расширение.

До 2020 г. на конституционном уровне «взаимодействие» фигурировало как объект деятельности Президента нашей страны: согласно ст. 80 Конституции России¹, глава государства в установленном порядке должен был обеспечивать

согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти. В процессе конституционной реформы рамки его полномочий в обозначенной сфере расширились: увеличился круг субъектов, в отношении которых он обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие — теперь это все органы, входящие в единую систему публичной власти. Как известно, в Федеральном законе от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»² (далее — Закон № 394-ФЗ) перечислен состав единой системы публичной власти России, в которую

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993, с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.08.2020).

² СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

входят, помимо органов государственной власти (как это было в Конституции России до 2020 г.), «федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления».

Между тем, по твердому убеждению автора, у главы государства есть определенные направления и пределы осуществления указанных конституционных полномочий, основанные на нормах Закона № 394-ФЗ. Из данного в ст. 2 упомянутого Закона № 394-ФЗ определения единой системы публичной власти очевидно, что законодатель не только перечислил совокупность органов, входящих в нее, но и дал их сущностные наполнение и характеристику: это прежде всего конституционные пределы их деятельности, включая вопросы передачи полномочий между уровнями публичной власти, и конституционный принцип согласованного функционирования; это общие цели деятельности: «соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, создание условий для социально-экономического развития государства»; а также формы достижения поставленных целей, т.е. видовое многообразие взаимодействия³, имеющего свои конституционно-правовые основы (норма закона дает отсылку к Конституции России и законодательству, которые, на взгляд автора, должны установить формы и процедуры, рамки, правовой статус субъектов взаимодействия и т.д.). Помимо этого, федеральный законодатель определил системообразующие элементы: общие цели и задачи, пределы, правовые основы и принципы согласованного функционирования, конституционно-правовую основу видов взаимодействия.

Тем самым федеральный законодатель определил пределы и содержание деятельности главы государства в обозначенной сфере.

В процессе конституционной реформы законодатель создал определенный механизм реализации расширившихся полномочий: Президент, например, формирует ГС РФ в целях выполнения этого конституционного полномочия. Подчеркнем конституционно закрепленную

цель создаваемого главой нашего государства органа: «...в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства» (п. «е.5» ст. 83 Конституции РФ)).

Такое внимание конституционного законодателя, на наш взгляд, позволило отраслевому закону при определении места ГС РФ в единой системе публичной власти назвать его «конституционным государственным органом». Отметим наличие в правовой системе нашей страны государственных органов, закрепленных действующим законодательством, однако «конституционный государственный орган» единственный.

Новым наполнением термина «взаимодействие» в процессе конституционной реформы является закрепление его способом осуществления органами местного самоуправления совместно с органами государственной власти, входящими в единую систему публичной власти в Российской Федерации, постановка общей задачи, а именно наиболее эффективного ее решения в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Следовательно, конституционный законодатель не только закрепил взаимодействие как форму совместной работы двух уровней публичной власти, но и установил конституционную задачу такого взаимодействия. Еще одна сфера взаимодействия этих уровней публичной власти, согласно конституционной новелле, — это осуществление публичных функций. Именно эта сфера взаимодействия получила конституционную гарантию компенсации дополнительных расходов, возникших в результате взаимодействия по осуществлению публичных функций.

Во исполнение конституционных новелл, касающихся института взаимодействия, федеральный законодатель создал определенные механизмы. Так, в Законе № 394-ФЗ установлены правовые основы взаимодействия всех уровней публичной власти в нашей стране.

³ Организационно-правового, функционального и финансового бюджетного.

Отметим, что нормы Закона № 394-ФЗ термин «взаимодействие» также используют в различных содержательных аспектах: как цель деятельности ГС РФ; для установления видового многообразия взаимодействия (организационно-правового, функционального и финансового бюджетного); как принцип деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти, и форм его достижения (например, координация, содействие Президенту России, подготовка для него предложений); как формы работы ГС РФ с органами и организациями; для закрепления уровней регулирования общих и особенных вопросов взаимодействия.

Такая отсылочная норма Закона № 394-ФЗ получила реализацию в положениях Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»⁴ (далее — Закон № 414-ФЗ), устанавливающих правовые и организационные основы взаимодействия органов публичной власти на территории субъекта федерации. Этому посвящена не только специальная глава (гл. 9), в других главах и статьях взаимодействие регулируется в различных аспектах, обеспечивающих необходимость нормативного регулирования, установление общих правил и особенностей, обусловленных спецификой формирования и жизнедеятельности публичной власти в субъектах федерации.

Отметим как некоторую корреляцию упомянутых Законов № 394-ФЗ и № 414-ФЗ при регулировании конституционного института взаимодействия, так и наличие определенных особенностей. Взаимодействие в названных законах закрепляется как способ работы органов, входящих в единую систему публичной власти, и полномочие Президента РФ; устанавливаются общие подходы к регулированию порядка внутреннего горизонтального и внешнего взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации; как один из принципов их дея-

тельности; как полномочие органов и должностных лиц субъектов федерации. Например, «высшее должностное лицо субъекта федерации... организует взаимодействие исполнительных органов субъекта Российской Федерации с федеральными органами исполнительной власти и их территориальными органами, органами местного самоуправления, иными органами, входящими в единую систему публичной власти в Российской Федерации» (п. 3 ст. 25 Закона № 414-ФЗ).

Взаимодействие закреплено также как способ решения определенных вопросов, таких как установление нормативов расходов по материально-техническому обеспечению деятельности мировых судей и оплате труда работников аппарата мировых судей. В этом случае высший исполнительный орган субъекта федерации взаимодействует с советом судей субъекта.

Взаимодействие закреплено и как форма работы финансового органа субъекта с территориальными органами федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налоговых сборов. Отметим, что порядок этого взаимодействия устанавливается Правительством РФ.

Примечательно, что виды взаимодействия (в зависимости от способа его осуществления) дополнены — возможно дистанционное взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти. Отдельно выделена возможность дистанционного участия в заседаниях законодательного органа субъекта. Отметим, что на конституционном уровне субъекты федерации расширяют видовое многообразие взаимодействия: в Республике Калмыкия закреплено культурное взаимодействие⁵, в Республике Саха (Якутия) — взаимодействие общества и природы в целях сохранения и обеспечения благоприятной среды обитания человека⁶.

Особое внимание привлекает формулирование нормами Закона № 414-ФЗ цели взаимодействия в сравнении с целями, закрепленными в

⁴ СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

⁵ Ст. 16 Степного уложения (Конституции) Республики Калмыкия (принято Конституционным Собранием РК — ХТ 05.04.1994) (ред. от 21.07.2022) // Известия Калмыкии. № 60. 07.04.1994.

⁶ Ст. 52 Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия) от 04.04.1992 № 908-ХII) (ред. от 24.11.2022) // Ил Түмэн. № 47. 15.11.2002.

Конституции РФ и Законе № 394-ФЗ. Так, органы, входящие в единую систему публичной власти в субъекте федерации, осуществляют взаимодействие в целях создания условий для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах территории соответствующего субъекта. Как известно, закрепленная в ст. 132 Конституции РФ цель взаимодействия — «для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» — должна расширяться и конкретизироваться новым направлением деятельности, поставленным перед Российской Федерацией: «...создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность» (ст. 75.1). Требуется учета в обозначенных рамках и новый способ конституционного формулирования целеполагания посредством установления приоритетов: важнейшим приоритетом государственной политики России являются дети, закреплена приоритет семейного воспитания (ст. 67.1), приоритетные направления социально-экономического развития государства (ст. 83).

В Законе № 394-ФЗ целеполагание взаимодействия сформулировано иначе: для «соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства».

Помимо общих правил установлены исключения. Конституционно закреплена, что «особенности осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях могут устанавливаться федеральным законом». Очевидно, что понятие «осуществление» включает в себя «взаимодействие», и это подтверждается нормами Закона № 414-ФЗ, где

прямо установлена возможность закрепления федеральным законодательством «особенностей взаимодействия органов публичной власти на федеральных территориях, территориях административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации» (п. 1 ст. 60). Между тем очевидно, что федеральным законодательством возможно установление особенностей взаимодействия при осуществлении особых полномочий органов государственной власти субъектов и на других территориях, указанных в п. 2, 3 ст. 60 Закона № 414-ФЗ, при реализации отдельных полномочий органов государственной власти в Арктической зоне России (отсылочная норма на федеральное законодательство — п. 4 ст. 60, по мнению автора, это позволяет). Логично урегулировать взаимодействия не только с органами государственной власти, но и со всеми органами, входящими в единую систему публичной власти, а также с институтами гражданского общества. Основой для такого заключения является в том числе статья 114 Конституции России, которая закрепляет новые полномочия Правительства России: осуществлять меры по поддержке институтов гражданского общества, обеспечивать их участие в выработке и проведении государственной политики.

Расширение сферы взаимодействия на уровне федеральной конституции послужило дополнительным стимулом для творчества законодателей в субъектах Российской Федерации при видоизменении своих основных законов. Анализ конституционного (уставного) законодательства субъектов нашей федерации показывает несколько традиционных направлений развития института взаимодействия и позволяет выявить некоторые особенности, на наш взгляд способные быть направлением развития основных законов субъектов федерации в перспективе.

В тоже время вызывает определенное опасение разнообразие сущностного наполнения исследуемого термина в исследуемых актах субъектов: взаимодействие закрепляется как способ достижения поставленных целей; как принцип деятельности органов власти⁷; как полномочие

⁷ Государственная власть в Республике Ингушетия осуществляется на основе разделения и взаимодействия законодательной, исполнительной, судебной властей, а также разграничения полномочий между

органов и должностных лиц; видовое многообразие и расширение субъектов взаимодействия. Отметим, что различное целеполагание также предполагает отличия в формах и процедурах его реализации, субъектах взаимодействия.

Закрепление целей и принципов взаимодействия в единой системе публичной власти в основных законах субъектов Российской Федерации шире, чем это урегулировано федеральной конституцией. Так, в Уставе Псковской области закрепляется управление политическими процессами как цель взаимодействия Областного Собрания и Администрации области и способ достижения интересов населения территории⁸. Глава Чеченской Республики, Парламент, Правительство и иные органы государственной власти упомянутого субъекта федерации «...осуществляют взаимодействие в целях эффективного управления процессами экономического и социального развития Республики и в интересах ее населения»⁹. Целью взаимодействия органов законодательной, исполнительной и судебной власти Удмуртской Республики являются интересы ее народа¹⁰.

Конституцией Республике Алтай закреплены основы взаимодействия высших органов государственной власти: интересы республики и ее населения, единство целей и задач в решении

республиканских проблем, принцип разделения властей и их полномочий¹¹.

В Чувашской Республике взаимодействие закреплено как принцип государственной власти, наравне с принципом разделения единой государственной власти на законодательную, исполнительную, судебную; целью взаимодействия органов государственной власти республики названо «обеспечение сбалансированности полномочий, исключение сосредоточения всех полномочий или большей их части в ведении одного органа государственной власти либо должностного лица»¹².

Встречается установление пределов взаимодействия, например, конституционный акт Республики Алтай закрепляет: «Органы законодательной (представительной), исполнительной и судебной власти действуют самостоятельно, взаимодействуя друг с другом и не выходя за пределы своих полномочий» (ст. 7).

Взаимодействие установлено объектом гарантирования глав субъектов. Например, Глава Республики Алтай, Председатель Правительства выступает гарантом не только соблюдения Конституции Республики Алтай и ее законов, прав и свобод человека и гражданина, безопасности и территориальной целостности республики, но и согласованного функционирования и взаи-

республиканскими и местными органами власти (ст. 6 Конституции Республики Ингушетия от 27.02.1994 (ред. от 28.12.2022)).

⁸ Областное Собрание и Администрация области взаимодействуют в установленных федеральным законом, настоящим Уставом и законом области формах в целях устойчивого развития территории, эффективного управления экономическими, социальными и общественно-политическими процессами в области и в интересах ее населения (ст. 54 Устава Псковской области от 08.11.2005 № 6-У «О поправках в Устав Псковской области» (принят Псковским областным Собранием депутатов 27.10.2005) // Псковская правда. № 231. 15.11.2005).

⁹ Ст. 5 Конституции Чеченской Республики от 23.03.2003 (ред. от 10.02.2023) // Вести Республики. № 18. 29.03.2003.

¹⁰ Ст. 9 Конституции Удмуртской Республики от 07.12.1994 № 663-XII (ред. от 17.04.2023) // Известия Удмуртской Республики. 21.12.1994.

¹¹ Глава Республики Алтай, Председатель Правительства Республики Алтай, Государственное Собрание — Эл Курултай Республики Алтай и Правительство Республики Алтай взаимодействуют, исходя из интересов республики и ее населения, единства целей и задач в решении республиканских проблем, основываясь на принципах разделения властей и их полномочий (ст. 124 Конституции Республики Алтай (Основного Закона) от 07.06.1997 № 21-4 (ред. от 28.12.2022) // Звезда Алтая. № 127–128, 01.06.2007).

¹² Ст. 3 Конституции Чувашской Республики от 30.11.2000 (ред. от 25.05.2023) // Собрание законодательства ЧР. 2000. № 11–12. Ст. 442.

действия органов государственной власти (ст. 109 Конституции Республики Алтай); аналогичные нормы мы видим и в Основном законе Республики Мордовия¹³.

Кроме того, обращает на себя внимание разнообразие полномочий в сфере взаимодействия глав субъектов. Так, Глава Республики Саха (Якутия) может организовывать взаимодействие; Глава Республики Бурятия обеспечивает функционирование и взаимодействие органов государственной власти Республики Бурятия; Глава Республики Тыва обеспечивает согласованное взаимодействие и функционирование государственных органов власти Республики (ст. 110 Конституция Республики Тыва) и организует взаимодействие органов исполнительной власти Республики с федеральными органами исполнительной власти и их территориальными органами, органами местного самоуправления иными органами, входящими в единую систему публичной власти в Российской Федерации (ст. 111 Конституции Республики Тыва). Глава Чувашской Республики обеспечивает взаимодействие (ст. 68), организует взаимодействие (ст. 72); в Республике Мордовия Глава принимает меры по согласованному функционированию (ст. 64); в Республике Бурятия — обеспечивает функционирование и взаимодействие (ст. 69)¹⁴.

Между тем, как показывает проведенный анализ, в основном речь идет о взаимодействии только в отношении органов государственной власти, тогда как конституционные формулировки федерального уровня касаются и органов местного самоуправления.

Очевидно отсутствие не только терминов «публичная власть», «органы, входящие в единую систему публичной власти», что, возможно, и не так важно. На взгляд автора, чрезвычайно важно отсутствие в перечне органов местного самоуправления как составной части единой системы публичной власти: это сужение субъектов взаимодействия несет, на взгляд автора, явные риски ненадлежащего исполнения федерального законодательства.

Субъекты — носители обязанности взаимодействия и его обеспечения сформулированы различно: наблюдается сужение и расширение, если за основу брать нормативно установленную систему органов, входящих в единую систему публичной власти (Закон № 394-ФЗ). Примером расширения субъектов, участвующих во взаимодействии, являются институты гражданского общества, в частности, общественные объединения закреплены нормами конституций Республика Саха (Якутия), Чувашской Республики, Республики Башкортостан, Карачаево-Черкесской Республики.

Отметим закрепление подробного перечня органов публичной власти различных уровней — участников взаимодействия (ст. 96 Конституции Республики Хакасия; ст. 74 Конституции Республики Бурятия¹⁵; ст. 111 Конституции Республики Тыва; ст. 68 Конституции Чувашской Республики).

В аспекте расширения субъектов, обеспечивающих взаимодействие в определенной сфере, показателен пример Карачаево-Черкесской Республики, где Правительство Республики в соот-

¹³ Глава Республики Мордовия выступает гарантом Конституции Республики Мордовия, в установленном порядке принимает меры по защите прав и свобод человека и гражданина, по согласованному функционированию государственных органов Республики Мордовия, их взаимодействию с государственными органами Российской Федерации и ее субъектов (ст. 64 Конституции Республики Мордовия от 21.09.1995 (ред. от 28.04.2023) // Известия Мордовии. № 180. 22.09.1995).

¹⁴ Глава Республики Бурятия является гарантом Конституции Республики Бурятия, прав и свобод человека и гражданина, обеспечивает функционирование и взаимодействие органов государственной власти Республики Бурятия (Конституция Республики Бурятия // Бурятия. № 43. 09.03.1994).

¹⁵ Глава Республики Бурятия: организует взаимодействие исполнительных органов государственной власти Республики Бурятия с федеральными органами исполнительной власти и их территориальными органами, органами местного самоуправления, иными органами, входящими в единую систему публичной власти в Российской Федерации.

ветствии с компетенцией Карачаево-Черкесской Республики и в пределах своих полномочий, установленных Конституцией и законом Карачаево-Черкесской Республики, обеспечивает взаимодействие с органами государственной власти Российской Федерации и субъектов федерации в пределах своих полномочий¹⁶. Председатель Правительства Республики Дагестан «обеспечивает взаимодействие Правительства Республики Дагестан с другими органами государственной власти, органами исполнительной власти Российской Федерации, ее субъектов и субъектов (административно-территориальных образований) других государств при осуществлении внешнеэкономических связей, а также с органами местного самоуправления»¹⁷.

Совершенно справедливым видится выделение различных полномочий у должностных лиц субъектов федерации в зависимости от субъектов взаимодействия.

Встречается конституционное (уставное) закрепление создания специальных органов, в том числе для организации, содействия и обеспечения взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества. Так, в Республике Тыва, «в целях обеспечения взаимодействия граждан, общественных объединений с органами государственной власти Республики Тыва и органами местного само-

управления»¹⁸, наравне с другими целями, формируется Общественная палата. Съезд народа Ингушетии «обеспечивает взаимодействие общества, органов государственной власти и местного самоуправления в целях эффективного управления процессами духовного и социально-экономического развития Республики Ингушетия и в интересах его населения»¹⁹.

В качестве положительного примера отметим закрепление форм и процедур взаимодействия. Так же как и в Конституции России, закрепившей формы целевого взаимодействия²⁰, в конституционном (уставном) законодательстве субъектов федерации установлена комиссия как форма взаимодействия различных уровней и иные процедуры. Примером может быть Республика Башкортостан, где конституционно установлено, что «разногласия и споры между органами публичной власти в Республике Башкортостан рассматриваются комиссиями, создаваемыми на паритетных началах, и разрешаются на основе согласительных процедур, консультаций, переговоров или в судебном порядке»²¹, т.е. установлены формы и процедуры целевого взаимодействия для всех уровней публичной власти.

Есть и закрепление форм одноуровневого целевого взаимодействия: споры и разногласия между Народным Хуралом (Парламентом) Республики

¹⁶ Ст. 94 Конституции Карачаево-Черкесской Республики от 05.03.1996 (ред. от 31.05.2022) // Сборник Законов и постановлений КЧР 1995–1999 гг. Ч. I.

¹⁷ Ст. 89 Конституции Республики Дагестан от 10.07.2003 (ред. от 29.05.2023) // Дагестанская правда. № 159. 26.07.2003.

¹⁸ В целях обеспечения взаимодействия граждан, общественных объединений с органами государственной власти Республики Тыва и органами местного самоуправления, учета потребностей и интересов граждан, защиты их прав и свобод, прав общественных объединений при формировании и реализации государственной политики, осуществления общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти Республики Тыва и органов местного самоуправления, а также в целях содействия реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания формируется Общественная палата Республики Тыва (ст. 4 Конституции Республики Тыва от 06.05.2001 (ред. от 04.05.2023) // Тувинская правда. 15.05.2001).

¹⁹ Ст. 105 Конституции Республики Ингушетия.

²⁰ В случае отклонения федерального закона Советом Федерации палаты могут создать согласительную комиссию для преодоления возникших разногласий, после чего федеральный закон подлежит повторному рассмотрению Государственной Думой (ст. 105 Конституции РФ).

²¹ Ст. 103 Конституции Республики Башкортостан от 24.12.1993 № ВС-22/15 (ред. от 01.10.2021) // Республика Башкортостан. № 236–237(25216–25217). 06.12.2002.

Калмыкия и Правительством Республики Калмыкия по вопросам осуществления их полномочий разрешаются путем переговоров, консультаций, с помощью создаваемых на паритетной основе согласительных и иных комиссий, других согласительных процедур либо в судебном порядке²².

Разноуровневая форма взаимодействия по разрешению разногласий предусмотрена в Карачаево-Черкесской Республике, за исключением споров о компетенции, — согласительные комиссии, создаваемые на паритетных началах²³.

Одноуровневая форма взаимодействия для решения единственного вопроса о законе о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Татарстан в виде согласительной комиссии закреплена Конституцией этого субъекта федерации²⁴.

Встречается закрепление межмуниципального сотрудничества как многоуровневой формы взаимодействия.

В заключение отметим: безусловно, следует положительно оценить динамику конституционного уставного развития института взаимодействия в субъектах федерации и его расширение на уровне федеральной конституции, тем не менее не решаются вопросы единообразного его понимания из-за отсутствия нормативно наполненного термина, процедурного содержания его видов и форм. На наш взгляд, логика нормативного закрепления конституционного института взаимодействия должна основываться на доктринально подтвержденной, логически завершенной и желательной оптимально проверенной в практике модели.

Материал поступил в редакцию 20 августа 2023 г.

²² Ст. 37.1 Степного уложения (Конституции) Республики Калмыкия.

²³ Ст. 85 Конституции Карачаево-Черкесской Республики.

²⁴ Ст. 126 Конституции Республики Татарстан от 06.11.1992 (ред. от 26.01.2023) // Ватаным Татарстан. № 85–86. 30.04.2002.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.020-029

А. В. Шапошников*

Конституционно-правовое регулирование использования цифровых технологий при осуществлении видеонаблюдения за выборами и референдумами

Аннотация. Выборы и референдум представляют собой основные способы свободного волеизъявления российских граждан по политическим и иным значимым для общества вопросам. Значимость указанных форм участия граждан в жизни российского социума предполагает наличие законодательных механизмов их регулирования. При этом особую важность приобретает внедрение современных технологий, позволяющих исключить возможность фальсификаций и иных нарушений процедур выборов и референдумов. Одной из цифровых технологий, позволяющих увеличить доверие граждан к указанным способам их свободного волеизъявления, является видеонаблюдение. Статья посвящена конституционно-правовому регулированию использования цифровых технологий при видеонаблюдении за выборами и референдумами. В работе подробно рассматривается комплекс нормативно-правовых источников, на основании которых осуществляется регулирование применения систем видеонаблюдения в помещениях для голосования на избирательных участках. Автор анализирует законодательные акты, раскрывающие особенности применения видеонаблюдения в ходе выборов и референдумов — преимущественно федеральные законы, а также постановления Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. В заключение дан важный вывод о перспективности и эффективности использования современных цифровых технологий при осуществлении видеонаблюдения за ходом выборов и референдумов.

Ключевые слова: видеонаблюдение; выборы; референдум; Конституция РФ; Российская Федерация; федеральные законы; Центральная избирательная комиссия.

Для цитирования: Шапошников А. В. Конституционно-правовое регулирование использования цифровых технологий при осуществлении видеонаблюдения за выборами и референдумами // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 20–29. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.020-029.

© Шапошников А. В., 2023

* Шапошников Алексей Валерьевич, председатель Московской городской Думы, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ
Страстной бул., д. 15/29, стр. 1, г. Москва, Россия, 127994
smirnova.nv@duma.mos.ru

Constitutional Law Regulation of the Use of Digital Technologies in Video Surveillance over Elections and Referendums

Aleksey V. Shaposhnikov, Cand. Sci. (Law), Chairman of the Moscow City Duma,
Honored Lawyer of the Russian Federation
Strastnoy bul., d. 15/29, str. 1, Moscow, Russia, 127994
smirnova.nv@duma.mos.ru

Abstract. Elections and referendums are the main ways of free expression of the will of Russian citizens concerning political and other issues of importance to society. The significance of these forms of citizen participation in the life of Russian society presupposes the existence of legislative mechanisms for their regulation. At the same time, the introduction of modern technologies that make it possible to exclude the possibility of falsifications and other violations of election and referendum procedures is of particular importance. Video surveillance is one of the digital technologies that can increase the confidence of citizens in these methods of their free expression. The paper is devoted to constitutional law regulation of the use of digital technologies in video surveillance over elections and referendums. The paper considers in detail a set of regulatory and legal sources, on the basis of which the use of video surveillance systems in voting premises at polling stations is regulated. The author analyzes legislative acts that explain the specifics of the use of video surveillance during elections and referendums, mainly federal laws, as well as resolutions of the Central Election Commission of the Russian Federation. In conclusion, the author dwells on the prospects and effectiveness of the use of modern digital technologies in the implementation of video surveillance over the course of elections and referendums.

Keywords: video surveillance; elections; referendum; Constitution of the Russian Federation; Russian Federation; federal laws; Central Election Commission.

Cite as: Shaposhnikov AV. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie ispolzovaniya tsifrovyykh tekhnologiy pri osushchestvlenii videonablyudeniya za vyborami i referendumami [Constitutional Law Regulation of the Use of Digital Technologies in Video Surveillance over Elections and Referendums]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):20-29. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.020-029. (In Russ., abstract in Eng.).

В Основном Законе Российской Федерации — Конституции закрепляется право граждан принимать участие в свободных выборах, а также в референдумах, являющихся способами свободного волеизъявления россиян. Подлинная свобода политического выбора должна обеспечиваться всеми возможными способами, в том числе такими прогрессивными, как применение цифровых технологий при осуществлении видеонаблюдения за ходом референдума или выборов. Это определяется тем, что их использование позволяет зафиксировать нарушения процедур свободного волеизъявления граждан и, как следствие, существенно повысить доверие граждан к результатам избирательной кампании. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о регулировании использования технологий видеонаблюдения за выборами и референдумами на основании российского законодательства, прежде всего —

конституционных положений, федеральных законов, а также постановлений Центральной избирательной комиссии РФ. Актуальность темы настоящего исследования определяется также его связью с 30-летним юбилеем Конституции Российской Федерации.

После распада СССР обновленный Основной Закон был утвержден в 1993 г., что положило начало коренной перестройке всей системы российского законодательства. Значительное количество законов было упразднено, при этом еще большее их количество — утверждено вновь. Особую значимость, как и ранее, имела глава 2 Конституции, посвященная свободам человека и гражданина. В последней редакции Основного Закона статья 32, включенная в данную главу, регулировала право свободного волеизъявления граждан — их возможность принимать участие в государственных делах, избирать кандидатов и избираться в органы власти.

Следует подчеркнуть, что в условиях дальнейшего развития федеративных отношений в Российской Федерации значительную роль играет политико-правовое развитие института выборов, основанное на принципах народовластия, федерализма, а также гарантии и защиты прав и свобод человека и гражданина. В этой связи развитие института выборов как системы, выявление наиболее совершенных механизмов их реализации и обеспечения их законности представляет собой процесс, требующий постоянного научного осмысления.

Вопросам избирательного права, а также проблемам, связанным с законодательным регулированием института выборов, посвящены работы таких отечественных исследователей, как К. А. Агаларова¹, В. Н. Андрианов², Е. Н. Босова, А. В. Павлушин³, Д. А. Реут⁴, А. П. Уханова⁵. В рамках настоящей темы представляют интерес исследования, посвященные анализу законодательства РФ о выборах, в частности выборах Президента РФ, депутатов Государственной Думы, глав администраций и т.д. Это работы А. А. Вешнякова, А. Г. Головина⁶, А. Е. Любарева⁷, Л. А. Нудненко, Д. М. Худолея⁸. Однако вплоть до настоящего времени в юридической науке не выходило комплексных исследований, посвященных проблеме применения современных цифровых технологий при проведении выборов

или референдумов в РФ. Изучение вопроса об использовании цифровых технологий видеонаблюдения на выборах производилось в русле научной школы конституционализма Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в числе направлений исследования которой — референдумное право и процесс, избирательное право, конституции и уставы субъектов РФ, конституционное право СНГ и права человека⁹.

Понятие «конституционализм» следует рассматривать в качестве теоретической доктрины, связанной с представлением о справедливом, демократическом государстве, соответствующем природе человека. В свою очередь, справедливые выборы и референдум являются значимыми механизмами построения подлинно демократического государства, залогом которого следует признать свободное политическое изъявление российских граждан.

Необходимо отметить, что цифровое видеонаблюдение за выборами производится в интересах не только избирателей, но и избираемых, так как они также имеют непосредственную возможность удостовериться в справедливости процедуры выборов либо референдума. В частности, в ст. 32 Конституции РФ законодательно закрепляется право граждан страны избираться и быть избранными в органы государственной власти, а также местного самоуправления, рав-

¹ Агаларова К. А. Развитие избирательного законодательства субъектов Российской Федерации: конституционно-правовой анализ. М., 2004.

² Андрианов В. Н. Международные избирательные стандарты и российское уголовное законодательство // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 6. С. 25–28.

³ Павлушин А. В., Постников А. Е. Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 5–13.

⁴ Босова Е. Н. Избирательный кодекс РФ: резервы и риски систематизации // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 2. С. 8–14 ; Босова Е. Н., Реут Д. А. Дистанционное электронное голосование: поиск законодательного оформления // Правоприменение. 2019. № 3. С. 53–62.

⁵ Уханова А. П. Информационное обеспечение выборов как гарантия реализации избирательных прав граждан в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Петрозаводск, 2015.

⁶ Головин А. Г. Эволюция системы избирательного законодательства в Российской Федерации: тенденции и перспективы. М., 2008.

⁷ Любарев А. Е. О концепции избирательного кодекса РФ // Государство и право. 2010. № 7. С. 46–54.

⁸ Худoley Д. М. О структуре российского избирательного права // Избирательное право. 2013. № 4. С. 2–8.

⁹ Конституционализация российского права в учении академика О. Е. Кутафина : монография / рук. авт. кол. и отв. ред. В. В. Комарова. М., 2023. С. 17.

но как и принимать участие в референдуме¹⁰. В этой связи видеонаблюдение за их ходом подтверждает законодательно закрепленные права граждан на справедливые выборы.

В то же время использование современных средств видеонаблюдения на выборах имеет сравнительно недавнюю историю. Впервые в России полноценный программно-аппаратный комплекс (сокращенно — ПАК) для осуществления видеонаблюдения за ходом голосования, а также подсчетом голосов был установлен на избирательном участке № 278 города Великий Новгород 21 января 2012 г.¹¹ Это был типичный избирательный участок, располагавшийся в образовательном учреждении — Дворце детского и юношеского творчества. Первый ПАК включал в себя две видеокамеры, источник бесперебойного питания, систему соединительных кабелей и компьютер с периферийным оборудованием. Перед непосредственным запуском ПАК в работу все его комплектующие прошли специальное тестирование, продемонстрировав качество и надежность в эксплуатации. В частности, по поводу оснащения избирательных участков системами видеонаблюдения И. О. Щеголев, занимавший с 12 мая 2008 г. по май 2012 г. пост министра связи и массовых коммуникаций в РФ, отмечал, что внедрение системы видеонаблюдения является не разовой акцией, но «новым словом» в избирательных технологиях, а использование ее будет оправдано и в рамках проведения последующих избирательных кампаний. По словам министра связи и массовых коммуникаций, созданная сеть видеонаблюдения должна была послужить не только усовершенствованию телекоммуникационной инфраструктуры в РФ, но и задачам телемеди-

цины, государственного управления и т.д., так как системы видеонаблюдения после окончания выборов должны были остаться в тех учреждениях, в которых были установлены.

Масштабное внедрение и полноценное использование систем видеонаблюдения на выборах имело свою предысторию. Начало экспериментальной видеотрансляции хода выборов было положено Центральной избирательной комиссией Российской Федерации еще в 2008 г. Основанием для оснащения избирательных участков системами видеонаблюдения стали результаты выборов в Государственную Думу, которые проходили годом ранее, 2 декабря 2007 г. По итогам выборов ряд наблюдателей высказали сомнения в достоверности высокого процента явки избирателей (более 90 %) в некоторых национальных республиках России. Ответом на высказанное недоверие стало распоряжение председателя Центральной избирательной комиссии В. Е. Чурова об организации усилиями глав тех избирательных комиссий, в которых явка граждан превышала 90 %, прямой видеотрансляции хода выборов в 2008 г.¹² Реализовать данное распоряжение планировалось посредством местных телекомпаний. Тем не менее осуществление его на практике оказалось технически сложным, в результате чего от идеи прямой видеотрансляции хода выборов пришлось отказаться. В единый день голосования 12 октября 2008 г. видеонаблюдение было установлено только на отдельных избирательных участках, в частности г. Севастополя.

25 мая 2011 г. по инициативе Центральной избирательной комиссии была принята программа оперативного технического переоснащения российских избирательных участков¹³.

¹⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993, с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.07.2023).

¹¹ Глава Минкомсвязи установил первый комплект оборудования для видеонаблюдения на избирательном участке в Великом Новгороде // Сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/29707/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения: 26.07.2023).

¹² Видеотрансляции процедур голосования и подсчета голосов на федеральных выборах в РФ. Досье // ТАСС. 21.09.2017. URL: <https://tass.ru/info/4582276> (дата обращения: 26.07.2023).

¹³ Постановление ЦИК РФ от 25.05.2011 № 12/133-6 «Об ускоренном техническом переоснащении избирательной системы Российской Федерации» // Вестник Центризбиркома РФ. 2011. № 8.

Соответствующим постановлением закреплялось поэтапное формирование системы контроля за процедурой выборов с применением веб-трансляции. Однако к 2013 г. это постановление предполагало установление веб-камер лишь на 10 % избирательных участков.

На сегодняшний день система видеонаблюдения на выборах либо при проведении референдума является одним из обязательных мероприятий, применение которого призвано предотвратить фальсификацию процедуры волеизъявления российских граждан. Несмотря на то что конституционные положения не содержат прямых указаний на возможность использования видеонаблюдения при поведении выборов, порядок и условия его применения раскрываются в текстах законов федерального уровня, постановлениях Центральной избирательной комиссии, а также в некоторых иных законодательных актах.

Принимая во внимание, что в соответствии с ч. 3 ст. 3 Конституции РФ наивысшим выражением народовластия является референдум и свободные выборы, целесообразно последовательно рассмотреть правовое регулирование условий и порядка видеонаблюдения при их реализации. Для составления полноценного представления о регулировании применения видеонаблюдения при проведении референдума необходимо обратиться к Федеральному закону от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме»¹⁴. Уже в его преамбуле сформулированы основные гарантии со стороны российского государства при проведении референдума. В частности, свободное волеизъявление россиян в рамках референдума, равно как и при проведении выборов, должно обеспечиваться посредством защиты демократических принципов и норм избирательного права, а также российского законодательства в целом на избирательных участках. В свою очередь, практическая реализация текста преамбулы настоящего федерального закона должна обеспечиваться

посредством создания государством соответствующих условий проведения референдумов. К числу последних совершенно справедливо можно отнести использование современных цифровых технологий, в частности систем видеонаблюдения. Еще 19 января 2021 г. в статью 61 данного федерального закона предполагалось добавить пункт, в соответствии с которым помещения, где осуществляется голосование, должны быть оснащены системами видеонаблюдения, а также трансляции изображения. Внесение таких изменений в текст федерального закона соответствовало бы основным принципам открытости и гласности избирательного процесса. Параллельно с этим в федеральные законы от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹⁵ и от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»¹⁶ предполагалось внести уточнение, согласно которому системы видеонаблюдения не просто возможно, но и необходимо применять в ходе голосования. Однако вплоть до настоящего времени в ст. 61 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме» указанные изменения внесены не были.

В свою очередь, в ч. 15 ст. 78 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» указывалось на возможность размещения в помещениях для проведения голосования средств, обеспечивающих видеонаблюдение и трансляцию изображения. Таким образом, в тексте данного закона не закреплялась обязательность их использования. При этом в ч. 15 ст. 78 также перечислялись те пункты проведения голосования, в которых воспрещалось устанавливать системы видеонаблюдения. К их числу относились больницы, а также иного рода медицинские учреждения, имеющие стационарные отделения; места содержания заключенных и обвиняемых; иные места временного пребывания; воинские части и суда,

¹⁴ СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

¹⁵ СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740.

¹⁶ СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171.

находящиеся в плавании в день проведения голосования; полярные станции и участки для проведения голосования, которые в силу определенных обстоятельств были сформированы за пределами России. Таким образом, системами видеонаблюдения, согласно данному федеральному закону, могут быть оснащены в первую очередь типовые избирательные участки, располагающиеся, например, в зданиях средних школ, домах детского и юношеского творчества и т.д. Для избирательных участков, оснащение которых системами видеонаблюдения могло быть осложнено в силу технических причин или ограничено законодательно, настоящим законом исключалось установление систем видеонаблюдения. В рассматриваемом законе дополнительно отмечалось, что в тех избирательных участках, где производится голосование военнослужащих, за исключением помещений для проведения голосования на избирательных участках, образованных в воинских частях, установка систем видеонаблюдения и трансляции изображения должна быть в обязательном порядке согласована с командиром воинской части. Следует отметить, что аналогичный порядок и условия размещения систем видеонаблюдения были предусмотрены на президентских выборах, согласно последней редакции Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации» (ч. 14 ст. 66). Иными словами, установление систем видеонаблюдения на президентских выборах также являлось скорее рекомендацией, нежели обязательным требованием.

Ответственность за организацию установки в помещениях избирательных участков систем видеонаблюдения, а также за последующее хранение записей о ходе выборов, в соответствии с федеральными законами «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и «О выборах Президента Российской Федерации», возлагалась на федеральный орган исполнительной власти, действующий в сфере государственной политики и нормативно-правового регулирования в области информационных технологий. Реали-

зация услуг, связанных с установлением систем видеонаблюдения при проведении выборов, относилась к сфере компетенции организации по выбору Правительства Российской Федерации, деятельность которой определялась федеральным органом исполнительной власти РФ, отвечающим за выработку политики государства в сфере информационных технологий и ее последующее применение. Наконец, за порядок использования систем видеонаблюдения на выборах, а также за дальнейшее хранение видеозаписей ответственность возлагалась на Центральную избирательную комиссию РФ, действующую по согласованию с указанным органом исполнительной власти федерального уровня.

Помимо положений федерального законодательства, как уже отмечалось выше, охарактеризовать условия и порядок применения систем видеонаблюдения на референдумах и выборах позволяют постановления Центральной избирательной комиссии РФ.

В частности, в соответствии с постановлением ЦИК РФ от 14.07.2021 № 20/169-8 «О видеонаблюдении при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва»¹⁷ (в отличие от положений федерального законодательства) избирательные комиссии уже не могут, а обязаны использовать системы видеонаблюдения в помещениях для голосования на избирательных участках. На основании п. 2 данного постановления избирательным комиссиям на уровне субъектов на территории РФ предписывалось также осуществлять контроль за соблюдением территориальными и участковыми избирательными комиссиями соответствующих требований к работе со средствами видеонаблюдения на выборах. В частности, согласно порядку организации видеонаблюдения на выборах определялись зоны видимости камер, размещенных в помещениях для голосования участковых и территориальных избирательных комиссий.

Положения постановления ЦИК РФ от 14.07.2021 № 20/169-8 базировались на особом

¹⁷ Вестник ЦИК России. 2021. № 11.

Порядке применения средств видеонаблюдения и трансляции изображения¹⁸ (далее — Порядок). Данный Порядок определяет цели установления систем видеонаблюдения в помещениях на избирательных участках, структура этих систем, принципы их работы, а также перечень услуг, оказываемых организацией, отвечающей за установку систем видеонаблюдения на выборах в РФ. Необходимо отметить, что в п. 1.6 настоящего Порядка сказано также, что средства видеонаблюдения должны размещаться в помещении для голосования таким образом, чтобы не нарушать тайну данной процедуры. Ведь согласно ст. 7 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹⁹ голосование граждан в ходе референдума либо выборов должно быть тайным — должна быть исключена всякая возможность контроля за волеизъявлением россиян. В этой связи можно сделать вывод о том, что не допускается размещение камер видеонаблюдения в кабинках для голосования, где непосредственно совершается выбор гражданина в пользу того или иного кандидата либо партии. Зафиксированные в помещении, где располагается территориальная избирательная комиссия, в соответствии с 1.6 настоящего Порядка, видеозаписи не могут использоваться в качестве замены законодательно определенной процедуры подсчета голосов, а также определения результатов голосования избирателей. Отсюда можно сделать вывод об основной функции видеонаблюдения в ходе референдума и выборов — предупреждение нарушений указанных процедур волеизъявления граждан. Между тем оно не способно заменить традиционную процедуру подсчета голосов, на основании кото-

рой делается вывод о результатах голосования. В пункте 1.7 настоящий Порядок повторяет соответствующие положения федеральных законов «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и «О выборах Президента Российской Федерации», касающиеся недопущения размещения систем видеонаблюдения в помещениях избирательных участков, располагающихся в медицинских учреждениях, местах заключения, на судах, полярных станциях, а также в воинских частях без согласования с командиром части.

Пунктом 1.8 настоящего Порядка предусматривается применение систем видеонаблюдения на всех выборах либо референдумах в том случае, если президентские выборы совмещаются с иными выборами или референдумами. При этом учитываются особенности помещений, в которых производилось голосование. В частности, в ряде из них вплоть до настоящего времени отсутствует возможность подключения к сетям передачи данных, функционирование которых соответствовало бы всем техническим требованиям для проведения видеотрансляций. В результате, согласно п. 1.9 настоящего Порядка, в таких помещениях в процессе голосования должна производиться только фиксация изображений при видеонаблюдении.

Необходимо отметить, что средства видеонаблюдения, используемые при проведении выборов либо референдумов в РФ, должны применяться с соблюдением требований российского законодательства, согласно которым устанавливаются ограничения на доступ к информации. В частности, системы видеонаблюдения, фиксирующие проведение референдумов и выборов, должны функционировать с учетом положений ст. 152 Гражданского кодекса РФ²⁰.

¹⁸ Порядок применения средств видеонаблюдения и трансляции изображения в помещениях для голосования избирательных участков и помещениях территориальных избирательных комиссий, трансляции изображения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также хранения соответствующих видеозаписей на выборах Президента РФ. 02.08.2017 // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/relevant/detail/30655/> (дата обращения: 26.07.2023).

¹⁹ СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

²⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ч. I // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.07.2023).

Содержание данной статьи направлено в первую очередь на защиту чести и достоинства российских граждан, а также их деловой репутации. Суть статьи заключается в том, что каждый россиянин имеет право защищать свои честь и достоинство от незаконных действий третьих лиц. Высшие суды Российской Федерации поддерживают положения ст. 152 ГК РФ, так как законодательная защита должна обеспечивать не только сохранность имущества россиян, разного рода активов и т.д., но также их деловой репутации, играющей значимую роль в правовых отношениях. Положения ст. 152 ГК РФ, таким образом, имеют непосредственное отношение к использованию систем видеонаблюдения при проведении выборов или референдумов. Это определяется тем, что в записях видеокамер могут быть зафиксированы сведения, позволяющие составить полноценное представление о процедуре выборов либо референдума. Как следствие, их использование при голосовании является дополнительным средством защиты чести и достоинства не только избирателей, но также кандидатов и партий.

Отдельно следует заметить, что о ведении видеонаблюдения в помещении для голосования на избирательном участке избиратели, равно как кандидаты, политические партии, а также другие участники избирательного процесса, должны быть извещены заблаговременно. Информирование всех вышеперечисленных участников процедуры выборов либо референдума осуществляется усилиями Центральной избирательной комиссии РФ, избирательных комиссий субъектов РФ, территориальных и участковых избирательных комиссий. При этом информация о проведении видеонаблюдения должна быть также непосредственно размещена в помещении, где проходит голосование. В частности, в соответствии с п. 1.12 Порядка, при входе в помещение для голосования, а также внутри него должны быть вывешены одна либо несколько табличек формата А4 с указанием на то, что здесь ведется видеонаблюдение. Размещение камер видеонаблюдения в помещении для голосования на избирательных участках, в свою очередь, также регламентировано законодательно. Камеры должны располагаться таким

образом, чтобы фиксировать наиболее значимые объекты в рамках процесса голосования на референдуме либо выборах. К числу последних относятся, в частности, площадь помещения полностью, в котором проходит голосование, места, где производится работа со списком избирателей, бюллетени выдаются избирателям, погашаются использованные бюллетени и т.д. После того, как в конкретном помещении будут определены места осуществления указанных процедур, установка камер видеонаблюдения, а также другого оборудования согласуется участковой избирательной комиссией с владельцем помещения. При этом согласование должно производиться с учетом рекомендаций, полученных от представителей технического оператора по установке систем видеонаблюдения. Точки размещения первой и второй камеры определяются исходя из того, чтобы по крайней мере одна камера могла зафиксировать все основные объекты в помещении для голосования. Их полный перечень дан в п. 2.1 Порядка. К значимым объектам следует отнести также место, где размещается увеличенная форма протокола, в которой должны быть отражены итоги голосования; в случае применения комплексов для проведения электронного голосования избирателей — КЭГ — места, где граждане получают карточки со штрих-кодом для того, чтобы принять участие в электронном голосовании; стационарные и переносные ящики для голосования; специальные комплексы обработки избирательных бюллетеней (КОИБ), а также переносные устройства для проведения электронного голосования в том случае, если они применяются на выборах. Помимо указанных значимых объектов при проведении процедуры голосования, видеонаблюдение также должно быть направлено на фиксацию объектов, первостепенных при подсчете голосов граждан. К их числу относятся места подсчета бюллетеней, извлекаемых из ящиков после проведения выборов; в случае применения КЭГ — места, где производится погашение неиспользованных карточек со штрих-кодом для участия граждан в электронном голосовании, а также место, где находится оператор специального программного обеспечения УИК при реализации техно-

логии изготовления протоколов участковой избирательной комиссии об итогах голосования; место подписания протокола комиссией об итогах голосования и место проведения ее итогового заседания.

Таким образом, подводя итоги рассмотрению вопроса о применении цифровых технологий, а именно видеонаблюдения, в рамках проведения процедуры референдума либо выборов, необходимо отметить, что, имея сравнительно недавнюю историю, цифровые технологии зарекомендовали себя в качестве эффективного средства предотвращения нарушений и фальсификаций в ходе свободного, политически значимого волеизъявления граждан РФ. Можно предположить, что видеонаблюдение как прогрессивная технология будет в дальнейшем применяться повсеместно при проведении выборов либо референдумов. Правовое регулирование использования видеонаблюдения в помещениях для голосования на избирательных участках производится преимущественно на

основании федеральных законов, а также постановлений Центральной избирательной комиссии. При этом федеральные законы не содержат непосредственных указаний на обязательность использования видеонаблюдения на выборах и референдумах, в то время как постановления ЦИК говорят об обязательности размещения систем видеонаблюдения в помещениях для голосования на избирательных участках. Наконец, разработка и утверждение особого Порядка применения средств видеонаблюдения и трансляции изображения в помещениях для голосования на избирательных участках и в помещениях территориальных избирательных комиссий позволили аккумулировать основные принципы и условия применения видеонаблюдения на выборах и референдумах, в том числе для технически не оснащенных зданий. Наконец, на основании данного документа регламентируется размещение материалов видеонаблюдения в сети Интернет и доступа к ним пользователей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агаларова К. А.* Развитие избирательного законодательства субъектов Российской Федерации: конституционно-правовой анализ. — М. : РАГС, 2004. — 25 с.
2. *Андрианов В. Н.* Международные избирательные стандарты и российское уголовное законодательство // Конституционное и муниципальное право. — 2004. — № 6. — С. 25–28.
3. *Босова Е. Н.* Избирательный кодекс РФ: резервы и риски систематизации // Избирательное законодательство и практика. — 2019. — № 2. — С. 8–14.
4. *Босова Е. Н., Реут Д. А.* Дистанционное электронное голосование: поиск законодательного оформления // Правоприменение. — 2019. — Т. 3. — № 3. — С. 53–62.
5. Видеотрансляции процедур голосования и подсчета голосов на федеральных выборах в РФ. Досье // ТАСС. — 21.09.2017. — URL: <https://tass.ru/info/4582276> (дата обращения: 26.07.2023).
6. Глава Минкомсвязи установил первый комплект оборудования для видеонаблюдения на избирательном участке в Великом Новгороде // Сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. — URL: https://digital.gov.ru/ru/events/29707/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения: 26.07.2023).
7. *Головин А. Г.* Эволюция системы избирательного законодательства в Российской Федерации: тенденции и перспективы. — М. : Academia, 2008. — 212 с.
8. Конституционализация российского права в учении академика О. Е. Кутафина : монография / рук. авт. кол. и отв. ред. В. В. Комарова. — М. : Инфра-М, 2023. — 329 с.
9. *Любарев А. Е.* О концепции избирательного кодекса РФ // Государство и право. — 2010. — № 7. — С. 46–54.
10. *Павлушин А. В., Постников А. Е.* Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) // Журнал российского права. — 2009. — № 11 (155). — С. 5–13.

11. Уханова А. П. Информационное обеспечение выборов как гарантия реализации избирательных прав граждан в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Петрозаводск, 2015. — 187 с.
12. Худoley Д. М. О структуре российского избирательного права // Избирательное право. — 2013. — № 4. — С. 2–8.

Материал поступил в редакцию 20 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agalarova K. A. Razvitie izbiratel'nogo zakonodatel'stva subektov Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovoy analiz. — M.: RAGS, 2004. — 25 s.
2. Andrianov V. N. Mezhdunarodnye izbiratelnye standarty i rossiyskoe ugovolnoe zakonodatel'stvo // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2004. — № 6. — С. 25–28.
3. Bosova E. N. Izbiratel'nyy kodeks RF: rezervy i riski sistematizatsii // Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika. — 2019. — № 2. — С. 8–14.
4. Bosova E. N., Reut D. A. Distant'sionnoe elektronnoe golosovanie: poisk zakonodatelnogo oformleniya // Pravoprименение. — 2019. — Т. 3. — № 3. — С. 53–62.
5. Videotranslyatsii protsedur golosovaniya i podscheta golosov na federalnykh vyborakh v RF. Dose // TASS. — 21.09.2017. — URL: <https://tass.ru/info/4582276> (data obrashcheniya: 26.07.2023).
6. Glava Minkomsvyazi ustanovil pervyy komplekt oborudovaniya dlya videonablyudeniya na izbiratel'nom uchastke v Velikom Novgorode // Sayt Ministerstva tsifrovogo razvitiya, svyazi i massovykh kommunikatsiy Rossiyskoy Federatsii. — URL: https://digital.gov.ru/ru/events/29707/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (data obrashcheniya: 26.07.2023).
7. Golovin A. G. Evolyutsiya sistemy izbiratel'nogo zakonodatel'stva v Rossiyskoy Federatsii: tendentsii i perspektivy. — M.: Academia, 2008. — 212 s.
8. Konstitutsionalizatsiya rossiyskogo prava v uchenii akademika O. E. Kutafina: monografiya / ruk. avt. kol. i otv. red. V. V. Komarova. — M.: Infra-M, 2023. — 329 s.
9. Lyubarev A. E. O kontseptsii izbiratel'nogo kodeksa RF // Gosudarstvo i pravo. — 2010. — № 7. — С. 46–54.
10. Pavlushin A. V., Postnikov A. E. Pravovoy mekhanizm distant'sionnogo elektronnoego golosovaniya (analiz vozmozhnoy modeli) // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2009. — № 11 (155). — С. 5–13.
11. Ukhanova A. P. Informatsionnoe obespechenie vyborov kak garantiya realizatsii izbiratel'nykh prav grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Petrozavodsk, 2015. — 187 s.
12. Khudoley D. M. O strukture rossiyskogo izbiratel'nogo prava // Izbiratel'noe pravo. — 2013. — № 4. — С. 2–8.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.030-044

С. П. Степкин*

Доктрина «доверие» в современном конституционном праве: возникновение, перспективы ее развития и оценки

Аннотация. В 2020 г. в результате реформы в Конституции Российской Федерации была закреплена норма о взаимном доверии государства и народа, при этом остается нераскрытым инструмент определения такого доверия, периодичность его оценки, а также вопросы регулирования и развития доверия. Проводя настоящее исследование, автор ставил целью: изучить процесс появления и развития феномена «доверие» с советского периода до сегодняшних дней; провести сравнительно-правовой анализ советского, зарубежного и современного российского законодательства; оценить влияние института обращений граждан на повышение доверия; определить роль обращений граждан в процессе формирования взаимного доверия и в обеспечении конституционного правопорядка. Роль обращений граждан в поддержании доверия к публичной власти и в обеспечении конституционного правопорядка сложно переоценить, анализ массива обращений граждан не только позволит заменить необходимые для оценки доверия общественные мнения, но и способен обеспечить их качественное и бесплатное замещение, с большим охватом граждан. Отмечены особая роль института обращений граждан в недопущении протестных настроений, взаимосвязь доверия с верой в Бога, а также способность доверия нивелировать несовершенство законодательства.

Ключевые слова: доверие; диалог; обращения граждан; демократия; взаимное доверие; органы публичной власти; правовое доверие; социальное доверие; конституционные гарантии; общественный контроль; кризис доверия; недоверие; человекоцентричность; общественное мнение; конституционный правопорядок.

Для цитирования: Степкин С. П. Доктрина «доверие» в современном конституционном праве: возникновение, перспективы ее развития и оценки // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 30–44. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.030-044.

The Doctrine of «Trust» in Modern Constitutional Law: Emergence, Prospects for Development and Evaluation

Stanislav P. Stepkin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Faculty of Law, Russian State Social University
ul. Vilgelma Peaka, d. 4, str. 1, Moscow, Russia, 129226
stepkin.sciences@mail.ru

Abstract. In 2020, as a result of the Reform, the rule of law on mutual trust between the State and the people was enshrined in the Constitution of the Russian Federation, while the instrument for determining such trust, the frequency of its assessment, as well as issues of regulation and development of trust remain undisclosed.

© Степкин С. П., 2023

* Степкин Станислав Павлович, кандидат юридических наук, доцент, доцент юридического факультета Российского государственного социального университета
ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, г. Москва, Россия, 129226
stepkin.sciences@mail.ru

In conducting this research, the author aimed to examine the process of the emergence and development of the phenomenon of «trust» from the Soviet period to the present day, to conduct a comparative legal analysis of Soviet, foreign and modern Russian legislation, to assess the impact of the institution of citizens' appeals on increasing trust, to determine the role of citizens' appeals in the process of forming mutual trust and in ensuring constitutional law and order. It is difficult to overestimate the role of citizens' appeals in maintaining trust in public authorities and in ensuring constitutional law and order; the analysis of the array of citizens' appeals will not only allow replacing public opinions necessary for assessing trust, but it is also able to provide their high-quality and free replacement, with a wide involvement of citizens. The paper highlights a special role of the institution of citizens' appeals in preventing protest moods, the relationship of trust with faith in God, as well as the ability of trust to neutralize the imperfection of legislation.

Keywords: trust; dialogue; citizens' appeals; democracy; mutual trust; public authorities; legal trust; social trust; constitutional guarantees; public control; crisis of trust; distrust; human-centricity; public opinion; constitutional order.

Cite as: Stepkin SP. Doktrina «doverie» v sovremennom konstitutsionnom prave: vzniknovenie, perspektivy ee razvitiya i otsenki [The Doctrine of «Trust» in Modern Constitutional Law: Emergence, Prospects for Development and Evaluation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):30-44. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.030-044. (In Russ., abstract in Eng.).

В связи с проведенной в 2020 г. масштабной конституционной реформой, в частности дополнением Конституции Российской Федерации статьей 75.1, вопрос развития взаимного доверия государства и общества приобретает еще бóльшую актуальность (вовлечение граждан и их участие в управлении делами государства стали важнейшими компонентами демократии и эффективного управления), а главное — становится конституционной гарантией.

Согласно заключению Конституционного Суда РФ статья 75.1 «конкретизирует положения о социальном государстве и согласуется с принципом недопустимости нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении своих прав и свобод (ст. 7; ч. 3 ст. 17 Конституции РФ)»¹. Комментируя норму данной статьи, Т. Я. Хабриева и А. А. Клишас указывают на продолжение последовательной реализации «принципов

социального государства, составляющих одну из основ конституционного строя, а также государственной защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина»².

Н. А. Арапов отмечает, что принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства проистекает из положений преамбулы и ст. 1, 2, 7, 17, 18, 21 Конституции РФ³, однако представляется, что к таким положениям можно также отнести ст. 3 (народ — носитель суверенитета и источник власти), ст. 8 (свобода экономической деятельности, защита частной собственности, ст. 13 (свобода идеологического и политического выбора, многопартийность) и ст. 19 (равенство прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности).

С. А. Нарутто и А. В. Никитина приходят к выводу о декларативном и абстрактном характере

¹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации».

² Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М. : Норма, Инфра-М, 2020.

данной конституционной регламентации в основном законе страны⁴, с чем сложно не согласиться, так как доверие — явление социальное, его невозможно отрегулировать, а можно лишь заслужить. Кроме того, отсутствует и критерий оценки наличия либо отсутствия доверия.

При этом исходя из указанных норм Конституции РФ доверие обеспечивается в том числе сбалансированностью прав и обязанностей граждан, разумной пропорциональностью баланса частных и публичных интересов, стабильностью и предсказуемостью, открытостью органов публичной власти, независимостью и беспристрастностью судебной власти, достоверностью и единообразием официальной информации. Именно соблюдение баланса представляется важным элементом, но оно невозможно без сознательности и уважения интересов общества, уважения граждан друг к другу и к органам публичной власти, а также конституционно закрепленных гарантий обеспечения равных обязанностей, прав и свобод, свободы идеологических и религиозных взглядов.

Словосочетание «укрепление доверия» содержится в актах субъектов Российской Федерации, например в уставах Амурской области⁵, Брянской области⁶ и Приморского края⁷. В Уставе Иркутской области создание условий для взаимного доверия государства и общества отнесено к целям государственной власти и местного самоуправления⁸. Однако на уро-

вень доверия влияют не закрепление доверия в конституционных (уставных) актах, а качество и безопасность жизни населения, активность в социальных сетях и СМИ региональных глав⁹.

Д. Бонхёффер, говоря о доверии, пишет, что оно «всегда останется для нас одним из величайших, редкостных и окрыляющих даров, которые несет с собой жизнь среди людей...»¹⁰. П. Штомпка справедливо утверждал, что «доверие — основа общества», оно строится на добросовестности всех сторон взаимоотношений, а правовая регламентация таких взаимоотношений способствует сутяжничеству¹¹. Ф. Перлз, в свою очередь, отмечает тесную связь данного феномена со зрелостью человека, обладающего самостоятельностью в действиях и принятии решений¹². Ф. Фукуяма отмечает позитивное преобладание взаимного доверия в японском обществе, в то время как в западном мире оно отходит на второй план, уступая правовому регулированию¹³. Особую роль доверия в организации любых общественных отношений отмечает А. Селигмен¹⁴. А И. А. Ильин считал, что взаимное доверие является «необходимую основой общества, правопорядка и политического существования», оно «лежит в основании как частного, так и публичного правоотношения»¹⁵. Таким образом, доверие имеет древние корни и неотрывно от социальных, политических и психологических процессов в обществе.

³ Арапов Н. А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015.

⁴ Нарутто С. В., Никитина А. В. Конституционный принцип доверия в современном российском обществе // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 14.

⁵ Устав (Основной Закон) Амурской области от 13.12.1995 № 40-ОЗ.

⁶ Устав Брянской области от 20.12.2012 № 91-З.

⁷ Устав Приморского края от 06.10.1995 № 14-КЗ.

⁸ Устав Иркутской области от 17.04.2009.

⁹ URL: <https://governors.ru/rating>, <http://spp-center.ru/index-vdl/>, <https://russia-rating.ru/info/21217.html> (дата обращения: 28.07.2023).

¹⁰ Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность : пер. с нем. М. : Прогресс, 1994.

¹¹ Штомпка П. Доверие — основа общества / пер. с пол. Н. В. Морозовой. М. : Логос, 2012.

¹² Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. М. : Смысл, 2000.

¹³ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. М. : АСТ; Ермак, 2004.

¹⁴ Селигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. М. : Идея-Пресс, 2002.

¹⁵ Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Рарог, 1993.

В публичном пространстве в Российской Федерации первоначально тема доверия стала подниматься экономическим сообществом и на межгосударственном уровне. Проблемы взаимного доверия бизнеса и власти, предпринимателей и иных участников общественных отношений всегда были и остаются актуальными. Так, в 2016 г. глобальной темой Петербургского международного юридического форума (ПМЮФ) министр юстиции Российской Федерации обозначил доверие к праву¹⁶.

Подчеркивая значение права, П. И. Новгородцев еще в 1917 г. утверждал, что «самое дорогое и ценное для всей юридической науки — это доверие к идее права»¹⁷, и это утверждение актуально и сегодня. Однако для формирования такого доверия предстоит еще очень многое сделать. Ведь без доверия к идее права не может быть доверия к государству. На уровне конституционного акта обязательность полного доверия и уважения к официальным актам, документам и судебным материалам во всех штатах закреплена в разд. 1 ст. IV Конституции США¹⁸.

При этом справедливым будет отметить, что в разделе первом Основного Закона (Конституции) СССР 1924 г. уже закреплялось «взаимное доверие» советских республик и констатировалось создание обстановки для него в лагере социализма. В Конституциях (Основных Законах) СССР 1936 г. и РСФСР 1938 г. доверие уже не упоминалось. В Конституциях (Основных Законах) СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г. упоминается доверие избирателей в контексте его возможной

утраты депутатом (исключено в 1991 г.¹⁹), затем в результате поправок 1989 г. к полномочиям Верховного Совета РСФСР отнесено решение вопроса о доверии Правительству РСФСР и членам Правительства РСФСР²⁰. 12 декабря 1993 г. нормами ст. 117 Конституции РФ Государственной Думе предоставлено право по собственной инициативе выразить недоверие Правительству РФ, выразить доверие либо отказать в доверии Правительству РФ, если вопрос о доверии поставлен Председателем Правительства РФ.

Получив конституционное закрепление, термин «доверие» использовался в качестве оценки деятельности депутатов избирателями, правительства и его членов — о взаимном доверии государства и общества тогда речь не шла. При этом С. М. Шахрай отмечает, что в 1994–1997 гг. парламентарии «держали на крючке» Правительство РФ и ставили вопрос о недоверии «чуть ли не каждый день»²¹, что свидетельствовало о кризисе доверия между двумя ветвями власти.

Вопрос о доверии Правительству РФ законодательно отнесен к форме парламентского контроля²², в науке рассматривается в контексте принципа разделения властей, сдерживающих и уравновешивающих друг друга, и не является чем-то новым. Так, постановка вопроса о доверии правительству закреплена нормами Конституции Республики Беларусь и Конституции Республики Молдова, а также Конституции Французской Республики²³. Норма о выражении недоверия Федеральному канцлеру предусмотрена Конституцией ФРГ²⁴. В качестве основания для объявления импичмента Президенту, вице-

¹⁶ URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/46610/> (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁷ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М. : Пресса, 1991.

¹⁸ Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : ИЗИСП, 2006. Т. 1 : Северная и Центральная Америка.

¹⁹ Закон РСФСР от 24.05.1991 № 1326-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» (утратил силу).

²⁰ Закон РСФСР от 27.10.1989 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» (утратил силу).

²¹ Шахрай С. М. Неизвестная Конституция = Constitutio incognita. М. : Красная звезда, 2013.

²² Федеральный закон от 07.05.2013 № 77-ФЗ «О парламентском контроле».

²³ URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата обращения: 11.07.2023).

²⁴ См.: URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (дата обращения: 11.07.2023).

президенту, членам Верховного суда, конституционных комиссий и омбудсмена в Конституции Республики Филиппины указана утрата общественного доверия²⁵.

Гражданское законодательство содержит главу «Доверительное управление имуществом» с 1996 г.²⁶, ответственность за злоупотребление доверием в 1996 г. установлена статьей 165 Уголовного кодекса РФ²⁷, а с 2011 г. — статьей 7.27.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях²⁸. Избирательное законодательство с 2002 г. содержит упоминание «доверенные лица»²⁹, в 2003 и 2004 гг. в банковском законодательстве появилось «доверие к банковской системе»³⁰, важность которого еще в 2001 г. отмечал Конституционный Суд РФ³¹, а принятый в 2006 г. закон о рекламе запрещает в рекламе злоупотребление доверием несовершеннолетних, а также подрыв доверия к их родителям³².

В 2011 г. в законодательстве окончательно нашел свое закрепление термин «утрата доверия», применяемый к весьма широкому кругу

субъектов: от избираемых до назначаемых на свои должности лиц, например в Федеральном законе «О противодействии коррупции» появились новые статьи — 13.1 и 13.2³³, но понятие «утрата доверия» не было раскрыто. В том же году законодательное закрепление получило доверие «к информации, указанной в сертификате ключа проверки электронной подписи»³⁴ и «общественное доверие» к полиции, причем законодательно разделяются «доверие» и «поддержка граждан»³⁵, по сути означающие одно и то же. Повышение доверия к полиции со стороны народа всегда являлось задачей государства: так, желая исправить недостатки в работе полиции, император Александр I 24 октября 1803 г. издал указ «О средствах к исправлению полиции в городах», что вызвало в обществе однозначное доверие, причем как в отношении государства в целом, так и отдельно в отношении полиции.

В 2013 г. законодательное закрепление получила «утрата доверия» Президента РФ

²⁵ Конституции государств Азии : в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : ИЗИСП: Норма, 2010. Т. 3 : Дальний Восток.

²⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ.

²⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

²⁸ Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

²⁹ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» ; Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» ; Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» ; ст. 33 Федерального закона от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории “Сириус”».

³⁰ См.: статья 1 Федерального закона от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»; Ст. 1 Федерального закона от 29.07.2004 № 96-ФЗ «О выплатах Банка России по вкладам физических лиц в признанных банкротами банках, не участвующих в системе обязательного страхования вкладов в банках Российской Федерации».

³¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.07.2001 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона “О реструктуризации кредитных организаций” и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций” в связи с жалобами ряда граждан».

³² Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе».

³³ Федеральный закон от 21.11.2011 № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции».

³⁴ См.: п. 2 ч. 3 ст. 16 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

³⁵ См.: ст. 9 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».

главам муниципального района и городского округа³⁶. При этом еще в 1999 г. к полномочиям законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ было отнесено оформление решения о недоверии (доверии) высшему должностному лицу субъекта РФ (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ), руководителям органов исполнительной власти субъекта РФ, назначаемых законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ в соответствии с конституцией (уставом) субъекта РФ³⁷.

Эффективное функционирование любых институтов без контроля невозможно, в связи с чем также необходим публичный контроль за государством со стороны народа, укрепляющий доверие к праву. Так, в 2014 г. принят Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»³⁸, которым к задачам данного контроля отнесено «повышение уровня доверия граждан к деятельности государства, а также обеспечение тесного взаимодействия государства с институтами гражданского общества», при этом ряд отраслей (оборона, безопасность государства и общества, правопорядок, деятельность правоохранительных и судебных органов, исполнение наказаний, контроль за оборотом наркотиков, содержание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, оказание психиатрической помощи) выведены из-под действия данного закона и могут регулироваться отдельными федеральными законами,

которые до настоящего времени не приняты. Вместе с тем сама по себе гарантия общественного контроля, как и вообще контроля власти народом, в Конституции РФ отсутствует. Необходимость ее закрепления именно в Основном законе страны отмечает и С. А. Авакьян³⁹. При этом справедливым будет отметить, что об использовании общественного контроля в качестве инструмента обеспечения доверия народа к власти, что, в свою очередь, легитимизирует власть, О. Е. Кутафин упоминал еще в 2008 г.⁴⁰ Представляется, что в качестве инструмента инициирования и планирования такого контроля должны выступать обращения граждан в органы общественного контроля.

Всё это свидетельствует о том, что вывод доверия на уровень конституционной гарантии современной России был не спонтанным, а изученным, актуальным и востребованным. Сегодня можно констатировать, что от конституционно установленного определения доверия одной ветви власти другой произошло законодательное смещение к доверию народа, а затем в 2020 г. закреплена необходимость формирования взаимного доверия государства и общества.

Построение государством своей работы с использованием массива информации из обращений граждан по модели «от запроса граждан к его реализации» продемонстрирует человекоцентричность и, как следствие, укрепит доверие. О связи легитимности власти и доверия народа, без которого эта легитимность невоз-

³⁶ См.: ч. 6.1 ст. 36 Федерального закона от 07.05.2013 № 102-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами”».

³⁷ Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (утратил силу).

³⁸ Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

³⁹ Авакьян С. А. Проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации 1993 года // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 24.

⁴⁰ Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Норма, 2008.

можно, пишут многие авторы⁴¹. И. А. Ильин убежден, что отсутствие взаимного доверия ведет к разрушению правопорядка и государства, а существование государства без такого доверия ставит вопрос о самой возможности его существования⁴².

С. А. Данилов и С. В. Володина определяют доверие в качестве ключевого механизма «легитимации власти»⁴³ и акцентируют свои исследования на формировании доверия посредством появления новых партийных структур⁴⁴, что отвечает конституционно гарантированным принципам многопартийности и политического многообразия, однако в современном мире сложно оценить положительный аспект такого многообразия, как и отрицательный эффект от его отсутствия. Избрание большинства представителей партии «Единая Россия», с одной стороны, устраняет политическое многообразие, а с другой — формирует эффективную вертикаль посредством аккумуляции доверия избирателей на одной политической партии, что показало свою эффективность при необходимости

принятия важных политических и социальных решений в современных реалиях жизни.

Проблему сегодня образуют снижение и даже потеря доверия. Н. М. Добрынин указывает на значительное снижение в последние годы уровня доверия к власти у существенной доли граждан и отдаление государства от подлинного конституционализма⁴⁵. На отсутствие доверия к муниципальным органам указывают многие другие исследователи⁴⁶. В. В. Комарова отмечает существование в современном государстве кризиса доверия к власти и совершенно справедливо указывает на необходимость формирования идеологии такого доверия⁴⁷.

Причины этой ситуации разнообразны. Так, Е. В. Виноградова отмечает, что доверие граждан к закону и действиям государства подрывают недостатки работы нотариусов⁴⁸ как лиц, осуществляющих публично значимые функции. Аналогичная ситуация с деятельностью правоохранительных органов, банков и судов.

Обращения граждан имеют явное преимущество в процессе оценки доверия граждан

⁴¹ *Бабурин С. Н.* Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 4 ; Правовое обеспечение государственного управления и исполнительная власть : учебник для магистров / Э. П. Андрюхина, И. В. Ахрем, Н. Н. Бакурова [и др.] ; под ред. С. А. Старостина. М. : Проспект, 2017 ; *Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В.* Правовые проблемы повышения эффективности мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в современных условиях // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 115 ; *Зорькин В. Д.* Доверие и право // Российская газета. 29.10.2013. № 94 (6069). С. 4.

⁴² *Ильин И. А.* Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2003.

⁴³ *Данилов С. А., Володина С. В.* Электоральное доверие: концептуальные профили и риск-факторы // Власть. 2015. Т. 23. № 8. С. 68.

⁴⁴ *Данилов С. А., Володина С. В.* Доверие и риски российской многопартийности: современный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2014. № 12. Ч. 1.

⁴⁵ *Добрынин Н. М.* О сущности российского конституционализма // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 40–51.

⁴⁶ *Гальченко В. В.* Роль местного самоуправления в развитии социальной активности населения муниципального образования // Сервис plus. 2012. № 4. С. 48–52 ; *Петухов Р. В.* Кризис доверия населения к органам местного самоуправления в Российской Федерации: причины, динамика и способы преодоления // Участие населения в государственном и муниципальном управлении : учеб. пособие / Д. П. Соснин, Е. О. Сониная, Р. В. Петухов [и др.] ; под общ. ред. Д. П. Соснина. М. : Проспект, 2021.

⁴⁷ *Комарова В. В.* Конституционно-правовая доктрина «доверие» в научной школе российского конституционализма // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 6. С. 37.

⁴⁸ *Виноградова Е. В.* К вопросу об участии нотариусов в реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь // Нотариус. 2022. № 3. С. 3–6.

к государству. Именно институт обращения граждан в органы публичной власти является важным инструментом и маркером проблем, в состоянии прямо способствовать укреплению доверия к государству. Более того, справедливое и по существу рассмотрение обращений граждан с их чаяниями позволяет ограничить, а иногда и избежать выплескивания проблем в публичную плоскость. При помощи обращений граждане в досудебном порядке отстаивают свои конституционные права на достойную жизнь и свободное развитие.

Установление на уровне конституционных гарантий ответственности за нарушение права граждан на обращение вплоть до отрешения от занимаемой должности, как, например, в ст. 51 Конституции Боливарианской Республики Венесуэла⁴⁹, является важным этапом укрепления доверия к власти. Другим примером является законодательное регулирование порядка обжалования ответов на обращения граждан и организаций в публичные структуры, закрепленное в ст. 20 Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц»⁵⁰ — того же акта, которым рассмотрение обращений граждан и регулируется.

При реализации конституционной гарантии на непосредственное выражение власти посредством референдума и выборов происходит и оценка доверия народом власти. Б. С. Эбзеев так описывает роль выборов: «Народ, избирая депутатов Государственной Думы, главу государства и т.п., делегирует им не всю полноту власти», делегируется лишь конституционная власть, ограниченная пределами конституционных норм⁵¹. Снижение интереса граждан к голосованию на выборах свидетельствует не только о пассивности общества, но и об отсутствии

доверия к кандидатам. Е. И. Козлова, исследуя особенности представительной системы советского периода, поднимает вопросы не только об обязанности депутатов отчитываться перед их избирателями, но и об утраченной сегодня возможности отзыва депутатов высшего выборного органа страны, не оправдавших доверие избирателей⁵², что, бесспорно, является важным при формировании доверия в обществе.

Безусловно, к снижению и даже полной утрате доверия ведет неисполнение данных гражданам предвыборных обещаний, как и обещаний уже избравшегося политика (губернатора, главы, мэра, депутата и т.д.), неисполнение наказов избирателей и последующее игнорирование их обращений. Это приобретает особенную важность в связи с тем, что доверие обычно концентрируется на конкретном лице. Так, популярное у отдельных членов общества стремление к политическому многообразию скорее рассеивает внимание граждан и усложняет определение лица, которому можно доверять. Совершенно естественным образом увеличение доверия к одному лицу уменьшает, а иногда и полностью нивелирует доверие к другим. Это скорее психологическая необходимость выбора кого-то конкретного. Интересным выглядит недоверие общества к правительству или его отдельным органам, но при этом бесспорное доверие президенту, являющемуся главой государства и, по сути, правительством назначающему. Аналогичная ситуация и с партийными лидерами, отдельными руководителями органов публичной власти: доверяя им, граждане не доверяют возглавляемым ими органам. Для иллюстрации обратимся к опросу ВЦИОМ. Так, о доверии Президенту РФ В. В. Путину заявило 78,6 % респондентов, в то время как об одобрении его

⁴⁹ Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 3 : Южная Америка.

⁵⁰ Закон Республики Беларусь от 18.07.2011 № 300-З (ред. 28.06.2022) «Об обращениях граждан и юридических лиц».

⁵¹ Эбзеев Б. С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4. С. 36.

⁵² Козлова Е. И. Народовластие и права человека : материалы IV Международной научно-практической конференции, проведенной Российской академией правосудия совместно с Северо-Кавказским институтом — филиалом Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ 19–22 октября 2012 г. / под ред. Н. В. Витрука и Л. А. Нудненко. М. : РАП, 2012.

деятельности — 74,8 %. Аналогичная ситуация с Председателем Правительства РФ М. В. Мишустиным (60,9 % и 51,7 % соответственно, при этом об одобрении деятельности возглавляемого им правительства заявило 50,1 % респондентов), с лидерами политических партий⁵³.

Доверие является необходимым элементом, обеспечивающим стабильность и конституционный порядок, однако оно имеет границы, которые могут быть как сужены, так и расширены. Без него невозможно развитие социального государства, мобилизация человеческих и финансовых ресурсов, согласие и лояльность. Оно способно нивелировать правовые пробелы, не допускать протестные настроения в обществе. И если человек, обладающий доверием к власти, не всегда может «привить» такое доверие своим оппонентам, то в большинстве случаев он в состоянии смягчить их протестные настроения и снять напряжение. К тому же у всех присутствует природная (генетическая) предрасположенность к доверию, которую нужно развивать в правильном направлении. Собственно, основная роль доверия, как и обращений граждан, и есть недопущение напряжения в обществе и обеспечение конституционного правопорядка.

Самое крепкое доверие формируется на основе веры в Бога, поэтому появление упоминания о нем в ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ одновременно с взаимным доверием не случайно. Вера в Бога при возникновении сложных жизненных и опасных ситуаций возрастает практически мгновенно, таким образом, формируется и доверие к институтам церковной власти, которые, в свою очередь, играют важную роль в предотвращении и гашении конфликтов. Конституционный Суд РФ определяет доверие к закону и действиям государства как важное условие «поддержания гражданского мира — ключевой конституционной ценности,

на утверждение которой направлены основные усилия конституционного нормоконтроля»⁵⁴.

Особую роль в формировании как доверия, так и особенно недоверия играют средства массовой информации (СМИ), способные «по заказу» или для поднятия рейтингов выступить инструментом формирования отрицательного или положительного образа как государства, так и индивида. Собственно, в этом и заключается особенность и одновременно опасность так называемой четвертой ветви власти. Часто освещаемые в СМИ репрессии правоохранительных органов в отношении граждан, процветающая коррупция, утечки персональных данных, охраняемых законом, не способствуют выработке доверия. Хотя, безусловно, коррупция сегодня выступает основной причиной утраты доверия народа к власти. Государству совместно с юридическим сообществом необходимо активизировать роль авторитетных лидеров общественного мнения (артистов, политологов, блогеров, политиков, певцов и др.), использовать все доступные средства массмедиа и PR-технологии для поддержки репутации государственных органов, проводимой политики, освещения возможностей граждан в реализации их прав и свобод, эффективности их обращений в органы публичной власти и неотвратимость наказания за нарушение конституционных прав и свобод граждан.

Пожалуй, единственным барометром доверия служат опросы общественного мнения по вопросу деятельности институтов власти, например ВЦИОМ⁵⁵. Так, устанавливая критерии оценки эффективности региональной власти, Президентом РФ в перечне показателей первым пунктом утверждено «доверие к власти», а оценка этого доверия может проводиться «в том числе посредством оценки общественного мнения в отношении достижения в субъектах

⁵³ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-30062023> (дата обращения: 02.07.2023).

⁵⁴ Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // URL: <https://ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 11.07.2023).

⁵⁵ URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-obshchestvennykh-institutov> (дата обращения: 23.06.2023).

Российской Федерации национальных целей развития Российской Федерации»⁵⁶. Обращаясь к истории, следует отметить, что М. М. Сперанский отводил учету общественного мнения особое место⁵⁷. В июле 1826 г. Императором Николаем I было создано III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, выполняющее наблюдение за общественным мнением, движениями, революционерами и антиправительственными деятелями, а также обработку полученной информации об уровне доверия общества государственным органам и их руководителям, отражаемую в различных обзорах⁵⁸. При этом народ воспринял в качестве выражения доверия самодержавной власти к себе именно факт упразднения 6 августа 1880 г. этого отделения⁵⁹.

Только достигнув единства правоприменительной практики, можно рассчитывать на доверие граждан к действиям государства.

Именно взвешенность принимаемых и стабильность действующих правовых норм будут ключевыми в обеспечении доверия к правовому государству, для чего необходимо активнее использовать оценку регулирующего и фактического воздействия. В этой связи представляется важным вывод В. С. Голещихина об отсутствии ответственности разработчиков законодательных норм за итоги своей деятельности⁶⁰.

Конституционный Суд РФ еще в 2004 г. подчеркнул, что «изменение законодателем (в том числе посредством временного регулирования) ранее установленных правил должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает правовую определенность, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предсказуемость законодательной политики в социальной сфере...»⁶¹. И этот принцип должен быть основополагающим для законодателей всех уровней.

Отмечая особую роль Конституционного Суда РФ в поддержании доверия к государству и праву посредством нивелирования противоречий конституционных норм и формирующейся практики, необходимость «...поставить во главу угла вопрос об общественном доверии. Об источниках этого доверия. О механизмах его защиты...»⁶², В. Д. Зорькин считает, что следует восстанавливать право на общечеловеческом уровне⁶³, относя систему «права и правоприменения» к формальным механизмам формирования доверия⁶⁴. А. Н. Кокотов отмечает, что «...критерий доверия определяет (должен определять) позицию Конституционного Суда РФ при рассмотрении и разрешении им любых дел, независимо от того,

⁵⁶ Указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации».

⁵⁷ Борисов А. В., Стёпкин Е. Ю. Проблема общественного доверия и деятельность полиции Российской империи в первой половине XIX в. // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48). С. 16.

⁵⁸ Абакумов О. Ю. III Отделение: замысел и финал охранительного проекта // История и историческая память. 2018. № 16. С. 112.

⁵⁹ Голос. 1880. № 218. 9 (21) августа. С. 1.

⁶⁰ Голещихин В. С. Системные дефекты федерального законодательства (ч. 1) // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 10. С. 49.

⁶¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов “О федеральном бюджете на 2002 год”, “О федеральном бюджете на 2003 год”, “О федеральном бюджете на 2004 год” и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А. В. Жмаковского».

⁶² Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб. : КС РФ, 2021.

⁶³ Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России : монография. М., 2015.

⁶⁴ Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2014. № 1. С. 19.

обращается он в тексте конкретного решения непосредственно к принципу доверия или нет», при этом не исключая его использование при выполнении законодательных пробелов судами⁶⁵, тем самым его деятельность повышает доверие граждан к конституционным нормам и к праву в целом. Проблема доверия к судебной системе и государству в целом возникает в связи с неисполнимостью ряда решений, неисполнением либо ненадлежащим исполнением принятых, в том числе судебных (включая Конституционного Суда РФ), решений, которые выносятся от имени Российской Федерации и имеют общеобязательный характер⁶⁶. Осложняет ситуацию и тот факт, что решение суда в большинстве случаев удовлетворяет лишь одну из сторон спора.

Подводя итог настоящего исследования, следует отметить, что формирование взаимного доверия в современном обществе не только является логичным, но в свете проведенной конституционной реформы гарантированным высшим актом государства и имеет постоянный характер. Формированию такого доверия, безусловно, способствует качественное и своевременное рассмотрение обращений граждан по существу, принятие по ним действенных и оперативных мер, то есть повышение эффективного, в том числе личного, взаимодействия государства и общества, развитие диалога с обществом, обеспечивающего постоянную связь государства с народом (обратная связь). Обращения граждан эффективно способствуют реализации конституционных гарантий, защите прав и свобод граждан. Однако Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» прямо не предусматривает безотлагательного рассмотрения

обращений, а также устного взаимодействия органов публичной власти в целях оперативного решения вопросов (в том числе вне зависимости от наличия компетенции у органа), в то время как жизненные ситуации (пандемия COVID-2019, мобилизация, СВО, вопросы экстренного лечения и пр.) требуют от государства таких действий. Буквальное следование букве закона, без учета индивидуальной ситуации гражданина, а также происходящих в обществе процессов, не отвечает целям конституционализма. Необходимо чаще обращать внимание на то, как ситуация выглядит глазами обращающегося гражданина, уходить от формализма и работы с документами к работе с человеком, прежде всего так называемой человекоцентричности. Гуманизация законодательства, активное использование оценок регулирующего и фактического воздействия также должны стать основой доверия.

Необходимо очеловечивание должностных лиц, представляющих правящие институты, так как сформировать доверие к органу публичной власти без формирования доверия к его руководителю невозможно. Повышать доверие необходимо начиная с самой первой ступени власти — органов местного самоуправления⁶⁷, человекоцентричность ответов на обращения граждан является ключевой в формировании доверия. Законодательное установление повышенных требований к репутации лиц, занимающих публичные должности, равно как и неотвратимость их привлечения к ответственности за нарушение конституционных прав и свобод граждан, невзирая на ранги, определенно повысит и закрепит доверие народа к власти, включая суды, тем более что такое правовое регулирование допускает Конституционный Суд РФ⁶⁸.

⁶⁵ Кокотов А. Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5 (102). С. 100, 103.

⁶⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.11.2012 № 25-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 79 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” в связи с жалобой открытого акционерного общества “Акционерная компания трубопроводного транспорта нефтепродуктов “Транснефтепродукт”».

⁶⁷ Степкин С. П. Особенности работы с обращениями граждан на муниципальном уровне // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2022. № 3. С. 6–10.

⁶⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта “а” пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных

Конституционализация общественного контроля, повышение его роли в формировании и оценке уровня взаимного доверия, как и расширение сфер жизнедеятельности его применения, представляются особенно важными. Обращения граждан могли бы стать инструментом инициирования и планирования общественного контроля, однако для этого требуется законодательное закрепление их роли в данном процессе.

В качестве индикаторов оценки взаимного доверия предлагается использовать прежде всего анализ массива обращений граждан в органы публичной власти, выборы и референдумы и лишь потом опросы общественного мнения. Качественный анализ обращений граждан может заменить опросы общественного мнения, причем бесплатно для бюджета и с большим охватом участвующих граждан. В условиях

цифровизации для оценки доверия также могут быть использованы федеральный и региональные порталы государственных и муниципальных услуг (функций). В то же время, несмотря на конституционно-правовой статус отдельных субъектов права законодательной инициативы, представляется целесообразным предусмотреть ответственность разработчиков законодательных норм за итоги их деятельности хотя бы на уровне руководителей аппаратов и ответственных гражданских служащих аппаратов Совета Федерации, Правительства РФ, законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации.

Таким образом, обращения граждан играют существенную роль в формировании доверия к публичной власти и обеспечении конституционного правопорядка, их потенциал слабо изучен и пока недооценен.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абакумов О. Ю.* III Отделение: замысел и финал охранительного проекта // История и историческая память. — 2018. — № 16.
2. *Авакьян С. А.* Проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации 1993 г. // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 12.
3. *Арапов Н. А.* Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2015.
4. *Бабурин С. Н.* Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 1.
5. *Бонхёффер Д.* Сопrotивление и покорность : пер. с нем. — М. : Прогресс, 1994.
6. *Борисов А. В., Стёпкин Е. Ю.* Проблема общественного доверия и деятельность полиции Российской империи в первой половине XIX в. // Труды Академии управления МВД России. — 2018. — № 4 (48).
7. *Виноградова Е. В.* К вопросу об участии нотариусов в реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь // Нотариус. — 2022. — № 3.
8. *Гальченко В. В.* Роль местного самоуправления в развитии социальной активности населения муниципального образования // Сервис plus. — 2012. — № 4.
9. *Голещихин В. С.* Системные дефекты федерального законодательства (ч. 1) // Государственная власть и местное самоуправление. — 2021. — № 10.
10. *Данилов С. А., Володина С. В.* Доверие и риски российской многопартийности: современный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота. — 2014. — № 12. — Ч. 1.

прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова».

11. Данилов С. А., Володина С. В. Электоральное доверие: концептуальные профили и риск-факторы // Власть. — 2015. — Т. 23. — № 8.
12. Добрынин Н. М. О сущности российского конституционализма // Российский юридический журнал. — 2020. — № 4.
13. Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В. Правовые проблемы повышения эффективности мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в современных условиях // Журнал российского права. — 2021. — № 1.
14. Зорькин В. Д. Доверие и право // Российская газета. — 29.10.2013. — № 94 (6069).
15. Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. — СПб. : КС РФ, 2021.
16. Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2014. — № 1.
17. Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России : монография. — М., 2015.
18. Ильин И. А. О сущности правосознания. — М. : Рарог, 1993.
19. Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. — М. : Зерцало, 2003.
20. Козлова Е. И. Народовластие и права человека : материалы IV Международной научно-практической конференции, проведенной Российской академией правосудия совместно с Северо-Кавказским институтом — филиалом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации 19–22 октября 2012 г. / под ред. Н. В. Витрука и Л. А. Нудненко. — М. : РАП, 2012.
21. Кокотов А. Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. — 2014. — № 5 (102).
22. Комарова В. В. Конституционно-правовая доктрина «Доверие» в научной школе российского конституционализма // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 6.
23. Конституции государств Азии : в 3 т. Т. 3 : Дальний Восток / под ред. Т. Я. Хабриевой. — М. : ИЗИСП: Норма, 2010.
24. Конституции государств Америки : в 3 т. Т. 1 : Северная и Центральная Америка / под ред. Т. Я. Хабриевой. — М. : ИЗИСП, 2006.
25. Конституции государств Америки : в 3 т. Т. 3 : Южная Америка / под ред. Т. Я. Хабриевой. — М. : ИЗИСП, 2006.
26. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. — М. : Норма, 2008.
27. Нарутто С. В., Никитина А. В. Конституционный принцип доверия в современном российском обществе // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 7.
28. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. — М. : Пресса, 1991.
29. Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. — М. : Смысл, 2000.
30. Петухов Р. В. Кризис доверия населения к органам местного самоуправления в Российской Федерации: причины, динамика и способы преодоления // Участие населения в государственном и муниципальном управлении : учеб. пособие / Д. П. Соснин, Е. О. Сониная, Р. В. Петухов [и др.] ; под общ. ред. Д. П. Соснина. — М. : Проспект, 2021.
31. Правовое обеспечение государственного управления и исполнительная власть : учебник для магистров / Э. П. Андрюхина, И. В. Ахрем, Н. Н. Бакурова [и др.] ; под ред. С. А. Старостина. — М. : Проспект, 2017.
32. Селигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. — М. : Идея-Пресс, 2002.
33. Степкин С. П. Особенности работы с обращениями граждан на муниципальном уровне // Муниципальная служба: правовые вопросы. — 2022. — № 3.
34. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Ф. Фукуямы. — М. : АСТ; Ермак, 2004.
35. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регули-

рования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». — М. : Норма, Инфра-М, 2020.

36. Шахрай С. М. Неизвестная Конституция = Constitutio incognita. — М. : Красная звезда, 2013.
37. Штомпка П. Доверие — основа общества / пер. с пол. Н. В. Морозовой. — М. : Логос, 2012.
38. Эбзеев Б. С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. — 2016. — № 4.

Материал поступил в редакцию 11 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abakumov O. Yu. III Otdelenie: zamysel i final okhranitel'nogo proekta // Istoriya i istoricheskaya pamyat. — 2018. — № 16.
2. Avakyan S. A. Problemy pryamogo deystviya i primeneniya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii 1993 g. // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2018. — № 12.
3. Arapov N. A. Printsip podderzhaniya doveriya grazhdan k zakonu i deystviyam gosudarstva v rossiyskom konstitutsionnom prave i pravosudii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — SPb., 2015.
4. Baburin S. N. Konstitutsionnaya reforma 2020 goda v Rossiyskoy Federatsii kak put ukrepleniya natsii // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2021. — № 1.
5. Bonkheffer D. Soprotivlenie i pokornost: per. s nem. — M.: Progress, 1994.
6. Borisov A. V., Stepkin E. Yu. Problema obshchestvennogo doveriya i deyatelnost politicii Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XIX v. // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. — 2018. — № 4 (48).
7. Vinogradova E. V. K voprosu ob uchastii notariusev v realizatsii konstitutsionnogo prava na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch // Notarius. — 2022. — № 3.
8. Galchenko V. V. Rol mestnogo samoupravleniya v razvitii sotsialnoy aktivnosti naseleniya munitsipalnogo obrazovaniya // Servis plus. — 2012. — № 4.
9. Goleshchikhin V. S. Sistemnye defekty federalnogo zakonodatelstva (ch. 1) // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. — 2021. — № 10.
10. Danilov S. A., Volodina S. V. Doverie i riski rossiyskoy mnogopartiynosti: sovremennyy aspekt // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov: Gramota. — 2014. — № 12. — Ch. 1.
11. Danilov S. A., Volodina S. V. Elektoralnoe doverie: kontseptualnye profili i risk-factory // Vlast. — 2015. — T. 23. — № 8.
12. Dobrynin N. M. O sushchnosti rossiyskogo konstitutsionalizma // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2020. — № 4.
13. Zhavoronkova N. G., Vypkhanova G. V. Pravovye problemy povysheniya effektivnosti mer po preduprezhdeniyu i likvidatsii chrezvychaynykh situatsiy v sovremennykh usloviyakh // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2021. — № 1.
14. Zorkin V. D. Doverie i pravo // Rossiyskaya gazeta. — 29.10.2013. — № 94 (6069).
15. Zorkin V. D. Konstitutsionnoe pravosudie: protsedura i smysl. — SPb.: KS RF, 2021.
16. Zorkin V. D. Problemy konstitutsionno-pravovogo razvitiya Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo. — 2014. — № 1.
17. Zorkin V. D. Tsvivilizatsiya prava i razvitie Rossii: monografiya. — M., 2015.
18. Ilin I. A. O sushchnosti pravosoznaniya. — M.: Rarog, 1993.
19. Ilin I. A. Teoriya prava i gosudarstva / pod red. i s predisl. V. A. Tomsinova. — M.: Zertsalo, 2003.
20. Kozlova E. I. Narodovlastie i prava cheloveka: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, provedennoy Rossiyskoy akademiei pravosudiya sovmestno s Severo-Kavkazskim institutom —

- filialom Rossiyskoy akademiiy narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii 19–22 oktyabrya 2012 g. / pod red. N. V. Vitruka i L. A. Nudnenko. — M.: RAP, 2012.
21. Kokotov A. N. Konstitutsionnyy printsip doveriya v praktike Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii // Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie. — 2014. — № 5 (102).
 22. Komarova V. V. Konstitutsionno-pravovaya doktrina «Doverie» v nauchnoy shkole rossiyskogo konstitutsionalizma // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2022. — № 6.
 23. Konstitutsii gosudarstv Azii: v 3 t. T. 3: Dalniy Vostok / pod red. T. Ya. Khabrievoy. — M.: IZiSP: Norma, 2010.
 24. Konstitutsii gosudarstv Ameriki: v 3 t. T. 1: Severnaya i Tsentralnaya Amerika / pod red. T. Ya. Khabrievoy. — M.: IZiSP, 2006.
 25. Konstitutsii gosudarstv Ameriki: v 3 t. T. 3: Yuzhnaya Amerika / pod red. T. Ya. Khabrievoy. — M.: IZiSP, 2006.
 26. Kutafin O. E. Rossiyskiy konstitutsionalizm. — M.: Norma, 2008.
 27. Narutto S. V., Nikitina A. V. Konstitutsionnyy printsip doveriya v sovremennom rossiyskom obshchestve // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 7.
 28. Novgorodtsev P. I. Ob obshchestvennom ideale. — M.: Pressa, 1991.
 29. Perlz F. Ego, golod i agressiya. — M.: Smysl, 2000.
 30. Petukhov R. V. Krizis doveriya naseleniya k organam mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii: prichiny, dinamika i sposoby preodoleniya // Uchastie naseleniya v gosudarstvennom i munitsipalnom upravlenii: ucheb. posobie / D. P. Sosnin, E. O. Sonina, R. V. Petukhov [i dr.]; pod obshch. red. D. P. Sosnina. — M.: Prospekt, 2021.
 31. Pravovoe obespechenie gosudarstvennogo upravleniya i ispolnitelnaya vlast: uchebnik dlya magistrrov / E. P. Andryukhina, I. V. Akhrem, N. N. Bakurova [i dr.]; pod red. S. A. Starostina. — M.: Prospekt, 2017.
 32. Seligmen A. Problema doveriya / per. s angl. I. I. Myurberg, L. V. Sobolevoy. — M.: Ideya-Press, 2002.
 33. Stepkin S. P. Osobennosti raboty s obrashcheniyami grazhdan na munitsipalnom urovne // Munitsipalnaya sluzhba: pravovye voprosy. — 2022. — № 3.
 34. Fukuyama F. Doverie: sotsialnye dobrodeteli i put k protsvetaniyu / per. s angl. F. Fukuyamy. — M.: ACT; Ermak, 2004.
 35. Khabrieva T. Ya., Klishas A. A. Tematicheskiy kommentariy k Zakonu Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdelnykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti». — M.: Norma, Infra-M, 2020.
 36. Shakhray S. M. Neizvestnaya Konstitutsiya = Constitutio incognita. — M.: Krasnaya zvezda, 2013.
 37. Shtompka P. Doverie — osnova obshchestva / per. s pol. N. V. Morozovoy. — M.: Logos, 2012.
 38. Ebzeev B. S. Narod, narodnyy suverenitet i predstavitelstvo: doktrinalnye osnovy i konstitutsionnaya praktika // Gosudarstvo i pravo. — 2016. — № 4.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.045-053

Г. Д. Садовникова*

30 лет Конституции Российской Федерации: традиционные ценности и новые приоритеты

Аннотация. В преддверии 30-летнего юбилея Конституции России автор делает попытку оценить российский основной закон, содержание закрепленных в нем норм на предмет соответствия традиционным ценностям, т.е. присущей народам России духовности, соборности, цивилизационной идентичности. Наступление юбилейной даты дает возможность осмыслить значение традиционных ценностей, их отражение в основных законах российского государства, принятых в разные исторические периоды. Исследуются подходы к понятию конституционных (конституционно значимых, охраняемых Конституцией) ценностей, выраженные в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Рассматриваются различные трактовки понятия «конституционные ценности» в трудах современных ученых, показано соотношение с понятием «традиционные ценности». Обосновывается вывод, что только те цели, принципы и приоритеты, которые основываются на традиционных ценностях, будут обеспечиваться народной поддержкой и смогут стать реальными перспективами конституционного развития.

Ключевые слова: Конституция; юбилей; традиции; традиционные ценности; преемственность; исторический опыт; конституционные ценности; Конституционный Суд; приоритеты; конституционное развитие.

Для цитирования: Садовникова Г. Д. 30 лет Конституции Российской Федерации: традиционные ценности и новые приоритеты // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 45–53. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.045-053.

30 Years of the Constitution of the Russian Federation: Traditional Values and New Priorities

Galina D. Sadovnikova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
sadovnikovag@inbox.ru

Abstract. On the eve of the 30th Anniversary of the Constitution of Russia, the author makes an attempt to evaluate the Russian basic law, the content of the norms enshrined in the Constitution for their compliance with traditional values, i.e., spirituality, conciliarity, and civilizational identity inherent in the peoples of Russia. The anniversary date makes it possible to comprehend the meaning of traditional values, their reflection in the basic laws of the Russian State adopted in different historical periods. The author examines approaches to the concept of constitutional (constitutionally significant, constitutionally protected) values expressed in the legal standings of the Constitutional Court of the Russian Federation. The author elucidates various interpretations of the concept of «constitutional

© Садовникова Г. Д., 2023

* Садовникова Галина Дмитриевна, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
sadovnikovag@inbox.ru

values» in the works of modern researchers, proves their relationship with the concept of «traditional values.» The conclusion is substantiated that only the goals, principles and priorities that are based on traditional values will be provided with popular support and will be able to become real prospects for constitutional development.

Keywords: Constitution; anniversary; traditions; traditional values; continuity; historical experience; constitutional values; Constitutional Court; priorities; constitutional development.

Cite as: Sadovnikova GD. 30 let Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: traditsionnye tsennosti i novye priority [30 Years of the Constitution of the Russian Federation: Traditional Values and New Priorities]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):45-53. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.045-053. (In Russ., abstract in Eng.).

Наступление юбилейной даты — это всегда повод задуматься о пройденном пути: достижениях, упущениях, ожиданиях, прогнозах и перспективах. 30-летний юбилей Конституции дает возможность осмыслить значение этого феномена, его влияние на государственную и общественную жизнь, политические и юридические процессы, жизнь отдельного человека.

Еще в позапрошлом веке Фердинанд Лассаль, блестящий оратор, родоначальник немецкой социал-демократии, в своей классической речи «О сущности конституции» говорил: «Конституция не просто закон, а закон основной для данной страны... должен быть глубже всех остальных законов и должен служить остальным законам основой. Основной закон, таким образом, является источником духа всех остальных законов, он во всех них должен в той или иной мере проявляться»¹. Соответствие буквы и духа Конституции достойно быть темой отдельного исследования, но можно попытаться оценить российский основной закон с точки зрения традиционных ценностей, присущей народам России духовности, соборности, цивилизационной идентичности, которые, найдя отражение в Конституции, должны являться источником духа всей системы законодательства и в каждом законе в той или иной мере проявляться.

По мнению академика РАН Т. Я. Хабриевой, основные законы принято подвергать анализу через призму их близости к конституционному

идеалу, параметры которого определяются требованиями современной доктрины конституционализма². Соглашаясь с приведенным мнением, хочется добавить к параметрам конституционного идеала соответствие его традиционным ценностям многонационального народа России.

Традиционные ценности, то есть изначально присущие народу и признаваемые им идеи, принципы, шкала моральных оценок, лежащие в основе коллективного мировоззрения и выбора приоритетных векторов развития, так или иначе находили отражение в текстах каждой российской конституции. При всех недостатках первой Конституции РСФСР 1918 г., как содержательных, так и юридико-технических, в ее тексте мы находим воплощение вековых чаяний трудового народа. Конституция отражала идеалы рабоче-крестьянского населения страны: признавала всю полноту власти за трудящимися массами, закрепляла стремление к построению нового справедливого общества, основанного на равноправии, свободе и отрицающего всякую эксплуатацию человека человеком. Российская Республика признавалась свободным социалистическим обществом всех трудящихся России, тем самым заявляя о приверженности таким традиционным ценностям, как свобода, справедливость, равенство, возвышение человека труда³.

В Конституции РСФСР 1925 г. российский народ, приверженный тем же ценностям, выра-

¹ Лассаль Ф. О сущности конституции ; [Что же теперь о сущности конституции] : [две речи]. Ростов н/Д : Донская речь (Н. Е. Парамонов), [1905]. URL: <http://elibrary.ru/nodes/81519>.

² Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. № 2. С. 34.

³ Конституция РСФСР 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). URL: <https://statearchive.ru/462>.

зил волю развиваться в единстве с близкими по менталитету народами в составе Союза Советских Социалистических Республик. Содержание ее, как и всех последующих российских конституций советского периода, отражает ценности, закрепленные конституциями СССР. Из Конституции РСФСР были удалены наиболее резкие нормы об уничтожении паразитических слоев общества, о всеобщей трудовой повинности и некоторые другие характерные для периода гражданской войны положения. Провозглашены такие приоритеты, как осуществление коммунизма, при котором не будет деления на классы, право всех наций на самоопределение, солидарность трудящихся всех наций⁴. Статьи о правах и свободах (совести, печати, собраний, союзов, доступа к знанию) начинаются со слов: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы...». Во главу угла ставились интересы трудящихся, что отражает традиционно присущее россиянам уважение к человеку труда.

Конституция 1937 г.⁵ еще больше усилила дух коллективизма, дальнейшего общественного развития в семье братских народов. Значительно увеличен перечень прав и свобод, им посвящена отдельная глава. Отчетливо видна социальная направленность политики государства. Закрепление общественного характера собственности (государственной и кооперативно-колхозной) отражало принятые в ту пору ценности коллективного труда во благо строящегося справедливого коммунистического общества.

Данная Конституция характеризуется как наиболее совершенная по содержанию и юридической технике, и в то же время — резко контрастирующая с жизненными реалиями. Год ее принятия стал мрачным символом беззакония и репрессий. Тем не менее провозглашенные духовные ценности, прежде всего патриотизм, коллективизм, равноправие, справедливость, забота о человеке труда, прочно вошли в сознание народа, что наиболее ярко проявилось

в коллективном народном подвиге во время Великой Отечественной войны.

Конституция РСФСР 1978 г. объявила государство общенародным, что соответствовало идеологическим установкам того времени о переходе к новому периоду общественного развития — развитому социализму — первой стадии коммунизма. Конституция отражала как традиционные ценности — коллективизм, патриотизм, равноправие, свободный от эксплуатации труд, так и новые идеалы того времени: социалистическую законность, демократический централизм и даже права и свободы: согласно ст. 4 «Советское государство, все его органы действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан»⁶. Появились нормы о коммунистической нравственности, народном контроле, правовой основе государственной и общественной жизни, гласности, учете общественного мнения. Если не замечать характерный для советских конституций идеологический налет, провозглашенные ценности актуальны и сейчас.

В результате реформирования Конституции в так называемый перестроечный период конца 1980-х — начала 1990-х гг. в текст включены новые нормы о разделении властей, многопартийности, многообразии и равной защите форм собственности, экономической свободе в рамках, установленных государством. Значительно повышен уровень гарантий прав человека, защищенности граждан при привлечении к уголовной ответственности. Впервые в Конституцию включена норма, закрепляющая главный ценностный ориентир: «Общество и государство утверждают права и свободы человека, его честь и достоинство как высшую ценность»⁷. Как видим, к традиционным, присущим российскому менталитету ценностям добавляются новые, идеал общенародной собственности сменился новым приоритетом — многообразием форм, причем частная собственность указана на пер-

⁴ URL: <https://rusarchives.ru/sites/default/files/prezident-library-19.pdf>.

⁵ Конституция РСФСР 1937 г. // ГАРФ. URL: <https://statearchive.ru/466>.

⁶ Конституция РСФСР 1978 г. // ГАРФ. URL: <https://statearchive.ru/730>.

⁷ Конституция РСФСР 1978 г. с изм. от 21.04.1992 // URL: <https://k.rsf.ru/1978/9.pdf>.

вом месте. Это показывает динамичность социальных ценностей на разных этапах общественного развития. Вызывает большое сомнение, что приоритет частной собственности соответствует нашим ментальным традициям, тем не менее аналогичная норма перешла и в текст действующей Конституции.

Из приведенных положений конституций советского периода видна преемственность конституционных ценностей, отражающих традиционные ценности российского народа. Не утрачена она и с принятием действующей Конституции 1993 г. Сохраняя достигнутое, основной закон не воспроизводит буквально норму о высшей ценности прав и свобод человека, его чести и достоинства, а усиливает ее значение тем, что провозглашает высшую ценность человека, его прав и свобод. И закрепляется эта норма в неизменяемой главе первой, так называемой «мини-конституции» или «конституции в конституции», причем в ст. 2, то есть сразу после главных характеристик государства, данных в ст. 1. В Конституции 1993 г. государство провозглашается правовым. Более совершенной становится формулировка о принадлежности власти народу: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» (ч. 1 ст. 3). Россия объявляется социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Однако, как верно отмечала Т. Я. Хабриева, «в российской Конституции отсутствуют важные для социального государства положения о социальной справедливости и социальной ответственности, о социальной функции частной собственности, о социальном партнерстве, социальной солидарности и др.»⁸. Сейчас эти пробелы частично устранены. Принятие в 2020 г. Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организа-

ции и функционирования публичной власти»⁹ усилило традиционно-ценностный элемент в содержании Конституции. Традиционными ценностями, впервые получившими формализацию на самом высшем — конституционном — уровне, можно считать социальное партнерство, социальную солидарность. Следование этим ценностям — залог социальной стабильности и благополучия, дальнейшего устойчивого развития общества. Именно отсутствие социальной солидарности и всякого стремления к ней, в результате чего «верхи не могли, а низы не хотели» жить по-старому, явилось одной из общепризнанных причин социальной революции 1917 г.

В обновленном тексте Конституции дети объявлены важнейшим приоритетом государственной политики России, а государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения. О сохранении традиционных семейных ценностей говорится в новой редакции ст. 114 о компетенции Правительства РФ. Как отметила Т. Я. Хабриева, «обновленная Конституция обозначила социальные приоритеты в деятельности органов публичной власти, обязывающие их руководствоваться теми ценностями, которые объединяют общество»¹⁰. Отмеченные традиционные ценности многонационального народа России: приоритет детей, патриотизм, гражданственность, уважение к старшим — безусловно, относятся к объединяющим общество и формирующим национальную идентичность России.

Защита семейных ценностей нашла отражение в интерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ. Так, в нескольких решениях Суд признал семью, материнство, отцовство и

⁸ Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции. С. 35–36.

⁹ URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

¹⁰ Хабриева Т. Я. Введение // Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : ИЗСП при Правительстве РФ: Инфра-М, 2021. С. 16.

детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании, теми ценностями, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства¹¹. О сохранении традиционных семейных ценностей Суд упоминает в заключении от 16.03.2020 № 1-3¹². В решении от 05.02.2015 семья и детство названы конституционно значимыми ценностями¹³. Значение семейных ценностей подчеркивается в определении от 24.11.2016 № 2525-О, в котором Суд относит информацию, отрицающую семейные ценности, к запрещенной для распространения

среди детей¹⁴. В определении от 27.10.2015 № 2450-О Суд назвал одним из критериев отнесения материалов к экстремистским «наличие реальной угрозы, обусловленной в том числе призывами к противоправным посягательствам на конституционно охраняемые ценности, обоснованием или оправданием их совершения, и т.п.»¹⁵.

В решении от 19.10.2021 Конституционный Суд определил конституционные ценности как «блага, конституционно признанные в качестве таковых». Рассматривая коллизии между различными конституционными ценностями, Суд отметил, что «конечной задачей конституционного нормоконтроля, а следовательно, и пред-

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 6 ; постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2018 № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта б пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К. С. и гражданки Р. С.» // Там же. 2018. № 5 ; постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона “Об актах гражданского состояния” в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гузиной» // Там же. 2015. № 5 ; постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2014 № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Аникиева» // Там же. 2014. № 3.

¹² Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2.

¹³ Решение Конституционного Суда РФ от 05.02.2015 «Об утверждении обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за третий и четвертый кварталы 2014 года» // URL: <http://www.ksrf.ru/> по состоянию на 19.02.2015.

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 24.11.2016 № 2525-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цветкова Василия Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пунктом 4 части 2 статьи 5 Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их развитию” и пунктом 1 статьи 14 Федерального закона “Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации”».

¹⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 2450-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Колпакиди Александра Ивановича и Николаева Сергея Васильевича на нарушение их конституционных прав пунктом 3 статьи 1 и статьей 13 Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности”» // URL: [http://www.ksrf.ru.](http://www.ksrf.ru/)

назначением конституционной интерпретации является преодоление такого рода коллизий. Решениями Конституционного Суда устанавливается ценностное равновесие (баланс) — соответствие конституционным принципам-критериям (справедливости, равенства, соразмерности и т.д.) — между затронутыми дефектным регулированием и вступившими в ситуативное противоречие конституционными ценностями¹⁶. В данном решении Суд не только определяет содержание конституционных ценностей, но и признает некую иерархию конституционных ценностей: если возникает коллизия между ними, то главными являются принципы-критерии (справедливости, равенства, соразмерности и т.д.). Иерархичный характер, неоднородность конституционных ценностей усматривается и из содержания ст. 2 Конституции, провозгласившей человека, его права и свободы высшей ценностью.

Как видим, в Конституции и интерпретационных актах применяются термины «высшая ценность», «семейные ценности», «традиционные семейные ценности», «конституционно значимые ценности», «конституционно охраняемые ценности». Являются ли эти понятия идентичными понятию «традиционные ценности»? Обратимся к точкам зрения ученых.

По мнению И. Г. Дудко, конституционные ценности как отражение и выражение «устава» жизни общества («протоконституционное») есть объективированная системная совокупность, выступающая в качестве высшей цели конституционного развития. Конституционные ценности есть то, чему должна соответствовать социально-духовная среда общества и целеустроение государства¹⁷. Соответствие социально-духовной

среде общества означает близость конституционных ценностей к ценностям традиционным, их неразрывную связь, т.к. именно традиции лежат в основе сложившейся социально-духовной среды. При этом ученый критически относится к концепции «живой конституции», утверждая, что «результатом деятельности Конституционного Суда РФ, выраженным в правовых позициях, не могут быть иные (“генерированные” им) конституционные ценности, чем те, которые содержит Конституция РФ. “Преобразование” содержательно-правовых установок и смыслов Конституции, конституционно выраженных ценностей без изменения ее текста может привести к “искажениям” сути и ее предназначения быть актом, обладающим высшей юридической силой»¹⁸.

В. В. Комарова отмечает, что конституционные ценности (ценности в Конституции России) представляют собой «предельно обобщенные, выступающие в качестве целей развития общества и государства приоритеты, которые наполняются конкретным содержанием в текущем законодательстве»¹⁹. С точки зрения Н. Е. Таевой, «Конституция РФ в силу своей лаконичности закрепляет лишь наиболее важные, универсальные социальные ценности... те ценности, которые получили свое отражение в нормах Конституции РФ — правовом акте, обладающем наибольшей социальной значимостью, и могут быть признаны универсальными, общими для всего российского общества в данный исторический момент. Только в этом случае возможно признание Конституции РФ в обществе»²⁰. По мнению Е. А. Каштановой, «конституционные ценности — это сложная конституционно-доктринальная, юридико-логическая и нормативная конструкция, возникающая как результат

¹⁶ Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021). По состоянию на 28.10.2021 // URL: <http://www.ksrf.ru/>.

¹⁷ Дудко И. Г. Современные концепции в российском конституционном праве // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 15 (3). С. 35. URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.112.3.035-046>.

¹⁸ Дудко И. Г. Указ. соч.

¹⁹ Комарова В. В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) // Успехи современного естествознания. 2015. № 1–8. С. 1385.

²⁰ Таева Н. Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 2–5.

реализации аксиологической функции конституции, в процессе которой происходит своеобразный отбор устойчивых социальных ценностей-идеалов с их последующим закреплением в виде норм-принципов, норм-целей, норм-задач»²¹. В. М. Бурла рассматривает конституционные ценности как идеальные модели развития человека, общества и государства, выступающие в качестве критериев, используемых при реализации и интерпретации Конституции для достижения сбалансированной конституционной защиты человека, его прав и свобод, основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов всех членов общества, а также обеспечения обороны страны и безопасности государства²². В приведенных определениях конституционные ценности ассоциируются с целями, приоритетами, идеалами.

Довольно спорным представляется мнение Д. А. Авдеева: «Неважно, какое государство — унитарное или федеративное, светское или теократическое (клерикальное), республиканское или же монархическое, есть разделение властей или же его нет, главное — это то, как реализуется правовая свобода человека, охраняется собственность и обеспечивается общественный правопорядок и государственная безопасность, которые в конечном итоге и представляют собой конституционные ценности современного государства»²³. Вызывает сомнение утверждение «неважно, какое государство», поскольку правовая свобода человека вряд ли может быть в полной мере реализована в теократическом государстве или в государстве, не признающем принцип разделения властей.

Наиболее развернутое определение конституционных ценностей дает А. А. Кондрашов: это «общесоциальные принципы (догматы) с пра-

вовой коннотацией, закрепленные в конституции или вытекающие из системного толкования нескольких конституционных предписаний, а также выявляемые в ходе интерпретационной деятельности органов конституционного правосудия, которые имеют целью обеспечить достижение такого соотношения интересов личности, общества и государства, где в приоритете высшая ценность личных прав человека в рамках возникших в ходе цивилизационного развития морально-нравственных, общесоциальных, этических, правовых, культурных и иных фундаментальных основ человеческого бытия»²⁴. Ученый связывает конституционные ценности с возникшими в ходе развития цивилизаций основами человеческого бытия, в том числе морально-нравственными, правовыми, культурными, находит их истоки, предтечу, т.е. то, на чем базируются традиционные ценности.

Очевидно, не следует относить к конституционным ценностям всё, что обозначается словом «ценности» в тексте Конституции. В статьях 71, 74, 77, 78, 81, 95, 97, 103, 110, 119, 129 (все они внесены в Конституцию поправкой 2020 г. и носят явно антикоррупционную направленность) говорится об ограничениях, связанных с занятием определенных должностей, в том числе о недопустимости хранения денежных средств и ценностей в иностранных банках. В данном контексте речь идет о ценностях материальных, которые определенно нельзя рассматривать как конституционные либо традиционные ценности. Иной контекст видится в закреплении в ст. 44 и 74 Конституции права на доступ к культурным ценностям. Здесь уже речь идет не только о материальной составляющей культурных ценностей, поскольку к ним можно отнести все достижения человечества в науке, искусстве,

²¹ *Каштанова Е. А.* К вопросу о конституционных ценностях как аксиологической и юридической категориях // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 151.

²² *Бурла В. М.* Ценность как базовая категория отечественной конституционной аксиологии // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 32. DOI: 10.17803/19941471.2021.125.4.023-032.

²³ *Авдеев Д. А.* Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6 № 2 (22). С. 87. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-73-91.

²⁴ *Кондрашов А. А.* Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 22.

технологиях и т.д. Но и это понятие не вполне совпадает с тем, что следует относить к традиционным ценностям, которые не обозначаются в Конституции в качестве таковых, но находят в ней отражение.

Утраченной ценностью назвала Е. И. Козлова отказ от конституционного закрепления процедуры конституирования Государственной Думы, что, по мнению ученого, приводит к юридическому несовершенству порядка ее формирования, оформления ее как органа, правомочного осуществлять конституционно закрепленные за ним полномочия²⁵.

Анализ приведенных мнений позволяет говорить о том, что традиционные ценности следует толковать более широко, чем ценности конституционные. Традиционные ценности не обязательно прямо закреплены в Конституции или актах Конституционного Суда. К ним могут быть отнесены только исторически сложившиеся, проверенные временем и характерные именно для данного народа (этноса) морально-нравственные и правовые идеалы, разделяемые народом, не зависящие от политического

режима и других обстоятельств. Традиционные ценности, ментально присущие российскому народу и основанные на историческом опыте, и должны определять цели и приоритеты дальнейшего развития общества. При этом очень важно при определении главных векторов конституционного развития найти разумный баланс традиций и новаций. Следует согласиться с мнением Т. Я. Хабриевой о дальнейшем совершенствовании самобытной отечественной модели конституционного регулирования: «Такая модель строится на основе обращения к своим исконным нравственным ценностям, расширения социальной функции государства и обеспечения высокого уровня жизни для настоящего и будущих поколений»²⁶.

Действительно, только те приоритеты, которые основываются на традиционных ценностях, будут обеспечиваться народной поддержкой и смогут стать реальными перспективами конституционного развития и, что не менее важно, ориентиром поведения как для государства, всех его органов и должностных лиц, так и для граждан и их объединений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2020. — Т. 6. — № 2 (22). — С. 73–91. — DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-73-91.
2. Бурла В. М. Ценность как базовая категория отечественной конституционной аксиологии // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 23–32. — DOI: 10.17803/19941471.2021.125.4.023-032.
3. Дудко И. Г. Современные концепции в российском конституционном праве // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 15(3). — С. 35–46. — URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.112.3.035-046>.
4. Козлова Е. И. Избранные труды : сборник статей, лекций, тезисов. — М. : Проспект, 2017. — 337 с.
5. Козлова Е. И. Утраченная ценность (должна ли Государственная Дума конституироваться) // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации : материалы Международной научно-теоретической конференции 4–6 декабря 2008 г. : в 2 т. Т. 1 / под ред.: Н. В. Витрука, Л. А. Нудненко. — М. : РАП, 2010. — С. 25–31.

²⁵ Козлова Е. И. Утраченная ценность (должна ли Государственная Дума конституироваться) // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации : материалы Международной научно-теоретической конференции 4–6 декабря 2008 г. : в 2 т. / под ред.: Н. В. Витрука, Л. А. Нудненко. М. : РАП, 2010. Т. 1. С. 25–31.

²⁶ Хабриева Т. Я. Введение. С. 18.

6. Комарова В. В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) // Успехи современного естествознания. — 2015. — № 1–8.
7. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) : с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / Т. Я. Хабриева, Л. В. Андриченко, С. Б. Нанба, А. Е. Помазанский ; под ред. Т. Я. Хабриевой ; обращение к читателям В. В. Путина. — М. : ИЗиСП при Правительстве Российской Федерации: Инфра-М, 2021. — 368 с. — DOI: 10.12737/1836403.
8. Кондрашов А. А. Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2018. — № 4 (33). — С. 21–29.
9. Таева Н. Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 5. — С. 2–5.
10. Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. — 2009. — № 2. — С. 34–38.

Материал поступил в редакцию 20 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avdeev D. A. Konstitutsionno-pravovye tsennosti: ponyatie, vidy i ierarkhiya // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya. — 2020. — Т. 6. — № 2 (22). — С. 73–91. — DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-73-91.
2. Burla V. M. Tsennost kak bazovaya kategoriya otechestvennoy konstitutsionnoy aksiologii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 23–32. — DOI: 10.17803/19941471.2021.125.4.023-032.
3. Dudko I. G. Sovremennyye kontseptsii v rossiyskom konstitutsionnom prave // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2020. — № 15(3). — С. 35–46. — URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.112.3.035-046>.
4. Kozlova E. I. Izbrannyye trudy: sbornik statey, lektsiy, tezisov. — М.: Prospekt, 2017. — 337 с.
5. Kozlova E. I. Utrachennaya tsennost (dolzhna li Gosudarstvennaya Duma konstituirovatsya) // Konstitutsionnye tsennosti: sodержание i problemy realizatsii: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii 4–6 dekabrya 2008 g.: v 2 t. Т. 1 / pod red.: N. V. Vitruka, L. A. Nudnenko. — М.: RAP, 2010. — С. 25–31.
6. Komarova V. V. Napolnenie i vidovoe mnogoobrazie pravovoy kategorii «konstitutsionnye tsennosti» (konstitutsionno-pravovoy aspekt) // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. — 2015. — № 1–8.
7. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii (postateyny): s uchetom izmeneniy, odobrennykh v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 goda / T. Ya. Khabrieva, L. V. Andrichenko, S. B. Nanba, A. E. Pomazanskiy; pod red. T. Ya. Khabrievoy; obrashchenie k chitatel'nyam V. V. Putina. — М.: IZISP pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii: Infra-M, 2021. — 368 s. — DOI: 10.12737/1836403.
8. Kondrashov A. A. Konflikt konstitutsionnykh tsennostey v teorii i praktike konstitutsionnogo pravosudiya v Rossii // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2018. — № 4 (33). — С. 21–29.
9. Taeva N. E. Normy Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii kak forma vyrazheniya sotsialnykh tsennostey // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2009. — № 5. — С. 2–5.
10. Khabrieva T. Ya. Doktrinalnoe znachenie rossiyskoy Konstitutsii // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2009. — № 2. — С. 34–38.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.054-060

А. М. Осавелюк*

Поправка к Конституции РФ об идеалах наших предков и вере в Бога как основа устойчивого развития России

Аннотация. В статье на основе анализа научных трудов известных современных и дореволюционных ученых-конституционалистов, философов, а также положений Конституции России, действующего законодательства и правоприменительной практики показаны проблемы устойчивого развития России, вытекающие из чрезмерного упования человечества на состояние экологии и глобальной интенсификации социально-экономического развития. Сформулированы новые перспективы их разрешения на основе реализации положений поправки, включенной в Конституцию РФ в 2020 г.: об идеалах наших предков и вере в Бога как основе устойчивого развития, которые основаны на духовно-нравственных ценностях, проверенных на практике нашими предками в течение многих веков существования отечественной государственности. Особое внимание уделено исследованию взаимодействия и взаимосвязи норм религии, нравственности и права в создании качественной основы устойчивого развития посредством соборности и социальной солидарности человека, государственных институтов и гражданского общества в обеспечении преемственности государственности России.

Ключевые слова: конституционные основы; устойчивое развитие; поправка к Конституции РФ; гражданское общество; соборность; социальная солидарность; взаимодействие норм права и нравственности; ведущая роль норм религии; национальные традиции; преемственность государственности.

Для цитирования: Осавелюк А. М. Поправка к Конституции РФ об идеалах наших предков и вере в Бога как основа устойчивого развития России // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 54–60. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.054-060.

The Amendment to the Constitution of the Russian Federation concerning the Ideals of our Ancestors and Faith in God as the Basis for Sustainable Development of Russia

Aleksey M. Osavelyuk, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
amosavelyuk@msal.ru

Abstract. The paper, based on the analysis of research works of famous modern and pre-revolutionary constitutional scholars, philosophers, as well as the provisions of the Constitution of Russia, current legislation and law enforcement practice, shows the problems of sustainable development of Russia arising from the excessive

© Осавелюк А. М., 2023

* Осавелюк Алексей Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
amosavelyuk@msal.ru

reliance of mankind on environment and the global intensification of socio-economic development. The author determines new prospects for their resolution implementing the provisions of the Amendment included in the Constitution of the Russian Federation in 2020 and devoted to the ideals of our ancestors and faith in God as the basis of sustainable development, which are based on spiritual and moral values tested in practice by our ancestors during many centuries of the national statehood. Special attention is paid to the examination of the interaction and interrelation between the norms of religion, morality and law in creating a qualitative basis for sustainable development through the unity and social solidarity of the man, state institutions and civil society in ensuring the continuity of the statehood of Russia.

Keywords: constitutional foundations; sustainable development; amendment to the Constitution of the Russian Federation; civil society; conciliarity; social solidarity; interaction of norms of law and morality; the leading role of norms of religion; national traditions; continuity of statehood.

Cite as: Osavelyuk AM. Popravka k Konstitutsii RF ob idealakh nashikh predkov i vere v Boga kak osnova ustoychivogo razvitiya Rossii [The Amendment to the Constitution of the Russian Federation concerning the Ideals of our Ancestors and Faith in God as the Basis for Sustainable Development of Russia]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):54-60. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.054-060. (In Russ., abstract in Eng.).

Проблема устойчивого развития является одной из основных тем, которой последние десятилетия посвящены не только труды многих известных отечественных и зарубежных ученых¹, международные конвенции и национальное законодательство. Например, в России первым был издан Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». В 2002 г. Государственной Думой были приняты Основные положения устойчивого развития России; а в 2014 г. — Федеральный закон № 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В октябре 2021 г. вышло распоряжение Правительства РФ «О Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации

с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года»².

Обычно концепцию устойчивого развития связывают с качественным состоянием экологии, вызванным бурным социально-экономическим развитием в мире, начавшимся в 1970-е гг.³ В 1987 г. в докладе «Наше общее будущее», изданном Международной комиссией по окружающей среде и развитию, созданной Генеральной Ассамблеей ООН, было дано первое официальное определение термина «устойчивое развитие». Согласно ему под устойчивым развитием понимается такое «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности».

¹ Например: Комарова В. В. Устойчивое развитие в конституционно-правовом ракурсе // Теория государства и права. 2022. № 1. С. 99–107 ; Умнова-Конюхова И. А. Концепции устойчивого развития, экологии человека и качества жизни в международном и национальном эколого-правовом измерениях: до и после пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право. 2021. № 3. С. 21–37 ; Урсул А. Д. Стратегия национальной безопасности России и образование для устойчивого развития // Открытое образование. 2009. № 4. С. 63–73 ; Эбзеев Б. С. Социальная солидарность как позитивное основание отечественной государственности и правовой системы России : сборник научных трудов. Саратов, 2011. С. 195–200.

² URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120/page/1> ; https://www.socionauki.ru/almanac/noo21v/number_2/5_4.pdf ; <http://www.pravo.gov.ru> ; <https://docs.cntd.ru/document/726639341>.

³ Левина Е. И. Понятие «Устойчивое развитие». Основные положения концепции // Вестник ТГУ. 2009. № 11. С. 113–119 ; Устойчивое развитие : Новые вызовы : учебник для вузов / под общ. ред. В. И. Данилова-Данильяна, Н. А. Пискуловой. М., 2015.

В. В. Комарова справедливо отмечает, что в Российской Федерации первостепенное внимание уделяется комплексному и стратегическому отношению институтов публичной власти, институтов гражданского общества к решению проблем в данной сфере. Поскольку в «национальной правовой доктрине акцентируется внимание на устойчивом инновационном развитии экономики, эколого-экономическом развитии, космической отрасли России, нефтегазового комплекса, курортных территорий, Арктической зоны, гражданского оборота и др.; разработке векторов устойчивого развития регионов России, государственной политики в области устойчивого развития городов; разработке концепции устойчивого развития сельских и прибрежных территорий; предлагаются стратегические цели устойчивого развития и средства, факторы их достижения; маркеры и индикаторы устойчивого развития»⁴.

Вместе с тем, несмотря на относительно длительный опыт решения проблемы устойчивого развития на всех уровнях, масштаб реализуемых международных и национальных концепций, разнообразие участвующих в указанном процессе субъектов и другие факторы, в целом их деятельность характеризуется существенным недостатком, который выражается в том, что с каждым годом экологические, экономические и другие проблемы всё больше и больше усугубляются.

Пожалуй, самой главной причиной такого не вполне благополучного состояния в данной сфере является то, что отношение к данной проблеме, способам ее правового регулирования и многочисленным попыткам ее практического разрешения основывается на ограниченном (неадекватном) представлении о ней (как на международном уровне, так и на уровне государств) как о вопросах экологии и

социально-экономического развития, а попытки их решения осуществляются исключительно организационно-правовыми методами: заключением многочисленных двусторонних и многосторонних конвенций и других международных договоров, изданием многочисленных законов и других нормативных правовых актов, а также созданием многочисленных бюрократических структур как на международном, так и на государственном уровне.

В частности, в постановлении Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации “Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Заполярье”» устойчивое развитие также связывается с вопросами экологии и экономики: «...право на развитие должно соблюдаться таким образом, чтобы было обеспечено справедливое удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений в области развития и окружающей среды; для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития...»⁵.

Но проблема устойчивого развития гораздо шире, сложнее и глубже, чем состояние экологии и экономики и их динамика. И решить ее, опираясь только на привычные и поэтому практикуемые современным человечеством организационно-правовые методы регулирования и реализации невозможно: экологические, экономические, социальные проблемы становятся всё более масштабными и многочисленными, а привычные методы регулирования и их реализация не работают в полной мере.

⁴ Комарова В. В. Указ. соч. С. 100.

⁵ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180575/.

См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2009 № 8-П // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87974/; постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2013 № 5-П // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143058/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/; определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 № 3245-О // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20122018-n-3245-o/>.

Другими словами, необходим принципиально иной подход прежде всего к пониманию и оценке данной проблемы, а также принципиально другие средства ее регулирования и практического решения. Необходима «перенастройка» мышления и внутреннего мира самого человека. Именно это прекрасно понимали и широко использовали наши предки.

Например, известный русский публицист М. Н. Катков еще в XIX в. писал: «Плодотворно лишь то право, которое видит в себе не что иное, как обязанность. Право, которое не есть обязанность, оказывается мыльным пузырем; ничего не выходит из него, и ни к чему не ведет оно. Такое право есть не сила, а слабость... Нет пользы в том, что я имею право то и это делать, если я не чувствую себя обязанным делать то, что должно»⁶.

А В. Д. Катков в том же веке писал: «Никакие юридические “ограничения” не могут здесь изменить существа дела, т.к. это азбучная истина государственной науки, что основные законы страны носят не столько юридический, сколько нравственный характер: закрепленное бумагой — на бумаге и останется, если не находит себе нравственной и религиозной санкции среди народа... Бумага — одно, а нравственная и религиозная опора власти — другое...»⁷.

Известный отечественный государствовед И. А. Ильин считал, что государство представляет собой «союз духовно сопринадлежащих людей, племен и наций, объединенных ради гетерономного существования естественного права», или «духовный союз людей, обладающих зрелым правосознанием и властно утверждающих естественное право в братском, солидарном сотрудничестве»⁸.

В целом можно сказать, что дореволюционные ученые писали о проблеме, которую многие современные отечественные ученые обозначают как надпозитивное право. Например,

Е. А. Осавелюк отмечает, что «надпозитивное право — категория, которая тесно связана с правом, но при этом находится вне права и поэтому может и возвышается над правом. Поскольку подобное над подобным (в данном случае — право над собой) возвыситься не может. Таких категорий, которые могут претендовать на понятие “надпозитивное право” и содержатся в Конституции России две. Это нормы нравственности и нормы религии»⁹.

О справедливости и актуальности для нашего времени предложений процитированных нами и многих других известных соотечественников прошлых веков свидетельствует, например, не только то, что в России в 2020 г. — после почти 30-летнего опыта решения данной проблемы в опоре на привычные организационно-правовые средства регулирования — в Конституцию РФ была включена поправка, которая к правовым социальным регуляторам добавила религиозные и нравственные начала. То есть в Конституцию была включена статья 67.1, которая провозгласила приверженность Российской Федерации тысячелетней истории создания государственного единства, основанного на памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства¹⁰.

Во-первых, тысячелетняя история отечественной государственности и преемственность в развитии Российского государства сами по себе наглядно свидетельствуют об устойчивости развития данного публичного института, а преемственность отечественной государственности демонстрирует еще и ее стабильность и прочность.

Во-вторых, религия и нравственность, о которых идет речь в новой статье Конституции России, как социальные регуляторы являются более совершенными, тонкими и всеобъемлющими по сравнению с правом.

⁶ Цит. по: Митрополит Иоанн (Снычев). Русская симфония. М., 2016. С. 344.

⁷ Катков В. Д. Христианство и государственность. М., 2013. С. 26.

⁸ Ильин И. А. О сущности правосознания // Сочинения. Т. 4. С. 265, 276.

⁹ Осавелюк Е. А. Проблема регулирования и реализации полномочий Президента, парламента и Правительства в области национальной безопасности России : монография. М. : Юнити-Дана, 2021. С. 12.

¹⁰ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

Кроме того, действие норм религии и нравственности, как и действие норм права, охватывает неопределенное количество случаев, описанных в них, но сфера их действия гораздо шире, чем у норм права¹¹. Поскольку у них отличные критерии воздействия на поведение субъектов: у норм права — это права и обязанности, которые воздействуют только на поведение субъектов; у норм нравственности — это справедливость, любовь к ближнему, добро, уважение и т.п., которые воздействуют как на поведение, так и на мысли (внутреннее отношение к поведению и его последствиям); у норм религии — это отношения в сфере богочтения, отношения между верующими и окружающим миром, которые являются ориентиром как для норм права, если это не секуляризированное право, так и для нравственности.

Таким образом, конституционная новелла ст. 67.1 Основного закона России придала не только качественно более значимый аспект устойчивому развитию, но и подлинный смысл самой Конституции и в определенной мере «сгладила» тысячелетнюю историю Российской государственности, нейтрализовав некоторые атеистические «неровности» советского периода, Смутного времени и др.

Важно подчеркнуть, что в Конституции России в 2020 г. указанная статья появилась не вдруг. Ее появление подготовлено серией научных публикаций, посвященных исследованию содержания действующей Конституции¹², многочисленными изменениями федерального законодательства и правовыми позициями Конституционного Суда РФ.

Например, изменениями, включенными в федеральные законы от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹³ и от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об образовании в Российской Федерации»¹⁴, были расширены возможности изучения в школах и вузах основ

религии, религиозной нравственности, а также получения профессионального религиозного образования.

Кроме того, после вступления в 2020 г. в силу ст. 67.1 Конституции РФ в федеральное законодательство были внесены многочисленные изменения. Например, с 1 сентября 2020 г. в п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» были внесены изменения, направленные на усиление духовно-нравственного аспекта воспитания. В новой редакции указанной статьи это «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде».

В целях дальнейшего совершенствования устойчивого развития 9 ноября 2022 г. был издан Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», пункт 4 которого дает определение понятия традиционных ценностей, о которых речь идет в ст. 67.1 Конституции РФ, как нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство, нашедших свое уникальное, самобытное проявление в

¹¹ См.: Осавелюк А. М. Церковь и государство : монография. М. : Проспект, 2019. С. 262–269.

¹² Например: Бабурин С. Н. О необходимости перехода к нравственному государству и цивилитарному обществу // Современное право в условиях реформирования общества и государства. М., 2022. С. 9–20.

¹³ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/.

¹⁴ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России¹⁵.

Кроме того, правовыми позициями Конституционного Суда России, сформулированными в многочисленных постановлениях, обращено внимание на то, что отечественное законодательство, посвященное устойчивому развитию, должно базироваться также на началах справедливости и других основах нравственности.

Например, в определении от 20.07.2021 № 1621-О Конституционный Суд России, отказывая в принятии к рассмотрению жалобы заявителя, сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой «оспариваемые нормы во взаимосвязи с правовым регулированием, которому этими нормами придана обратная сила... преследуют конституционно значимые цели установления справедливого баланса интересов участников гражданского оборота, а также частных и публичных интересов, обеспечения устойчивого развития экономики»¹⁶.

В постановлении от 14.01.2020 № 2-П Конституционный Суд сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой «усмотрение законодателя в вопросе регулирования тех или иных общественных отношений подчинено принципам равенства, справедливости и соразмерности ограничения прав и свобод»¹⁷.

Таким образом, рассматриваемая нами поправка к Конституции РФ является правовой основой для дальнейшего развития и совершенствования конституционно-правового регулирования устойчивого развития в опоре не только на право, но и на религиозно-нравственные начала. Достижение указанной цели возможно, как мы уже отмечали, путем решения триединой задачи: воспитания и подготовки специалистов в различных образовательных организациях, прекрасно знающих не только нормы права, но и нормы религии и нравственности; правового регулирования отношений и правоприменения в сфере устойчивого развития

посредством трех указанных видов социальных норм; широкого привлечения к данному процессу институтов гражданского общества, что существенно расширит круг участников и заинтересованных субъектов на основе социальной солидарности.

Последнее имеет принципиальное значение, поскольку государство не создает ни норм религии, ни норм нравственности. Оно может только поддерживать или не поддерживать их свойственными ему средствами. Носителями же и основными хранителями, а также субъектами реализации норм религии и норм нравственности всегда выступают институты гражданского общества (религиозные, этнические, культурные, профессиональные, молодежные и многие другие общественные объединения), уставы и другие их официальные документы которых включают нормы нравственности и нормы религии. А также конкретные граждане.

Например, одной из целей Профсоюза работников народного образования и науки Российской Федерации, установленных статьей 3 его устава, является «повышение качества жизни членов Профсоюза, достижение справедливого и достойного уровня оплаты труда, пенсий и социальных пособий, стипендий, социальной и правовой защищенности работников и обучающихся»¹⁸.

Одной из форм реализации задач устойчивого развития (на примере профсоюзов) является социальная солидарность отдельных его членов между собой, со структурными подразделениями и профсоюзом в целом, органами государственной власти, союзами предпринимателей, политическими партиями и другими профессиональными объединениями.

На федеральном уровне взаимодействие профсоюзов с государством и другими профессиональными объединениями урегулировано трехсторонними соглашениями. Например, в настоящее время — Генеральным соглашением между общероссийскими объединениями

¹⁵ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>.

¹⁶ URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision554925.pdf>.

¹⁷ URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision448507.pdf>.

¹⁸ URL: https://www.eseur.ru/Files/Ustav_Obscherossiyskogo_Profsouz52491.pdf.

профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ на 2021–2023 годы.

В преамбуле данного соглашения установлено, что стороны обязуются не только руководствоваться нормами нравственности и нормами права, установленными законодательством, но и содействовать реализации принципов, зало-

женных в Декларации столетия МОТ о будущем сферы труда, принятой на 108-й сессии Международной конференции труда.

Таким образом, возникает вполне естественная и прочная система отношений устойчивого развития: человек — общество — государство, основу регулирования которой составляют нормы религии, нравственности и права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабури́н С. Н.* О необходимости перехода к нравственному государству и цивилитарному обществу // Современное право в условиях реформирования общества и государства. — М., 2022. — С. 9–20.
2. *Катков В. Д.* Христианство и государственность. — М., 2013.
3. *Комарова В. В.* Устойчивое развитие в конституционно-правовом ракурсе // Теория государства и права. — 2022. — № 1. — С. 99–107.
4. *Осавелюк А. М.* Церковь и государство : монография. — М. : Проспект, 2019.
5. *Осавелюк Е. А.* Проблема регулирования и реализации полномочий Президента, парламента и Правительства в области национальной безопасности России : монография. — М. : Юнити-Дана, 2021.
6. *Умнова-Конюхова И. А.* Концепции устойчивого развития, экологии человека и качества жизни в международном и национальном эколого-правовом измерениях: до и после пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право. — 2021. — № 3. — С. 21–37.
7. *Эбзеев Б. С.* Социальная солидарность как позитивное основание отечественной государственности и правовой системы России // Сборник научных трудов. — Саратов, 2011. — С. 195–200.

Материал поступил в редакцию 20 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Baburin S. N. O neobkhodimosti perekhoda k npravstvennomu gosudarstvu i tsivilitarnomu obshchestvu // Sovremennoe pravo v usloviyakh reformirovaniya obshchestva i gosudarstva. — M., 2022. — S. 9–20.
2. Katkov V. D. Khristianstvo i gosudarstvennost. — M., 2013.
3. Komarova V. V. Ustoychivoe razvitie v konstitutsionno-pravovom rakurse // Teoriya gosudarstva i prava. — 2022. — № 1. — S. 99–107.
4. Osavelyuk A. M. Tserkov i gosudarstvo: monografiya. — M.: Prospekt, 2019.
5. Osavelyuk E. A. Problema regulirovaniya i realizatsii polnomochiy Prezidenta, parlamenta i Pravitelstva v oblasti natsionalnoy bezopasnosti Rossii: monografiya. — M.: Yuniti-Dana, 2021.
6. Umnova-Konyukhova I. A. Kontseptsii ustoychivogo razvitiya, ekologii cheloveka i kachestva zhizni v mezhdunarodnom i natsionalnom ekologo-pravovom izmereniyakh: do i posle pandemii COVID-19 // Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4, Gosudarstvo i pravo. — 2021. — № 3. — S. 21–37.
7. Ebzeev B. S. Sotsialnaya solidarnost kak pozitivnoe osnovanie otechestvennoy gosudarstvennosti i pravovoy sistemy Rossii // Sbornik nauchnykh trudov. — Saratov, 2011. — S. 195–200.

Функции Конституции Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируются мнения ученых о понятии и видах функций Конституции РФ, об их особенностях. Излагается авторский подход к классификации функций Конституции. Рассматривается содержательное наполнение функций Конституции, их динамизм с учетом смены идеалов и приоритетов в государстве и обществе. Особое внимание уделено специфической функции конституции — учредительной. Автор ставит вопрос о том, можно ли утверждать, что нормы-принципы конституции обладают собственными функциями, поскольку они определяют идеальную базовую модель отношений, которая реализуется через конкретные действия. Делается вывод, что регулятивная и охранительная функции будут раскрываться через конкретизирующие и детализирующие эти принципы нормативные акты. Характеризуется идеологическая функция конституции, определяющая нравственно-ценностные образцы поведения человека, деятельности органов власти. Все конституционно закрепленные ценности находят выражение в идеологической функции конституции.

Ключевые слова: право; нормы-принципы; конституция; функции права; функции конституции; виды функций; учредительная функция; регулятивная функция; охранительная функция; идеологическая функция; динамичность функций.

Для цитирования: Нарутто С. В. Функции Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 61–69. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.061-069.

Functions of the Constitution of the Russian Federation

Svetlana V. Narutto, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
svetanarutto@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the opinions of researchers concerning the concept and types of functions of the Constitution of the Russian Federation and their features. The author explains her approach to the classification of the functions of the Constitution. The paper considers the content of the functions of the Constitution and their dynamism, taking into account the change of ideals and priorities in the State and society. Special attention is paid to the specific function of the Constitution — the constituent one. The author raises the question of whether it is possible to assert that the norms-principles of the Constitution have their own functions, since they define an ideal basic model of relations that is implemented through concrete actions. It is concluded that the regulatory and protective functions will be revealed through regulations specifying and detailing these principles. The author explains the ideological function of the Constitution that determines the moral and value patterns of

© Нарутто С. В., 2023

* Нарутто Светлана Васильевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
svetanarutto@yandex.ru

human behavior, the authorities' activities. All values enshrined in the Constitution find their expression in the ideological function of the Constitution.

Keywords: law; norms-principles; constitution; functions of law; functions of the Constitution; types of functions; constituent function; regulatory function; protective function; ideological function; dynamism of functions.

Cite as: Narutto SV. Funktsii Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [Functions of the Constitution of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):61-69. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.061-069. (In Russ., abstract in Eng.).

Вопрос о функциях Конституции Российской Федерации, как и вообще о функциях права, дискусионен в юридической науке. Отличаются ли функции конституции от функций права в целом? Ответ утвердительный, отличаются. Однако прежде чем выявить особые функции, равно как и особое проявление общих функций, обратимся к общей характеристике функций права, поскольку именно в функциях раскрывается природа и социальное назначение права.

В литературе высказываются разные точки зрения, так как сам термин «функции» имеет много значений, тесно связан со смежными понятиями «сущность», «цель», «назначение», «роль», «задачи». Кстати, в ряде словарей «функция» и переводится как «значение, назначение, роль». И многие теоретики считают, что функции права — это его роль (действие). Категория «функция» (от лат. *functio*) означает «исполнение, совершение». Ее также можно понимать как жизнедеятельность, деятельность. Рассмотрение функций права, уяснение содержания этого термина дает возможность узнать, почему существует право, что оно дает обществу. Поэтому многие ученые полагают, что функция права — реализация сущности и социального назначения права.

Один из основоположников теории функций права профессор Т. Н. Радько, как и многие его последователи, под функцией права понимает основные направления воздействия норм права на общественные отношения, поведение, сознание людей. Он пишет, что, раскрывая содержание какой-либо функции права, необходимо

постоянно иметь в виду связь назначения права с направлениями его воздействия и, наоборот, предопределенность последних назначением права. Функция права, по его мнению, направлена, в частности, на осуществление коренных задач, стоящих перед правом на данном этапе его развития¹. Право воздействует на общественные отношения, преследуя при этом определенные цели и функции, воплощая тем самым в жизнь свое социальное назначение.

Направление правового воздействия имеет основной целью упорядочение общественных отношений, т.е. их урегулирование, а также охрану от негативного воздействия. Поэтому обычно выделяют две функции права — регулятивную и охранительную. Регулятивная функция проявляется в определении прав и обязанностей граждан и их объединений, полномочий органов публичной власти, порядка разрешения споров. Охранительная функция заключается в установлении запретов, а также санкций за нарушение прав, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей. Выделяют и другие функции, подразделяя их на общие и специальные, основные и неосновные, отраслевые и межотраслевые, функции правовых институтов и норм², а также внутренние и внешние³.

С учетом особенностей правовой природы конституции как законодательного акта учредительного характера, обладающего высшей юридической силой и верховенством, а также двойственным характером предмета регулирования (закрепляет основы общественных отношений или непосредственно регулирует их), функции конституции, безусловно, обла-

¹ Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник. М. : Академический проект, 2005. С. 393–395.

² См. более подробно: Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М. : Проспект, 2020. С. 316–338.

³ См.: Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М. : Эксмо, 2007. С. 193.

дают спецификой, в том числе и видовой. Под функциями конституции понимаются основные направления ее воздействия на общественные отношения, обусловленные социальным назначением, ее ролью в жизни граждан, общества и осуществлении задач государства. Такое понимание отражает философский подход к уяснению сущности функции как научной категории, поскольку сущность всегда выражает отношение одного предмета (явления) к другому предмету (явлению), зависимость и взаимосвязь между ними⁴.

Основной функцией Конституции, не присущей другим нормативным актам, является *учредительная функция*. Ее выделяют многие конституционалисты⁵. Конституция РФ как всенародно принятый законодательный акт учреждает форму государства (республиканскую форму правления, федеративную форму территориального устройства, демократический политический режим), его официальное наименование (Российская Федерация (Россия)), всю политическую систему, органы публичной власти, их полномочия, принципы формирования и деятельности, систему и иерархию нормативных правовых актов, а также основы общественного устройства, взаимоотношений государства, человека и общества. Учредительная функция Конституции проявляется также в том, что ее предписания выступают в качестве первоосновы, являются первичными⁶, именно они дают легальную жизнь всем государственно-властным институтам, другим правовым нормам. Именно поэтому из учредительной функции Конституции вытекают иные функции, в том числе и регулятивная, а не наоборот, как утверждает Д. Г. Шустов, полагая, что Конституция, «регулируя общественные отношения, учреждает...»⁷.

Представляется, что на первом месте должно быть учреждение, а потом регулирование на этой учрежденной властью народа на референдуме основе.

Безусловно, Конституции присущи основные функции права — регулятивная и охранительная.

Вместе с тем необходимо уточнить, выполняют ли *регулятивную функцию* нормы-принципы, декларации, которые носят всеобъемлющий характер, не позволяют четко определить участвующих в них субъектов, содержание их взаимодействия довольно абстрактно, невозможно точно определить их права и обязанности. К таким принципам относятся положения гл. 1 «Основы конституционного строя» Конституции РФ. Их детализированное нормативное наполнение может варьироваться в зависимости от разных факторов, в том числе от субъективных, поскольку законодатель, конкретизируя их в нормативных актах, а также правоприменитель могут вкладывать в их содержание разный смысл. И в этом случае регулятивное воздействие этих принципов может быть наполнено разным содержанием. Возможно ли утверждать, что нормы-принципы обладают собственными функциями, поскольку они определяют идеальную базовую модель отношений, которая реализуется через конкретные действия? На наш взгляд, регулятивная функция, бесспорно, проявляется в конституционных нормах-правилах, которые, в частности, определяют предметы ведения Российской Федерации и предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (ст. 71, 72), полномочия Президента РФ (ст. 83–90), Конституционного Суда РФ (ст. 125), компетенцию Государственной Думы (ст. 103), Совета Федерации (ст. 102). Что же касается норм-принципов, то их регулятивная

⁴ См.: *Абрамов А. И.* Понятие функции права // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 71–83 ; *Тугаринов В. П.* Философия сознания. М., 1971. С. 171.

⁵ См., например: *Авакьян С. А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 11–13 ; *Кравец И. А.* Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2004. С. 128–131 ; *Шустров Д. Г.* Учредительная функция конституции // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 10–16.

⁶ См.: *Кутафин О. Е., Козлова Е. И.* Конституционное право России : учебник. 3-е изд. М. : Юристъ, 2003. С. 38.

⁷ *Шустров Д. Г.* Учение о конституции : учебник : в 2 т. М. : Проспект, 2023. Т. 1. С. 306.

или охранительная функция будет раскрываться через конкретизирующие и детализирующие эти принципы нормативные акты. Подтверждение этого вывода находим и у А. В. Баранова: «Регулирующее воздействие принципов права на общественные отношения носит опосредованный характер, так как принципы права “растворяются” в регулятивных и охранительных нормах и регулируют общественные отношения через механизм действия этих норм. Однако принципы права могут выступать и непосредственными регуляторами общественных отношений, т.е. самостоятельными формальными источниками права»⁸. Кроме того, конституционные нормы-принципы оказывают воздействие на все отрасли права и на развитие правовой системы в целом.

Охранительная функция Конституции РФ проявляется в том, что ее положения направлены на обеспечение гарантий конституционализма, стабильности и защиты основ конституционного строя России, основных прав и свобод человека и гражданина. Наиболее характерно это функция проявляется в ст. 125, посвященной Конституционному Суду РФ, а также в иных нормах — ч. 3 ст. 15 (запрет применения неопубликованных законов), ч. 2 ст. 34 (запрет экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию), ч. 3 ст. 81 (запрет одному и тому же лицу занимать должность Президента РФ более двух сроков), ст. 93 (отрешение Президента РФ от должности), п. «л» ч. 1 ст. 102 (прекращение Советом Федерации полномочий судей в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи) и др. Некоторые ученые отдельно называют гарантирующую функцию конституции⁹, однако, на наш взгляд, установление гарантий есть проявление охранительной функции.

По мнению М. В. Баглая, к функциям конституции относятся следующие: преемственность в развитии государственности; противодействие планам революционного переустройства общества; обеспечение единства и неделимости государства¹⁰. Думается, что эти направления, обеспечивающие сочетание стабильности и развития, вполне вмещаются в рамки охранительной функции.

Отдельные ученые называют также ограничительную функцию — Конституция ограничивает власть правом, запрещая монополизацию власти и чрезмерное вмешательство в частную жизнь, устанавливает основания ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Ученые предлагают выделять и другие функции. Так, С. А. Авакьян, кроме учредительной функции, выделяет: организаторскую, внешнеполитическую, идеологическую, юридическую¹¹.

Идеологическую функцию признают многие авторы, полагая, что любая конституция всегда отражает господствующую в государстве доктрину. Даже сейчас, хотя и есть статья 13 Конституции РФ, запрещающая государственную идеологию, тем не менее Конституция провозглашает набор ценностей, из которых складывается определенная идеология, которую мы реально видим в осуществляемой государством политике, спланированной обществом и формирующей политико-культурную идентичность. Становятся пророческими слова В. О. Лучина, считавшего противоречивым и не лишенным лукавства положение ч. 2 ст. 13 Конституции РФ о том, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, которые он написал более 20 лет назад: «С освобождением от тотальной идеологизации общество преодолет и антиидеологизацию»¹².

⁸ См.: Баранов А. В. Нормы-принципы в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 4. С. 6.

⁹ См.: Каратеева М. Н. Гарантирующая функция Конституции Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. 29 с.

¹⁰ См.: Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник. М., 2004. С. 65.

¹¹ См.: Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 11 ; *Он же*. Конституционное право России : учеб. пособие : в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 161–167.

¹² См.: Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М. : Юнити-Дана, 2002. С. 40.

На состоявшемся в мае 2023 г. XI Петербургском международном юридическом форуме, где были озвучены идеи нецелесообразности сохранения этого конституционного установления, Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин заявил, что вся Конституция — это и есть «идеология, которая позволяет соединиться гражданскому обществу на основе вот этого своеобразного договора, и то, что нас объединяет в рамках ценностей, которые заложены в Конституции»¹³. К таким ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, справедливость, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, семья, гражданское общество, социальное партнерство, политическая, экономическая и социальная солидарность, историческая память и преемственность поколений, единство народов России и др. Они рассматриваются как основа российского общества¹⁴.

Можно представлять идеологическую функцию как воздействие на общественные отношения посредством установленных идеалов, эталонного устройства государства, общества, взаимоотношений между ними и человеком. Правовое регулирование осуществляется на основе определенного конституционного идеала, переводит образ из сферы идеального в сферу должного¹⁵. Конституция не только констатирует достигнутое и устанавливает надлежащий порядок, но и устремлена в будущее, определяет нравственно-ценностные образцы поведения человека, деятельности органов власти, дает

духовно-нравственные ориентиры для развития государства и общества. К таким ориентирам можно отнести, например, правовое социальное государство, гражданское общество, гражданский мир и согласие, идеалы справедливости. Например, упоминание о вере в Бога в ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ представляет собой конституционный идеал, юридически закрепленный «идеологический код государства»¹⁶.

Наряду с идеологической, некоторые ученые выделяют аксиологическую функцию, которая проявляется в установлении конституцией системы и иерархии определенных ценностей в качестве обязательных¹⁷. Представляется, что все конституционно закрепленные ценности находят выражение в идеологической функции.

В литературе встречается упоминание о функции обоснования политической власти, хотя вряд ли ее можно обособить от идеологической функции конституции, тем более что упоминание об этой функции дается в контексте описания «власти, не ограниченной законом и правом и опирающейся на революционную законность и революционную целесообразность»¹⁸.

М. С. Саликов считает, что идеологическая функция конституции может трактоваться лишь в узком смысле — в качестве воспитательной функции¹⁹. Однако большинство ученых различают эти две функции конституции как самостоятельные.

И. А. Кравец выделяет телеологическую (программную) функцию²⁰, но, думается, заложен-

¹³ Идеологические единогласия // Коммерсантъ. 2023. 12 мая. № 82.

¹⁴ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

¹⁵ Шустров Д. Г. Учение о конституции. С. 326–334.

¹⁶ Будагова А. Ш. К вопросу о функциях конституционного идеала // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 6. С. 74.

¹⁷ Шустров Д. Г. Учение о конституции. С. 326.

¹⁸ Конституционное право Российской Федерации : учебник / И. А. Алжеев, И. Б. Власенко, Е. Ю. Догадайло [и др.] ; отв. ред. С. И. Носов. М. : Статут, 2014. С. 31.

¹⁹ См.: Саликов М. С. Функциональное значение конституций и уставов субъектов Федерации // Конституционное право субъектов Российской Федерации / отв. ред. В. А. Кряжков. М. : Городец-издат, 2002. С. 194.

²⁰ См.: Кравец И. А. Указ. соч. С. 132–147.

ные в Конституции цели составляют ее идеологический каркас, следовательно, относятся к идеологической функции. С другой стороны, программную функцию можно представить как функцию *стратегирования* (*стратегическую*), поскольку, например, в Конституции РСФСР 1978 г. имелся целый ряд статей, непосредственно посвященных планированию либо связанных с ним. Например, о том, что государство обеспечивает планомерное и пропорциональное развитие народного хозяйства; руководство экономикой осуществляется на основе государственных планов экономического и социального развития, с учетом отраслевого и территориального принципов, при сочетании централизованного управления с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий, объединений и других организаций. Предусматривалось участие трудовых коллективов в планировании производства и социального развития. К сожалению, в действующей Конституции РФ данная функция не просматривается.

С. М. Шахрай называет в числе других конструктивную функцию, поясняя, что «Основной закон устанавливает исходные начала для развития новых институтов на основе закрепленных в конституции *“должных моделей будущего”*», дает нормативный прогноз для развития общественных отношений»²¹.

Своеобразный подход к дифференциации функций конституции на общие и специальные сформулировали Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин, отнеся к общим функциям верховную легализацию основ существующего общественного и государственного строя, определенного по-

рядка, а также развивающую, стабилизационную и идеологическую функции. Специальные функции, по их мнению, связаны с характером содержания конституции конкретного государства, с конкретной природой конституций²².

Некоторые ученые акцентируют внимание на системообразующей функции конституции, которая способствует поддержанию интеграции различных отраслей права²³, однако на объединение всех звеньев отечественной правовой системы направлены все функции конституции — учредительная, регулятивная, охранительная. Этот вывод касается и вычленения стабилизирующей функции²⁴ (стабилизирующей и примиряющей²⁵), или функции поддержания баланса. Конституция представляет собой наиболее стабильный законодательный акт и в то же время обеспечивает устойчивость государственно-властных и основных отраслевых правовых институтов.

О. Г. Румянцев выделяет много функций, «присущих справедливой конституции»: системообразующую, общесоциального регулирования и баланса, политическую, юридическую, программную, упорядочения по вертикали, объединительную, геополитическую, организационную, правозащитную, социально-экономического партнерства и воспитательную²⁶. Много функций конституции предлагает и Д. Г. Шустов, в числе которых: регулятивная; учредительная; охранительная; аксиологическая; идеологическая; функция легитимации; функция ограничения власти и гарантирования свободы; функция интеграции. Он также называет дескриптивную функцию, понимая под ней описательную:

²¹ Шахрай С. М. Конституционное право Российской Федерации : учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М. : Статут, 2017. С. 28.

²² Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М. : Норма, 2007. С. 60–66.

²³ См.: Пресняков М. В. Конституционная концепция принципа справедливости. М. : ДМК Пресс, 2009. С. 119.

²⁴ Трусов Н. А. Проявление функций Конституции в конституционной реформе России 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 4.

²⁵ Умнова-Конюхова И. А. Конституция и конституционализм: эволюция подходов и понятий // Конституция и права человека: современная доктрина и практика : монография / под ред. Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой. М. : ИГП РАН, 2021. С. 24–25.

²⁶ См.: Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления). М. : Юрист, 1994. С. 203–214. — 288 с.

«Конституция дает описание государства, право-порядка, места общества и личности в них»²⁷. Представляется излишним выделение этой функции, поскольку «описание» содержится во всех нормах Конституции РФ, при этом оно либо пространно, либо предельно лаконично.

Рассмотренные научные подходы к классификации функций конституции, естественно, неполны, но они дают простор для продолжения дискуссии, осмысления направлений воздействия конституционных норм на власть, общество, каждого человека. На наш взгляд, функции конституции можно подразделить на две группы — юридические и общесоциальные. К первой группе относятся учредительная, регулятивная, охранительная функции, ко второй — стратегическая, идеологическая, воспитательная и др. При этом первая группа функций реализуется преимущественно в юридической сфере, остальные — не только и не столько в юридической.

На каждом историческом этапе каким-то функциям придается приоритетное значение, другие проявляются не столь заметно. В дальнейшем они могут меняться местами сообразно задачам, решаемым на определенном этапе. Так, сегодня в условиях беспрецедентной санкционной и пропагандистской войны против России возрождается ориентация общества на

идею правового патриотизма, верности суверенной государственности. На второй план уходит положение о приоритете международных норм над отечественными законами; принцип признания человека, его прав и свобод высшей ценностью сегодня перестает рассматриваться как приоритет интересов личности перед коллективными интересами, а приоритет рынка над плановой экономикой не означает отказа от планирования социально-экономического развития государства.

Следовательно, функции Конституции РФ динамичны, с развитием государства, изменением стоящих перед ним целей и задач, сменой идеалов и приоритетов в политической и социально-экономической жизни меняется содержательное наполнение функций права. И с этих позиций интересен неординарный подход к пониманию функции права В. Н. Синюкова — как к правовой характеристике социокультурной реальности общества и отдельных его компонентов²⁸. Проецируя это определение на конституционную сферу, можно рассматривать функции «живой конституции», то есть ее функционирование в данных реалиях, когда можно дать оценку реализации той или иной функции — способствует она или препятствует прогрессивному развитию государства и общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамов А. И.* Понятие функции права // Журнал российского права. — 2006. — № 2. — С. 71–82.
2. *Авакьян С. А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. — М., 2000. — 528 с.
3. *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации : учебник. — М., 2004. — 704 с.
4. *Баранов А. В.* Нормы-принципы в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 4. — С. 5–14.
5. *Каратеева М. Н.* Гарантирующая функция Конституции Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2005. — 29 с.
6. Конституционное право Российской Федерации : учебник / И. А. Алжеев, И. Б. Власенко, Е. Ю. Догадайло [и др.] ; отв. ред. С. И. Носов. — М. : Статут, 2014. — 391 с.
7. *Кравец И. А.* Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. — СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2004. — 673 с.

²⁷ *Шустов Д. Г.* Указ. соч. С. 334–335.

²⁸ *Синюков В. Н.* О функциях права // Вопросы теории государства и права. Перестройка и актуальные проблемы теории социалистического государства и права : межвузовский сборник научных трудов. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. Вып. 9. С. 72–82.

8. *Кутафин О. Е., Козлова Е. И.* Конституционное право России : учебник. — 3-е изд. — М. : Юристъ, 2003. — 585 с.
9. *Лучин В. О.* Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. — М. : Юнити-Дана, 2002. — 687 с.
10. *Морозова Л. А.* Теория государства и права : учебник. — 2-е изд. — М. : Эксмо, 2007. — 448 с.
11. *Пресняков М. В.* Конституционная концепция принципа справедливости. — М. : ДМК Пресс, 2009. — 397 с.
12. *Радько Т. Н.* Теория функций права : монография. — М. : Проспект, 2014. — 268 с.
13. *Румянцев О. Г.* Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления). — М. : Юрист, 1994. — 288 с.
14. *Саликов М. С.* Функциональное значение конституций и уставов субъектов Федерации // Конституционное право субъектов Российской Федерации / отв. ред. В. А. Кряжков. — М. : Городец-издат, 2002. — 864 с.
15. *Синюков В. Н.* О функциях права // Вопросы теории государства и права. Перестройка и актуальные проблемы теории социалистического государства и права : межвузовский сборник научных трудов. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. — Вып. 9. — С. 72–82.
16. *Трусов Н. А.* Проявление функций Конституции в конституционной реформе России 2020 года // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 4. — С. 3–6.
17. *Тугаринов В. П.* Философия сознания. — М., 1971. — 196 с.
18. *Умнова-Конюхова И. А.* Конституция и конституционализм: эволюция подходов и понятий // Конституция и права человека: современная доктрина и практика : монография / под ред. Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой. — М. : ИГП РАН, 2021. — 397 с.
19. *Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е.* Теория современной конституции. — М. : Норма, 2007. — 319 с.
20. *Шахрай С. М.* Конституционное право Российской Федерации : учебник для академического бакалавриата и магистратуры. — 4-е изд., изм. и доп. — М. : Статут, 2017. — 624 с.
21. *Шустров Д. Г.* Учение о конституции : учебник : в 2 т. Т. 1. — М. : Проспект, 2023. — 512 с.
22. *Шустров Д. Г.* Учредительная функция конституции // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — № 9. — С. 10–16.

Материал поступил в редакцию 20 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abramov A. I. Ponyatie funktsii prava // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2006. — № 2. — S. 71–82.
2. Avakyan S. A. Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost. — M., 2000. — 528 s.
3. Baglay M. V. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik. — M., 2004. — 704 s.
4. Baranov A. V. Normy-printsipy v mekhanizme pravovogo regulirovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2016. — № 4. — S. 5–14.
5. Karateeva M. N. Garantiruyushchaya funktsiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Stavropol, 2005. — 29 s.
6. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik / I. A. Alzheev, I. B. Vlasenko, E. Yu. Dogadaylo [i dr.]; отв. ред. S. I. Nosov. — M.: Statut, 2014. — 391 s.
7. Kravets I. A. Rossiyskiy konstitutsionalizm: problemy stanovleniya, razvitiya i osushchestvleniya. — SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr-Press», 2004. — 673 s.
8. Kutafin O. E., Kozlova E. I. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik. — 3-e izd. — M.: Yurist, 2003. — 585 s.
9. Luchin V. O. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Problemy realizatsii. — M.: Yuniti-Dana, 2002. — 687 s.
10. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. — 2-e izd. — M.: Eksmo, 2007. — 448 s.

11. Presnyakov M. V. Konstitutsionnaya kontseptsiya printsipa spravedlivosti. — M.: DMK Press, 2009. — 397 s.
12. Radko T. N. Teoriya funktsiy prava: monografiya. — M.: Prospekt, 2014. — 268 s.
13. Rumyantsev O. G. Osnovy konstitutsionnogo stroya Rossii (ponyatie, sodержanie, voprosy stanovleniya). — M.: Yurist, 1994. — 288 s.
14. Salikov M. S. Funktsionalnoe znachenie konstitutsiy i ustavov subektov Federatsii // Konstitutsionnoe pravo subektov Rossiyskoy Federatsii / otv. red. V. A. Kryazhkov. — M.: Gorodets-izdat, 2002. — 864 s.
15. Sinyukov V. N. O funktsiyakh prava // Voprosy teorii gosudarstva i prava. Perestroyka i aktualnye problemy teorii sotsialisticheskogo gosudarstva i prava: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. — Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1991. — Vyp. 9. — S. 72–82.
16. Trusov N. A. Proyavlenie funktsiy Konstitutsii v konstitutsionnoy reforme Rossii 2020 goda // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 4. — S. 3–6.
17. Tugarinov V. P. Filosofiya soznaniya. — M., 1971. — 196 s.
18. Umnova-Konyukhova I. A. Konstitutsiya i konstitutsionalizm: evolyutsiya podkhodov i ponyatiy // Konstitutsiya i prava cheloveka: sovremennaya doktrina i praktika: monografiya / pod red. T. A. Vasilevoy, N. V. Varlamovoy. — M.: IGP RAN, 2021. — 397 s.
19. Khabrieva T. Ya., Chirkin V. E. Teoriya sovremennoy konstitutsii. — M.: Norma, 2007. — 319 s.
20. Shakhray S. M. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata i magistratury. — 4-e izd., izm. i dop. — M.: Statut, 2017. — 624 s.
21. Shustrov D. G. Uchenie o konstitutsii: uchebnik: v 2 t. T. 1. — M.: Prospekt, 2023. — 512 s.
22. Shustrov D. G. Uchreditelnaya funktsiya konstitutsii // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2012. — № 9. — S. 10–16.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.070-086

Н. Е. Таева*

Президент Российской Федерации как сторона конституционного судебного процесса

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования статуса Президента РФ как стороны конституционного судебного процесса, дается подробный анализ его конституционно-процессуальной правосубъектности. Показано, что Президент РФ может быть как стороной-заявителем, так и может выступать на стороне органа, конституционность акта которого оспаривается. Актуальность исследования процессуального положения Президента РФ в рамках конституционного судопроизводства обусловлена существенной трансформацией статуса главы государства в результате конституционной реформы 2020 г. Анализируются новеллы законодательства, существенно расширившие процессуальные права главы государства посредством включения новых полномочий, связанных с обращением в Конституционный Суд РФ. При оценке роли Президента РФ как стороны конституционного судебного процесса сделан вывод о том, что присутствует смещение баланса в системе разделения властей в пользу главы государства. Особенно это прослеживается при анализе его процессуального положения в делах предварительного нормоконтроля.

Ключевые слова: конституция; Президент РФ; Конституционный Суд РФ; процессуальные отношения; конституционный судебный процесс; сторона судопроизводства; процессуальная правоспособность; разделение властей; нормоконтроль; право; нормы.

Для цитирования: Таева Н. Е. Президент Российской Федерации как сторона конституционного судебного процесса // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 70–86. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.070-086.

The President of the Russian Federation as a Party to the Constitutional Judicial Procedure

Natalia E. Taeva, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
tayeva@mail.ru

Abstract. The paper deals with topical issues of legal regulation of the status of the President of the Russian Federation as a party to the constitutional judicial procedure, provides a detailed analysis of his constitutional procedural legal capacity. It is shown that the President of the Russian Federation can be both the applicant and can act on the side of the entity the constitutionality of the actions of which is disputed. The relevance of the study of the procedural standing of the President of the Russian Federation in the framework of constitutional proceedings is substantiated by the significant transformation of the status of the Head of State as a result of the Constitutional Reform of 2020. The paper analyzes legislative novelties that significantly expanded the procedural

© Таева Н. Е., 2023

* Таева Наталья Евгеньевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
tayeva@mail.ru

rights of the Head of State through the inclusion of new powers related to the appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation. When assessing the role of the President of the Russian Federation as a party to the constitutional judicial procedure, it is concluded that there is a shift in the balance in the system of separation of powers in favor of the Head of State. This is especially evident when analyzing the President's procedural status in cases of preliminary norm control.

Keywords: Constitution; President of the Russian Federation; Constitutional Court of the Russian Federation; procedural relations; constitutional judicial procedure; party to the legal proceedings; procedural legal capacity; separation of powers; norm control; law; norms.

Cite as: Taeva NE. Prezident Rossiyskoy Federatsii kak storona konstitutsionnogo sudebnogo protsesssa [The President of the Russian Federation as a Party to the Constitutional Judicial Procedure]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):70-86. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.070-086. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Актуальность исследования процессуального положения Президента РФ в рамках конституционного судопроизводства обусловлена существенной трансформацией статуса главы государства в результате конституционной реформы 2020 г. Многие ученые-конституционалисты вновь обратились к проблематике положения главы государства в системе разделения властей, к анализу его новых полномочий и новых граней взаимодействия с законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти¹. В данном контексте представляется, что понимание места и роли Президента РФ в системе органов публичной власти невозможно без уяснения всех аспектов его статуса, в том числе и тех изменений, которые затронули его положение в качестве потенциального участника конституционного судебного процесса. Значимость исследования этого вопроса видится в том, что именно в конституционном судебном процессе Президент РФ реализует закрепленные за ним конституционные функции.

Общая характеристика процессуального статуса Президента Российской Федерации как стороны конституционного судебного процесса

В конституционном судебном процессе, как и в любом другом виде судебного процесса, имеется определенный круг участников, наделенных законодательством процессуальными правами и обязанностями. Статья 52 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»² (далее — Закон о Конституционном Суде) позволяет выделить таких участников конституционного судебного процесса, как стороны, их представители, а также свидетели, переводчики и эксперты. Законодателем в конституционном судебном процессе не разграничиваются лица, участвующие в деле, и иные лица, как это имеет место в процессе гражданском либо в арбитражном. В связи с этим в науке конституционного права существует проблема юридического наполнения понятий «субъект конституционно-судебных правоотношений» и «участник конституционного судебного процесса». По данному вопросу сформировалось два подхода. В соот-

¹ См., например: Безруков А. В. Конституционная реформа: основные направления и пути совершенствования конфигурации публичной власти в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 3–9; Дзидзоев Р. М. Конституционный статус Президента Российской Федерации в свете конституционной реформы в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 33–36; Киреева Е. Ю. Тенденции правовой регламентации взаимодействия Президента Российской Федерации с Правительством РФ // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 37–40; Комарова В. В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8 (117). С. 22–31.

² СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

ветствии с первым эти лица отождествляются, а согласно второй позиции субъект конституционно-судебных правоотношений — более широкое понятие, включающее в себя «участников» и иных субъектов³. Представляется, что вторая позиция в большей мере соответствует реалиям, поскольку помимо участников, названных в ст. 52 Закона о Конституционном Суде, в конституционном судебном процессе есть и другие субъекты (непосредственно Суд, специалисты, приглашенные лица).

Основными участниками конституционного судебного процесса являются две стороны: заявитель и сторона, к которой, условно говоря, обращает свои требования заявитель. К ним закон относит либо орган, либо то должностное лицо, которое приняло, издало или подписало подлежащий проверке на конституционность правовой акт. В данном случае необходимо сделать акцент на условности выделения сторон прежде всего потому, что в конституционном судебном процессе, как правило, нет спора о праве как такового, как он, к примеру, имеет место в процессе гражданском. Статья 53 Закона о Конституционном Суде также устанавливает, что сторонами процесса могут быть собственно заявители (это органы или лица, которые направили обращение в Конституционный Суд РФ); лица, в отношении которых было принято решение межгосударственного органа либо решение иностранного или международного суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающее обязанности на Российскую Федерацию, при разрешении вопроса о возможности исполнения таких решений, а также государственные органы, компетенция которых оспаривается. Если говорить о роли Президента РФ, то он может выступать в конституционном судебном процессе во всех указанных ипостасях.

Процессуальный статус сторон в Конституционном Суде РФ имеет свои особенности. Во-пер-

вых, они всегда имеют юридический интерес к исходу дела и заинтересованы в рассмотрении дела по существу. Во-вторых, стороны совершают все процессуальные действия от собственного имени. В-третьих, стороны могут совершать такие процессуальные действия, от которых будет зависеть развитие конституционного судебного процесса. В целом сторону конституционного судебного процесса можно определить как участника процесса, от действий которого зависит движение процесса, что отражается на его процессуальных правах и обязанностях. Очевидно, что ни свидетели, ни эксперты, ни переводчики как участники процесса рассмотренными признаками не обладают.

Президент РФ обладает конституционно-процессуальной правоспособностью, под которой в научной литературе понимается сама возможность лица выступать в качестве участника конституционно-процессуальных отношений⁴, способность быть стороной процессуальных отношений в конституционном судопроизводстве. Процессуальная правоспособность Президента РФ в конституционном судопроизводстве возникает одновременно с процессуальной дееспособностью в этой сфере, а именно с момента вступления Президента РФ в должность, то есть с момента принесения им присяги. Под процессуальной дееспособностью в конституционном судопроизводстве следует понимать возможность лично своими действиями осуществлять процессуальные права и обязанности стороны в деле.

К общим процессуальным правам Президента РФ как стороны в деле закон относит возможность изложить свою позицию, ознакомиться с материалами дела, задать вопросы иным участникам судебного процесса и заявить какие-либо ходатайства, вплоть до ходатайства об отводе судьи. Сторона формулирует, аргументирует и обосновывает свою позицию. Поэтому, будучи стороной процесса, глава государства имеет

³ Подробный анализ научных подходов к понятию «субъект конституционно-судебных процессуальных отношений» см.: Бердюгина Ю. М. К вопросу о понятии субъекта конституционно-судебных процессуальных отношений // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 16–18.

⁴ Малютин Н. С. Проблемы правосубъектности участников конституционного судебного процесса в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 12. С. 52–53.

право представлять письменные отзывы на поступившее в суд обращение, а равно он вправе знакомиться с отзывами другой стороны (ст. 53 Закона о Конституционном Суде). Из анализа данного Закона следует, что стороны могут также представлять доказательства по делу, прибегать к помощи представителя, предложить Суду привлечь к делу свидетелей и экспертов, ходатайствовать о даче официального разъяснения судебного решения. Отдельно следует выделить право стороны на уточнение своего запроса. Например, в деле о проверке конституционности некоторых положений Устава Тамбовской области Президент РФ дважды уточнял свой запрос в связи с вносившимися в областной Устав изменениями⁵. Особые права имеются у Президента РФ как стороны конституционного судебного процесса при рассмотрении дела в процедуре письменного производства в соответствии со ст. 47.1 Закона о Конституционном Суде. Так, у главы государства есть право на ознакомление с письменным отзывом второй стороны и представление письменных возражений на него. При этом до поправок 2020 г. глава государства имел также право возразить против применения процедуры разрешения дела без проведения слушания путем подачи соответствующего ходатайства. В настоящее время эта норма утратила силу, а вопрос о применении процедуры письменного производства теперь не связан с ходатайствами сторон. К процессуальным правам заявителя относится также возможность отзыва обращения, направленного в Конституционный Суд РФ. Следствием такого отзыва является прекращение производства по делу, которое оформляется определением Суда. Вместе с тем такая возможность влиять на развитие процесса у сторон ограничена пра-

виллом ст. 44 Закона о Конституционном Суде. Оно гласит, что отзыв обращения возможен не позднее чем за 10 дней до начала рассмотрения дела в Суде, если дело подлежит рассмотрению с проведением слушаний, а при применении процедуры письменного производства — в течение месяца со дня принятия обращения к рассмотрению. В таком ограничении проявляется сущность конституционного контроля, который не может быть поставлен в полную зависимость от желания заявителя, ведь в дело уже вступает публичный интерес, стоит вопрос об обеспечении конституционности и правопорядка. В то же время, когда сторона отзывает обращение на стадии разрешения дела, то, хотя такой отзыв не препятствует рассмотрению дела в суде, по сути, проверка акта на соответствие Конституции РФ становится, по мнению Конституционного Суда РФ, беспредметной, а запрос перестает отвечать критериям допустимости⁶. В таком случае Судом все равно будет вынесено решение о прекращении судопроизводства. С. В. Нарутто отмечает, что, поскольку закон, конституционность которого оспаривается заявителем, может ущемлять не только его права, но и права других лиц, в науке предлагалось предоставить Конституционному Суду РФ право проверки причин отзыва обращения⁷.

Примеры отзыва обращений Президента РФ являются редким исключением в практике органа конституционного контроля. Такой отзыв имел место, к примеру, в декабре 1995 г., когда Конституционный Суд РФ принял к рассмотрению запрос Президента РФ Б. Н. Ельцина о проверке ряда положений Федерального закона от 13.10.1995 № 157-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности». Между тем через несколько дней на основании

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.1997 № 19-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Тамбовской области» // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5877.

⁶ Данная правовая позиция была выражена Конституционным Судом РФ в определении от 29.05.1997 № 55-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности Указа Президента РФ от 02.10.1996 № 1412 «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации»» // СЗ РФ. 1997. № 22. Ст. 2664.

⁷ Нарутто С. В. Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации : науч.-практ. пособие. М. : Норма, Инфра-М, 2011. С. 202 ; Лучин В. О., Доронина О. Н. Жалобы граждан в Конституционный Суд РФ. М., 1998. С. 80.

поступившего поручения Президента РФ в Суд было направлено обращение полномочного представителя Президента РФ в Конституционном Суде РФ (на тот момент — С. М. Шахрая) об отзЫве этого запроса, в связи с чем производство по делу было прекращено⁸. Еще один подобный случай имел место в сентябре 1995 г., когда Президент РФ отозвал свой запрос о проверке конституционности некоторых статей Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»⁹.

В структуре процессуальной правоспособности стороны необходимо назвать и такой элемент, как обязанности. Если глава государства занимает в деле позицию стороны, то на него возлагаются и все установленные законодательством обязанности: являться по вызову Суда, давать объяснения и отвечать на вопросы, представлять по требованию Суда необходимые материалы и документы, уважительно относиться ко всем судебным процедурам и соблюдать их, а также проявлять уважение к судьям, оплатить госпошлину при подаче обращения в Суд¹⁰. Статья 62 Закона о Конституционном Суде содержит важный запрет на использование сторонами своих выступлений в Суде для политических заявлений и деклараций. В таком запрете вновь проявляется особенность конституционного судопроизводства, где в центре — публичный интерес, а стороны зачастую субъекты политических отношений. Заинтересован-

ность в исходе дела стороны конституционного судопроизводства позволяет нам говорить об обязанности представлять доказательства для подтверждения своей позиции¹¹. Безусловно, никакой юридической ответственности за непредставление соответствующих доказательств сторона не понесет, кроме возможного неблагоприятного для нее исхода дела.

Как сторона конституционного судопроизводства глава государства может действовать лично и посредством своего полномочного представителя, правовой статус которого устанавливается соответствующим Положением, утвержденным Указом Президента РФ¹². В связи с этим не требуется никакого дополнительного удостоверения полномочий представителя главы государства в Суде в виде доверенности либо специального решения. Полномочный представитель назначается на должность Президентом РФ по представлению руководителя Администрации Президента РФ. В научной литературе высказывалось мнение о необходимости назначения лица, имеющего ученую степень по юридической специальности¹³, но формально такого требования в настоящее время нет. На полномочного представителя Президента РФ возлагаются все процессуальные права и обязанности стороны при рассмотрении дела в Конституционном Суде РФ. Безусловно, он действует от имени и по поручению главы государства. Так, выше нами приводился пример отзЫва обращения по специальному поручению

⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 № 98-О «О прекращении производства по делу о соответствии Конституции Российской Федерации статей 6, 7, 8, 9, 12, 17, 18, 19 и 25 Федерального закона «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности»» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.1995 № 130-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности части второй пункта 1 статьи 8 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Ст. 53 Закона о Конституционном Суде.

¹¹ По проблематике распределения бремени доказывания см.: *Чирнинов А.* Бремя доказывания в конституционном судебном процессе России и США // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 6 (127). С. 101–116.

¹² Указ Президента РФ от 31.12.1996 № 1791 «Об обеспечении деятельности полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 118.

¹³ *Сивицкий В.* Институт представительства в Конституционном Суде РФ: от «первого лица» до адвоката // Российская юстиция. 2001. № 8. С. 29.

Президента РФ. Между тем полномочный представитель не является лишь «слепым исполнителем» воли главы государства. Он обладает рядом возможностей, которые, по справедливому мнению С. А. Авакьяна, позволяют сделать вывод об определенной свободе и допустимости инициативы полномочного представителя Президента РФ в Конституционном Суде РФ¹⁴. Такая свобода проявляется, по мнению ученого, в возможности полномочного представителя внести на заседании Конституционного Суда необходимые уточнения и изменения в позицию Президента РФ, изложенную в его обращении. К сказанному можно добавить, что согласно названному выше Положению полномочный представитель может инициировать изменение или уточнение оснований обращения в Конституционный Суд РФ, в которых выражается позиция Президента РФ, предложить меры для исполнения решений Суда. У полномочного представителя Президента РФ есть право внести предложения о создании рабочих групп, привлечении для участия в них специалистов и ученых.

В том случае, когда вопрос, рассматриваемый в Конституционном Суде РФ, требует специальных знаний в конкретных отраслях права, Президент РФ своим распоряжением может назначать иных представителей с целью участия их в судебном заседании. Как пишет В. Сивицкий, на постоянного полномочного представителя тогда будет возлагаться функция координации деятельности других представителей¹⁵.

За время существования института полномочного представителя Президента РФ в Конституционном Суде РФ эту должность в разное время занимали известные юристы и ученые: В. М. Савицкий (1995–1996 гг.), С. М. Шахрай (1996–1998 гг.), М. А. Митюков (1996 г., 1998–2005 гг.), М. В. Кротов (2005–2020 гг.)¹⁶, а с января 2020 г. — А. В. Коновалов.

Процессуальный статус Президента Российской Федерации как стороны-заявителя в конституционном судебном процессе

Особенности конституционно-процессуального статуса главы государства как стороны-заявителя проанализируем в контексте его права на обращение в Конституционный Суд РФ. Параллельно необходимо отметить, что эти особенности во многом обусловлены конституционными функциями главы государства, а также его полномочиями. Прежде всего, Президент РФ вправе обращаться в Конституционный Суд РФ, если считает, что нормативный правовой акт не подлежит действию из-за его неконституционности. Выступление Президента РФ в качестве заявителя в порядке абстрактного нормоконтроля, безусловно, является элементом механизма правовой охраны Конституции РФ, а также реализацией главой государства своей функции гаранта Основного закона. Перечень нормативных актов, которые могут быть проверены на соответствие Конституции РФ по инициативе Президента РФ, довольно широк. Это любые законы федерального уровня, подзаконные нормативные акты высших органов государственной власти (Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ), учредительные акты субъектов РФ (их конституции и уставы), законы субъектов РФ, а также подзаконные акты, принятые по вопросам ведения органов государственной власти РФ и совместного ведения федерации и субъектов РФ. Президент РФ вправе обратиться и с запросом о конституционности внутригосударственных договоров.

Следует отметить, что глава государства относительно редко обращается в Конституционный Суд РФ абстрактно, вне связи с конкретным делом. Большинство таких запросов приходилось на середину — конец 90-х гг. XX в., и в основном связаны они были с признанием неконституционными нормативных правовых актов субъек-

¹⁴ Авакьян С. А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики : монография. М. : Юстицинформ, 2022. 484 с.

¹⁵ Сивицкий В. Указ. соч. № 8. С. 29.

¹⁶ Подробнее см.: Боброва В. К. Институт полномочного представителя Президента в Конституционном Суде: практика деятельности // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 5.

тов Российской Федерации либо федеральных законов. Например, по запросам главы государства проверялась конституционность положений Конституции Республики Хакасия, Устава Тамбовской области, Федеральных законов от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», от 15.04.1998 № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» и др. При поступлении в Суд запроса Президента РФ о признании федерального закона не соответствующим Конституции РФ, как правило, на стороне органа, издавшего оспариваемый акт, выступают палаты Федерального Собрания РФ в лице своих представителей. Между тем очевидно, что Президент РФ одновременно является и лицом, которое участвовало в принятии федерального закона, поскольку его подписало и обнародовало, не считая его на тот момент неконституционным. В настоящее время у главы государства появилось право обратиться по вопросу о конституционности закона до его подписания, что решает указанную проблему. Есть примеры обращения Президента РФ с запросом о проверке подзаконного акта, в частности постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ¹⁷. В практике Конституционного Суда РФ имеются и примеры соединения дел в

одном производстве по запросу Президента РФ и по жалобам граждан в случае, если они касаются одного и того же предмета¹⁸. Интерес с точки зрения процессуальных моментов представляет то, что здесь Президент РФ выступает заявителем в рамках абстрактного нормоконтроля, в то время как граждане обращаются в связи с конкретным делом.

Закон о Конституционном Суде (ст. 3, 88) называет Президента РФ в числе субъектов, которые вправе обратиться с запросом о проверке международного договора, не вступившего в силу. В данном случае законодательством установлен факультативный конституционный контроль, который, по сути, предполагает, что для субъекта, обращающегося в Конституционный Суд РФ, — это право, а не обязанность. В науке высказываются предложения о введении относительно проверки международных договоров, подлежащих ратификации, обязательного конституционного контроля. Представляется, что когда речь идет о Президенте РФ, то можно согласиться с учеными, считающими, что должна быть юридически закреплена его обязанность вносить в Суд обращения о проверке договоров, заключаемых от имени Российской Федерации, поскольку в соответствии с Федеральным законом от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» все решения по любому из вопросов, касающихся заключения таких договоров, принимаются исключительно главой государства¹⁹.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1997 № 17-П «По делу о проверке конституционности постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 г. № 1090-1 ГД “О некоторых вопросах применения Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”” и от 11 октября 1996 г. № 682-II ГД “О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации”» // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5492.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1997 № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. “О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС””» // СЗ РФ. 1997. № 50. Ст. 5711 ; постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. “О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике”» // СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 708.

¹⁹ *Лукашук И. И.* Современное право международных договоров : в 2 т. М. : Волтерс Клувер, 2004. Т. 1 : Заключение международных договоров.

Сказанное не относится к международным договорам, заключаемым при принятии в состав Российской Федерации нового субъекта РФ. Единственным субъектом обращения здесь является Президент РФ, что позволяет говорить о том, что это не право, а его обязанность. Между тем юридически такая обязанность за главой государства конституционно не закреплена. Она следует лишь из формулировок ч. 4 ст. 7 Федерального конституционного закона от 17.12.2001 № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»²⁰ и ст. 88 Закона о Конституционном Суде. К настоящему времени пять раз Суд рассматривал соответствующий запрос Президента РФ — это международный договор о принятии в состав России Республики Крым, Херсонской области, Запорожской области, Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики²¹. Особенности этой категории дел были выделены Судом в решениях по проверке указанных международных договоров и в обобщенном виде заключаются в следующем: во-первых, в качестве формы обращения здесь должен быть запрос о проверке соответствия международного договора Конституции РФ; во-вторых, как было

сказано выше, такое обращение — не право, а обязанность Президента РФ, поскольку является составным элементом государственно-властного решения о принятии в состав федерации нового субъекта; в-третьих, факт подписания Президентом РФ данного международного договора означает признание главой государства конституционности данного договора, что должно обосновываться в тексте запроса Президента РФ; в-четвертых, исключается рассмотрение Конституционным Судом РФ вопроса о политической целесообразности заключенного международного договора в силу того, что Суд решает только вопросы права; в-пятых, в такого рода делах другая сторона, утверждающая противоположное, отсутствует. Это влияет прежде всего на процессуальные права и обязанности Президента РФ как стороны-заявителя. Так, слушания по таким делам не проводятся и Президент РФ не обязан на них представлять свою позицию. Но и процедура письменного производства имеет особенности, поскольку нет обязанности стороны-заявителя давать письменные объяснения на возражение другой стороны из-за ее отсутствия.

Еще одна категория дел, где Президент РФ является стороной-заявителем, — споры о компетенции, которые могут возникать у Пре-

²⁰ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4916.

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2014 № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // СЗ РФ. 2014. № 13. Ст. 1527; постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 39-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 7157; постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 38-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 7156; постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 37-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 7155; постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 36-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 7154.

зидента РФ как с федеральными, так и с региональными органами государственной власти. Думается, что здесь следует согласиться с учеными, считающими, что вероятность возникновения такого спора между Президентом РФ и Правительством РФ минимальна, так как по Конституции РФ (ч. 3 ст. 115) Президент РФ вправе отменять акты Правительства РФ в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам, указам и распоряжениям Президента²². Кроме того, Президент РФ и Правительство РФ, несмотря на их отнесение к разным ветвям власти, действуют «в тандеме», представляют собой единый механизм, в котором должны быть согласованы все действия. После поправок к Конституции РФ 2020 г. Президент РФ осуществляет общее руководство Правительством РФ (ст. 83 Конституции РФ).

В делах по спорам о компетенции глава государства вправе также обращаться в Суд с ходатайством о разрешении такого спора, если спор возник между иными органами государственной власти и сам Президент РФ участником спора не является. Его процессуальное положение в данном случае характеризуется тем, что он не преследует конкретный правовой интерес, заключающийся в оспаривании полномочий иного органа государственной власти. Президент РФ в случае возникшего спора о компетенции, реализуя, как глава государства, свою функцию арбитра между ветвями власти, может предварительно провести согласительные процедуры между спорящими сторонами и при недостижении согласия между ними обратиться в Конституционный Суд РФ.

До конца не разрешенным остается вопрос, должны ли такие согласительные процедуры в обязательном порядке предшествовать обраще-

нию в Конституционный Суд РФ по спору о компетенции и может ли быть запрос признан недопустимым, если такие процедуры проведены не были. В пункте 7 ст. 93 Закона о Конституционном Суде сказано, что ходатайство по спору о компетенции допустимо в случае обращения соответствующего органа государственной власти к Президенту РФ с просьбой об использовании согласительных процедур, предусмотренных статьей 85 Конституции РФ, а Президент РФ в течение месяца со дня обращения не использовал эти согласительные процедуры либо такие процедуры не привели к разрешению спора. Из смысла данного пункта следует, что обращение органов власти к Президенту РФ по вопросу проведения согласительных процедур не является обязательным предварительным этапом разрешения спора, поскольку законодатель использует термин «в случае обращения». То есть такого обращения может и не быть. В то же время пункт 3 данной статьи устанавливает следующее основание допустимости — спор не был или не может быть разрешен иным способом. К таким иным способам могут быть отнесены и согласительные процедуры. На практике Конституционный Суд РФ исходит из того, что предварительное обращение к Президенту РФ одной из сторон спора о компетенции является обязательным. Так, Н. В. Витрук приводит в одной из своих статей пример отказного определения Конституционного Суда РФ по разрешению спора о компетенции между Московской областной Думой и Московской городской Думой по определению состава территории (аэропорта «Шереметьево»)²³, где основанием для отказа послужило то, что заявитель не обращался к Президенту РФ в порядке, предусмотренном статьей 85 Конституции РФ²⁴. Сам же ученый

²² Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Ю. А. Андреева, В. В. Балытников, Н. С. Бондарь [и др.] ; под ред. Г. А. Гаджиева. М. : Норма, Инфра-М, 2012.

²³ Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2000 № 90-О «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Московской областной Думы о разрешении спора о компетенции между Московской областной Думой и Московской городской Думой по определению состава территории» // СПС «Консультант-Плюс».

²⁴ Витрук Н. В. Виды производств в Конституционном Суде Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6. С. 13–14.

считает такое условие допустимости неоднозначным и конкретно в данном деле — вызванным политической целесообразностью. К этому можно добавить, что сама по себе конструкция ст. 85 Конституции РФ позволяет рассматривать проведение согласительных процедур как право, а не как обязанность Президента РФ. В ней сказано: «может использовать согласительные процедуры». Это делает такие согласительные процедуры лишь потенциальной возможностью предварительного урегулирования спора для сторон конфликта.

Еще одной категорией дел, в которых Президент РФ выступает как сторона-заявитель, являются дела о толковании Конституции РФ. Надо сказать, что Президент РФ данным правом не злоупотребляет, несмотря на то что в принципе право на обращение с запросом о толковании Основного закона принадлежит небольшому числу субъектов. За все время работы Конституционного Суда РФ от Президента РФ запрос о толковании Конституции РФ поступил лишь однажды. В 1995 г. Судом был принят запрос главы государства о толковании понятия «порядок формирования Совета Федерации», содержащегося в ч. 2 ст. 96 Конституции РФ. Однако впоследствии данный запрос был отозван Президентом РФ, так как параллельно Государственная Дума приняла Федеральный закон от 05.12.1995 № 192-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», что и внесло определенность в понимание конституционной нормы. В результате Конституционным Судом РФ было принято определение о прекращении производства по делу.

Следует отметить, что во многих делах о толковании Конституции РФ, в которых Прези-

дент РФ не являлся стороной-заявителем, тем не менее существовала необходимость отстаивать позицию главы государства, так как в них напрямую затрагивались вопросы его статуса. В таких случаях от имени Президента РФ в Конституционном Суде РФ выступал его полномочный представитель. В качестве примеров можно привести те дела, в которых шла речь о неопределенности норм, касающихся правового регулирования положения главы государства. Эти дела касались и правовой природы актов главы государства, и реализации некоторых его полномочий, и оснований и порядка досрочного их прекращения²⁵.

С 2015 г. у Президента РФ в конституционном судебном процессе появилось еще одно право. Глава государства может обращаться не только абстрактно с запросом о толковании норм Основного закона, но также и по вопросу о толковании Конституции РФ в связи с решением, принятым межгосударственным органом, которым было дано толкование международного договора, если такое толкование противоречит Конституции РФ, создает неопределенность в понимании конституционных норм. Наряду с Президентом РФ, право такого обращения предоставлено также Правительству РФ. Обращение Президента РФ возможно, если: во-первых, возникло противоречие между положениями международного договора в их интерпретации межгосударственным органом и положениями Конституции РФ; во-вторых, данное противоречие ставит проблему возможности исполнения решения межгосударственного органа; в-третьих, целью обращения в Суд является устранение возникшей неопределенности путем толкования положений Конституции РФ. В на-

²⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1999 № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт “г”), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 6. Ст. 866; постановление Конституционного Суда РФ от 06.07.1999 № 10-П «По делу о толковании положений статьи 92 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3773; постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2000 № 12-П «По делу о толковании положений статей 91 и 92 (часть 2) Конституции Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий Президента Российской Федерации в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия» // СЗ РФ. 2000. № 29. Ст. 3118; постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1995 № 15-П «По делу о толковании части 2 статьи 137 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4868.

стоящее время практика по данной категории дел отсутствует, в связи с чем трудно говорить и о критериях допустимости обращения Президента РФ. Каких-либо специальных требований к запросу Президента РФ о толковании в данном случае закон не предъявляет. Вероятно, к такому запросу могут предъявляться общие требования для запроса о толковании: оформление запроса актом Президента РФ, в котором будет изложена позиция главы государства о том, в чем конкретно он видит неопределенность, требующую толкования органом конституционного контроля.

Данную категорию дел необходимо отграничивать от рассмотрения Судом РФ запросов о возможности исполнения решения межгосударственного органа и о возможности исполнения решений иностранных или международных (межгосударственных) судов, иностранных или международных третейских судов (арбитражей)²⁶. В 2020 г. право обратиться с соответствующим запросом было закреплено в том числе за Президентом РФ, что стало закономерным следствием правоприменительной практики. Ранее такое право принадлежало лишь Минюсту России. Следует отметить, что еще в 2016 г. в деле, связанном с исполнением постановления Европейского Суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладков против России»²⁷, в своем особом мнении судья К. В. Арановский подчеркивал, что такой запрос должен исходить от «профильного» органа, быть напрямую связан с органом власти, уполномоченным принять меры во исполнение решения межгосударственного органа. В науке также звучали предложения о необходимости расширения круга субъектов, имеющих право обратиться в Суд по данной категории дел,

путем включения в него прежде всего главы государства²⁸.

Полномочие Президента РФ назначать федеральный референдум, закрепленное в п. «в» ст. 84 Конституции РФ, предопределило еще один случай, когда глава государства занимает в Конституционном Суде РФ позицию стороны-заявителя. В настоящее время согласно п. 5.1 ст. 3 Закона о Конституционном Суде по запросам Президента РФ Суд осуществляет проверку конституционности вопроса, выносимого на федеральный референдум. Особенности производства по данной категории дел были закреплены в Законе о Конституционном Суде лишь в 2020 г. До этого нормы закона были сформулированы лишь в общем виде, не содержали никакой конкретики.

Важно отметить, что в конституционном судопроизводстве тесно переплетаются, но при этом имеют разное процессуальное наполнение две процедуры — это производство по запросу Президента РФ о соответствии инициативы выдвижения референдума Конституции РФ и производство по запросу Верховного Суда РФ о проверке вопроса референдума на его конституционность. Здесь различаются не только субъекты запроса, но и его предмет и допустимость. Так, допустимость запроса Президента РФ связана с положительным решением ЦИК РФ относительно поступившей инициативы проведения референдума. Ученые также отмечали, что на практике может возникнуть затруднение с определением содержания запроса Президента РФ, то есть собственно с его предметом. Так как в законе о референдуме есть некоторая нечеткость формулировок, не вполне понятно, будет ли предметом запроса Президента РФ конституционность всей процедуры инициирования ре-

²⁶ Гл. XIII.1 и XIII.2 Закона о Конституционном Суде.

²⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013 по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

²⁸ *Брежнев О. В.* Процессуальные особенности рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации дел о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2. С. 66–71.

ферендума или только непосредственно вопрос референдума²⁹. На наш взгляд, если исходить формально из формулировок ст. 110.4 и 110.5 Закона о Конституционном Суде, то напрашивается вывод, что речь идет только о вопросе, выносимом на референдум.

К сожалению, мы пока не имеем возможности оценить практическое воплощение установленного законодательством юридического механизма, поскольку после 1993 г. в стране не проводилось ни одного общенационального референдума. Вместе с тем следует согласиться с учеными, которые считают, что в отличие от конституционного нормоконтроля дела о референдуме не предполагают состязательного устного разбирательства и должны рассматриваться без проведения слушаний³⁰. Поэтому процессуальные права и обязанности Президента РФ и его процессуальная роль по данной категории дел будет такой, как установлено законом для письменного производства.

Необходимо выделить еще одну новую категорию дел, в которой глава государства выступает стороной-заявителем. Это возможность Президента РФ обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке на соответствие Конституции РФ закона на стадии его принятия, до вступления в силу. Такая возможность появилась у главы государства благодаря поправкам к Конституции РФ 2020 г. Вслед за конституционными поправками были внесены изменения в Закон о Конституционном Суде. Причем если конституционные нормы предусматривают право Президента РФ обратиться с запросом после преодоления его вето палатами Федерального Собрания РФ (ч. 3 ст. 107), а также до

подписания им федерального конституционного закона (ч. 2 ст. 108), то в соответствии с Законом о Конституционном Суде предметом проверки может быть проект как федерального закона, так и федерального конституционного закона, если он был принят нижней палатой Федерального Собрания в первом либо во втором чтении, однако пока не прошел третье чтение. Это может быть и проект закона РФ о поправке к Конституции РФ, а также закон субъекта РФ до того, как он будет обнародован высшим должностным лицом субъекта РФ.

Специфика процессуального положения Президента РФ в делах по предварительному нормоконтролю заключаются в следующем. Во-первых, Президент РФ — единственно возможный заявитель по данной категории дел. Такой подход законодателя уже подвергся научной критике. Так, в одном из интервью С. А. Авакьян указывает на необходимость предоставить право инициировать предварительный нормоконтроль большему числу субъектов. В частности, по мнению ученого, это могли бы быть и Правительство РФ, и Генпрокуратура, и Совет Федерации, и Верховный Суд РФ, и даже общественные объединения³¹. По мнению О. В. Брежнева, такое исключительное право Президента РФ нарушает баланс в системе разделения властей в пользу президентской власти, существенно усиливая возможность Президента РФ влиять на Федеральное Собрание РФ, что, по сути, превращает Конституционный Суд РФ в орган-эксперт при главе государства. По мнению ученого, было бы целесообразно включить в круг субъектов-заявителей и иных лиц (их перечень примерно такой же, как у С. А. Авакьяна)³².

²⁹ Витрук Н. В. Производство в Конституционном Суде Российской Федерации по рассмотрению дела о соответствии Конституции Российской Федерации инициативы проведения референдума Российской Федерации по поставленному вопросу (постановленным вопросам) референдума // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 2. С. 10–12.

³⁰ Тарибо Е. В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта : монография. М. : Норма, 2018. 256 с.

³¹ Верещагин А., Румак В. Слово «власть» не должно пугать : [Интервью с С. А. Авакьяном] // Закон. 2020. № 12. С. 8–16.

³² Брежнев О. В. Процессуальные особенности осуществления Конституционным Судом РФ новых полномочий, связанных с предварительным нормоконтролем // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 35.

Д. Г. Шустров считает, что институциональный подход требует предоставления такого права непосредственно органу (институту), в который вносится проект закона, то есть Государственной Думе³³.

Во-вторых, обращение главы государства в орган конституционного контроля может быть как его правом, так и обязанностью. Так, в отношении проектов федеральных конституционных законов, федеральных законов, законов субъекта РФ статья 110.6 Закона о Конституционном Суде использует термин «вправе обратиться». Следовательно, такой контроль имеет факультативный характер и запрос Президента РФ — это его дискреция, и, как верно отмечает О. В. Брежнев, глава государства в таком запросе должен обосновать свою позицию, привести свои доводы о неконституционности законопроекта³⁴. Не всё так просто в случае, когда речь идет о проекте закона о поправке к Конституции РФ. В данном законопроекте могут быть нормы двух видов: 1) содержательно изменяющие Конституцию РФ либо определяющие порядок вступления в силу этих норм и 2) имеющие исключительно технический характер, не изменяющие ее положений. В результате в отношении первых у Президента РФ существует обязанность обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке их на соответствие Основному закону, а в отношении вторых это право главы государства. Важной процессуальной особенностью, безусловно относящейся и к процессуальному статусу Президента РФ как стороны-заявителя в рассматриваемой категории дел,

является то, что для его запроса требования допустимости законодательством не устанавливаются (ст. 110.7 Закона о Конституционном Суде). Очевидно, что такой подход законодателя вытекает из обязательного характера нормоконтроля в этом случае.

На данный момент практика обращения Президента РФ в порядке предварительного нормоконтроля имеется лишь в отношении Закона РФ о поправке к Конституции РФ 2020 г.³⁵ Однако в научной литературе высказано мнение о перспективах института обращений главы государства в порядке предварительного нормоконтроля в целом. Так, А. Н. Кокотов считает, что данные запросы будут не правилом, а скорее исключением в правореализационной практике, поскольку в руках главы государства есть другие механизмы обеспечения конституционности принимаемых законов. А. Н. Кокотов предполагает, что востребованность этого института увеличится лишь при обострении отношений в системе органов государственной власти, при политическом кризисе³⁶.

Анализ процессуального положения Президента РФ как стороны-заявителя приводит к выводу, что в ряде случаев он выступает не просто как заявитель, а как единственная сторона в деле. Так, противоположная сторона отсутствует в делах о конституционности международных договоров, подлежащих ратификации; в делах о толковании Конституции РФ, в делах о конституционности вопроса референдума. В указанных случаях объем и содержание процессуальных прав Президента РФ, несомненно, отличаются

³³ Шустров Д. Г. Полномочия Конституционного Суда РФ по предварительному конституционному контролю за поправками к Конституции РФ: конституционные и законодательные новеллы // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 52.

³⁴ Брежнев О. В. Указ. соч. С. 36.

³⁵ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

³⁶ Кокотов А. Н. Предварительный контроль правовых актов Конституционным Судом России // Закон. 2020. № 12. С. 34–35.

от того, когда в деле имеется противоположная сторона. Сохранение юрисдикционного начала при этом проявляется, как верно утверждает А. Н. Кокотов, не в наличии спорящих сторон, а в наличии спорных, конкурирующих идей, доктринальных представлений (например, подтверждение или опровержение презумпции конституционности оцениваемого объекта проверки)³⁷.

Процессуальный статус Президента Российской Федерации как стороны, издавшей либо подписавшей акт, конституционность которого подлежит проверке

Здесь прежде всего речь идет об оспаривании актов главы государства вне их связи с конкретным делом, то есть абстрактно. Достаточно широкий круг субъектов получил по закону право обратиться в орган конституционного контроля по вопросу о признании нормативных актов Президента РФ не соответствующими Конституции РФ. Это и обе палаты Федерального Собрания РФ, и группа парламентариев численностью не менее 1/5, и Правительство РФ, и Верховный Суд РФ, и органы государственной власти субъектов РФ. Такой широкий круг субъектов можно оценивать только положительно — как некий элемент сдержек и противовесов в системе разделения властей.

Участие Президента РФ на стороне органа, принявшего оспариваемый акт, в делах абстрактного нормоконтроля не всегда связано с оспариванием нормативных актов главы государства. Президент РФ может выступать и как лицо, подписавшее и обнародовавшее федеральный закон, конституционность которого подвергается сомнению. Очевидно, что в таком случае, наряду с Президентом РФ в лице его полномочного представителя, в конституционном судебном процессе будут задействованы представители Государственной Думы и Совета Федерации.

В ряде случаев обращение о проверке конституционности акта Президента РФ может

фактически являться спором о компетенции. В одном из комментариев к Закону о Конституционном Суде справедливо указано на сложность и даже практическую невозможность разграничения данных процедур, ведь совершенно очевидно, что компетенция любого органа реализуется посредством издания им правовых актов, что и делает спор о компетенции фактически спором о конституционности изданного акта. Например, при рассмотрении Конституционным Судом РФ дела о проверке конституционности Указа Президента РФ от 15.08.1992 № 923 «Об организации управления электроэнергетическим комплексом Российской Федерации в условиях приватизации» Суд пришел к выводу, что это дело является также делом по спору о компетенции, возникшему между государственными органами Иркутской области и Красноярского края с одной стороны и федеральными органами исполнительной власти — с другой в связи с изданием названного Указа Президента РФ³⁸.

Президент РФ может участвовать и в делах по жалобам граждан о конституционности законов и иных нормативных актов, нарушающих их конституционные права и свободы, и по запросам судов. В настоящее время, после поправок 2020 г., акты Президента РФ, наряду с законами, являются объектом проверки по данной категории дел (ст. 96 Закона о Конституционном Суде).

При обжаловании гражданами и их объединениями закона Президент РФ выступает в качестве органа, подписавшего и обнародовавшего данный закон. В целом участие Президента РФ как стороны в деле в данном случае не является обязательным.

В спорах о компетенции глава государства также может выступать не только как заявитель, но и как лицо, чья компетенция оспаривается. Процессуальный статус Президента РФ будет характеризоваться как «сторона, участвующая в деле», но дело будет возбуждено по ходатайству иного лица в отношении компетенции главы государства. При этом полномочия Пре-

³⁷ Кокотов А. Н. Предварительный контроль правовых актов Конституционным Судом России. С. 36–37.

³⁸ Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный).

зидента РФ, которые будут предметом проверки в споре о компетенции, должны выражаться в принятых им правовых актах. Это могут быть как нормативные, так и ненормативные акты главы государства. Так, в 1996 г. Конституционный Суд РФ рассматривал спор о компетенции по обращению Законодательного Собрания Кемеровской области, по мнению которого Президент РФ, издавший Указ о назначении председателем Кемеровского областного суда гражданина В. М. Вьюнова, вышел за пределы своей компетенции, так как не учел мнение Законодательного Собрания. Таким образом, индивидуальный правовой акт Президента РФ в данном деле явился предметом проверки в споре о компетенции³⁹. В целом в практике конституционного судопроизводства немного примеров, когда Президент РФ выступал в спорах о компетенции как сторона, издавшая оспариваемый акт. Это ставшие уже хрестоматийными дела о временном отстранении Генерального прокурора РФ от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела, а

также спор о компетенции Президента РФ и Государственной Думы РФ, связанный с обязанностью главы государства подписать принятый Федеральный закон «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»⁴⁰.

В целом, подводя итоги краткому обзору процессуального положения Президента РФ как стороны конституционного судебного процесса, можно увидеть существенное расширение его процессуальных прав в этой сфере, закрепление за ним новых возможностей обращения в орган конституционного контроля, что во многом связано с поправками, внесенными в Конституцию РФ и Закон о Конституционном Суде в 2020 г. Оценивая роль Президента РФ в конституционном судебном процессе, можно сделать вывод о том, что присутствует явное смещение баланса в системе разделения властей в пользу главы государства. Особенно это прослеживается при анализе его процессуального положения в делах предварительного нормоконтроля.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авакьян С. А.* Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики : монография. — М. : Юстицинформ, 2022. — 484 с.
2. *Безруков А. В.* Конституционная реформа: основные направления и пути совершенствования конфигурации публичной власти в России // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 6. — С. 3–9.
3. *Бердюгина Ю. М.* К вопросу о понятии субъекта конституционно-судебных процессуальных отношений // Конституционное и муниципальное право. — 2011. — № 5. — С. 16–18.
4. *Боброва В. К.* Институт полномочного представителя Президента в Конституционном Суде: практика деятельности // Журнал конституционного правосудия. — 2008. — № 5.
5. *Брежнев О. В.* Процессуальные особенности осуществления Конституционным Судом РФ новых полномочий, связанных с предварительным нормоконтролем // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 5. — С. 34–38.

³⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 01.04.1996 № 20-О «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Законодательного Собрания Кемеровской области о разрешении спора о компетенции как не соответствующего требованиям Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1999 № 17-П ; постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.1998 № 11-П.

6. Брежнев О. В. Процессуальные особенности рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации дел о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 2. — С. 66–71.
7. Верещагин А., Румак В. Слово «власть» не должно пугать : [Интервью с С. А. Авакьяном] // Закон. — 2020. — № 12. — С. 8–16.
8. Витрук Н. В. Виды производств в Конституционном Суде Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. — 2009. — № 6. — С. 13–14.
9. Витрук Н. В. Производство в Конституционном Суде Российской Федерации по рассмотрению дела о соответствии Конституции Российской Федерации инициативы проведения референдума Российской Федерации по поставленному вопросу (постановленным вопросам) референдума // Журнал конституционного правосудия. — 2010. — № 2. — С. 10–12.
10. Дзидзоев Р. М. Конституционный статус Президента Российской Федерации в свете конституционной реформы в России // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 10. — С. 33–36.
11. Кокотов А. Н. Предварительный контроль правовых актов Конституционным Судом России // Закон. — 2020. — № 12. — С. 29–39.
12. Комарова В. В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 8 (117). — С. 22–31.
13. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Ю. А. Андреева, В. В. Балытников, Н. С. Бондарь [и др.] ; под ред. Г. А. Гаджиева. — М. : Норма, Инфра-М, 2012.
14. Лукашук И. И. Современное право международных договоров : в 2 т. Т. 1 : Заключение международных договоров. — М. : Волтерс Клувер, 2004.
15. Малютин Н. С. Проблемы правосубъектности участников конституционного судебного процесса в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. — 2017. — № 12. — С. 52–57.
16. Нарутто С. В. Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации : науч.-практ. пособие. — М. : Норма, Инфра-М, 2011. — 352 с.
17. Сивицкий В. Институт представительства в Конституционном Суде РФ: от «первого лица» до адвоката // Российская юстиция. — 2001. — № 8. — С. 27–29.
18. Тарибо Е. В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта : монография. — М. : Норма, 2018. — 256 с.
19. Шустров Д. Г. Полномочия Конституционного Суда РФ по предварительному конституционному контролю за поправками к Конституции РФ: конституционные и законодательные новеллы // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 8. — С. 48–59.

Материал поступил в редакцию 20 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avakyan S. A. Predstavitelstvo v konstitutsionnom prave: voprosy teorii i praktiki: monografiya. — M.: Yustitsinform, 2022. — 484 s.
2. Bezrukov A. V. Konstitutsionnaya reforma: osnovnye napravleniya i puti sovershenstvovaniya konfiguratsii publichnoy vlasti v Rossii // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2020. — № 6. — S. 3–9.
3. Berdyugina Yu. M. K voprosu o ponyatii subekta konstitutsionno-sudebnykh protsessualnykh otnosheniy // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2011. — № 5. — S. 16–18.
4. Bobrova V. K. Institut polnomochnogo predstavatelya Prezidenta v Konstitutsionnom Sude: praktika deyatel'nosti // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. — 2008. — № 5.

5. Brezhnev O. V. Protsessualnye osobennosti osushchestvleniya Konstitutsionnym Sudom RF novykh polnomochiy, svyazannykh s predvaritelnyim normokontrolom // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 5. — S. 34–38.
6. Brezhnev O. V. Protsessualnye osobennosti rassmotreniya v Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii del o vozmozhnosti ispolneniya resheniya mezhgosudarstvennogo organa po zashchite prav i svobod cheloveka // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2018. — № 2. — S. 66–71.
7. Vereshchagin A., Rumak V. Slovo «vlast» ne dolzhno pugat: [Intervyu s S. A. Avakyanom] // Zakon. — 2020. — № 12. — S. 8–16.
8. Vitruk N. V. Vidy proizvodstv v Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. — 2009. — № 6. — S. 13–14.
9. Vitruk N. V. Proizvodstvo v Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii po rassmotreniyu dela o sootvetstvii Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii initsiativy provedeniya referendum Rossiyskoy Federatsii po postavlennomu voprosu (postanovlennym voprosam) referendum // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. — 2010. — № 2. — S. 10–12.
10. Dzidzoev R. M. Konstitutsionnyy status Prezidenta Rossiyskoy Federatsii v svete konstitutsionnoy reformy v Rossii // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2020. — № 10. — S. 33–36.
11. Kokotov A. N. Predvaritelnyy kontrol pravovykh aktov Konstitutsionnym Sudom Rossii // Zakon. — 2020. — № 12. — S. 29–39.
12. Komarova V. V. Konstitutsionnaya reforma 2020 g. v Rossii (nekotorye aspekty) // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2020. — T. 15. — № 8 (117). — S. 22–31.
13. Kommentariy k Federalnomu konstitutsionnomu zakonu «O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii» (postateynyy) / Yu. A. Andreeva, V. V. Balytnikov, N. S. Bondar [i dr.]; pod red. G. A. Gadzhieva. — M.: Norma, Infra-M, 2012.
14. Lukashuk I. I. Sovremennoe pravo mezhdunarodnykh dogovorov: v 2 t. T. 1: Zaklyuchenie mezhdunarodnykh dogovorov. — M.: Volters Kluver, 2004.
15. Malyutin N. S. Problemy pravosubektnosti uchastnikov konstitutsionnogo sudebnogo protsessa v Rossiyskoy Federatsii // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2017. — № 12. — S. 52–57.
16. Narutto S. V. Obrashchenie grazhdan v Konstitutsionnyy Sud Rossiyskoy Federatsii: nauch.-prakt. posobie. — M.: Norma, Infra-M, 2011. — 352 s.
17. Sivitskiy V. Institut predstavitelstva v Konstitutsionnom Sude RF: ot «pervogo litsa» do advokata // Rossiyskaya yustitsiya. — 2001. — № 8. — S. 27–29.
18. Taribo E. V. Sudebnyy konstitutsionnyy normokontrol: osmyslenie rossiyskogo opyta: monografiya. — M.: Norma, 2018. — 256 s.
19. Shustrov D. G. Polnomochiya Konstitutsionnogo Suda RF po predvaritelnomu konstitutsionnomu kontrolyu za popravkami k Konstitutsii RF: konstitutsionnye i zakonodatelnye novelly // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2021. — № 8. — S. 48–59.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.087-094

М. В. Варлен*

Научно-образовательное пространство и суверенное будущее российского государства

Аннотация. В статье анализируется актуальное содержание междисциплинарного понятия «научно-образовательное пространство Российской Федерации», так как происходящие изменения в образовательной сфере российского государства, обусловленные новыми реалиями внешней и внутренней политики страны, требуют научного обоснования и осмысления. Определены тенденции развития образовательной системы российского государства. В результате исследования выявлено, что единство общества, его уровень взаимодействия с государством, идеология и культура, являясь сторонами общественно-политического становления, находятся в прямой зависимости от уровня внутренней научно-образовательной политики каждой цивилизованной страны. Сделан вывод о необходимости и в дальнейшем использовать весь потенциал научно-образовательного пространства для объединения общества, сохранения единства общекультурного пространства государства, недопущения национально-этнических конфликтов и социальной напряженности, взяв за безальтернативную основу приоритет прав личности, минимизацию социального неравенства, — в целях упрочения национальной безопасности суверенного российского государства. Актуальной составляющей энергичного развития российского гражданского общества должна быть государственная политика в молодежной сфере, базирующаяся на создании условий для широкой реализации потенциала молодых граждан в генерировании своего будущего и будущего суверенного российского государства.

Ключевые слова: наука; образование; суверенитет; образовательное пространство; государство; политика; молодежь; новые субъекты Российской Федерации; Конституция; преподаватель; образовательное учреждение.

Для цитирования: Варлен М. В. Научно-образовательное пространство и суверенное будущее российского государства // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 87–94. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.087-094.

Scientific and Educational Space and the Sovereign Future of the Russian State

Maria V. Varlen, Dr. Sci. (Law), Director, Institute of Postgraduate and Doctoral Studies;
Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State
Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
mvvarlen@msal.ru

Abstract. The paper analyzes the actual content of the interdisciplinary concept «scientific and educational space of the Russian Federation», since the ongoing changes in the educational sphere of the Russian state, due to the

© Варлен М. В., 2023

* Варлен Мария Викторовна, доктор юридических наук, директор Института «Аспирантура и докторантура», профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
mvvarlen@msal.ru

new realities of the country's foreign and domestic policy, require scientific justification and understanding. The author determines the tendencies of the development of the educational system of Russia. As a result of the study, it was revealed that the unity of society, the level of its interaction with the State, ideology and culture, being the sides of socio-political formation, are directly dependent on the level of the internal scientific and educational policy of each civilized country. The author concludes that it is necessary to continue using the full potential of the scientific and educational space to unite society, preserve the unity of the general cultural space of the State, prevent national-ethnic conflicts and social tension, taking as an alternative basis the priority of individual rights and minimizing social inequality in order to strengthen the national security of the sovereign Russian state. An urgent component of the vigorous development of Russian civil society should be the state policy in the youth sphere, based on creating conditions for the broad implementation of the potential of young citizens in generating their own future and the future of the sovereign Russian state.

Keywords: science; education; sovereignty; educational space; state; politics; youth; new constituent entities of the Russian Federation; Constitution; professor; educational institution.

Cite as: Varlen MV. Nauchno-obrazovatelnoe prostranstvo i suverennoe budushchee rossiyskogo gosudarstva [Scientific and Educational Space and the Sovereign Future of the Russian State]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):87-94. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.087-094. (In Russ., abstract in Eng.).

Суверенитет — это верховенство государства на его территории и независимость в международных отношениях. Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию.

Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации¹.

В Конституции России, в ч. 1 ст. 3, закреплено, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ».

Сегодня мы всё отчетливее понимаем, что единое научно-образовательное пространство — это основообразующий признак суверенного государства. Ведь образование и воспитание являются основой общественной жизни. От содержания, идей и принципов, положенных в фундамент образования и воспитания, и, конечно, уровня их реализации напрямую зависит направление совершенствования гражданского

общества и перспектива развития российской государственности. Задача государства — способствовать духовному и интеллектуальному развитию граждан посредством актуального образовательного и воспитательного инструментария. Именно поэтому в развитых странах образование является одной из главных внутренних государственных функций, на реализацию которой ежегодно выделяются и тратятся огромные материальные и человеческие ресурсы.

Сегодня одной из первоочередных задач нашего государства является стабилизация российской экономики, решение которой зависит от эффективности функционирования научно-образовательного пространства и прочности системы образования. Широкое правовое регулирование сферы образования обусловлено обязательностью реализации гражданами основного конституционного права на образование и влиянием отношений в сфере образования на экономическое развитие страны. Кроме

¹ Ст. 4 Конституции Российской Федерации (в ред. Указов Президента РФ от 09.01.1996 № 20, от 10.02.1996 № 173, от 09.06.2001 № 679, от 25.07.2003 № 841; федеральных конституционных законов от 25.03.2004 № 1-ФКЗ, от 14.10.2005 № 6-ФКЗ, от 12.07.2006 № 2-ФКЗ, от 30.12.2006 № 6-ФКЗ, от 21.07.2007 № 5-ФКЗ; законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ; Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ; Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; Указа Президента РФ от 27.03.2019 № 130; Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; федеральных конституционных законов от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // URL: <http://www.pravo.gov.ru/>.

того, научно-образовательное пространство весьма тесно соединяет интересы общества и государства. Качество образования на всех его уровнях оказывает опосредованное влияние на конкурентоспособность государства — наравне с развитой экономикой, стабильностью и безопасностью. Поэтому политика государства направлена на модернизацию российского образовательного пространства с акцентом на инновационные решения.

Аналогично и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации — базовый документ стратегического планирования, определяющий национальные интересы и стратегические национальные приоритеты России, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу, подчеркивает, что сегодня состояние системы образования превращается в ключевой индикатор конкурентоспособности России, а повышение уровня образования населения становится одной из целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала как важнейшего стратегического национального приоритета². Для достижения указанной цели предусмотрено решение такой задачи, как предоставление гражданам широких возможностей для получения высшего профессионального образования, профессиональной подготовки и переподготовки на протяжении всей жизни в соответствии с потребностями рынка труда. Высококачественное образование граждан способствует достижению многих стратегических национальных приоритетов, т.к. образованность общества влияет на благосостояние людей, демонстрируя качество жизни населения, социальную устойчивость и стабильность развития российского государства.

Согласно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, на научные

и образовательные организации, иные организации, непосредственно осуществляющие научную, научно-техническую и инновационную деятельность и использующие результаты такой деятельности, федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и находящиеся в их распоряжении инструменты возложена задача по обеспечению целостности и единства научно-технологического развития российского государства³.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁴ образование — это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов. Пожалуй, данное определение образования можно назвать исчерпывающим.

Термин «научно-образовательное пространство» предполагает, в свою очередь, интеграцию двух составных частей — науки и образования как сферы приложения интеллектуальных усилий с одной стороны и пространств государства (как территориального, так и организационного его аспекта) — с другой.

Встает вопрос о содержании понятия «образовательное пространство»: это образовательная среда или образовательная система (ее элементы), а может, уровень общественного пространства или территориальное обозначение?

По мнению Ю. В. Сенько, научно-образовательное пространство — это пространственно-временная связь людей, помогающая непо-

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

³ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

⁴ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

средственным участникам обучения открывать смыслы образования и осуществлять их⁵. М. А. Головчин и Т. С. Соловьева считают, что научно-образовательное пространство — это совокупность находящихся в рамках географического пространства и активно взаимодействующих субъектов научной, образовательной и культурной сфер, бизнес-сообщества, основанная на институциональной и/или информационной интеграции, нацеленная на наращивание человеческого и интеллектуального потенциала территории⁶. И. А. Маланов определяет образовательное пространство как совокупность институтов и организаций, непосредственно или опосредованно детерминирующих образование как процесс формирования исторически адекватного субъекта (с гражданской, государственной, личностной точки зрения) и как совокупность специфически образовательных институтов и уровней⁷.

В самом общем виде научно-образовательное пространство является объединяющей основой для всех субъектов образовательной и научной деятельности, включающей экономические, политические, идеологические, социально-культурные, правовые, информационные, педагогические, научно-методические условия российской государственности. Конечно, функционирование единого научно-образовательного пространства предполагает необходимые методические, кадровые, финансовые и материально-технические элементы, обеспечивающие эффективное развитие научного и образовательного процессов.

Путь оформления российского научно-образовательного пространства длительный и весьма извилистый. Исследуя тенденции развития научно-образовательного пространства, отчасти можно согласиться с О. А. Заблоцкой, выделившей основные:

1) стремление к демократичности системы образования, что означает доступность и преемственность его ступеней и уровней, предоставление автономности и самостоятельности учебным заведениям;

2) обеспечение правовой основы получения образования;

3) значительное влияние социально-экономических факторов на получение образования;

4) расширение спектра учебно-организационных мероприятий, направленных как на удовлетворение разносторонних интересов, так и на развитие способностей обучаемых;

5) расширение рынка образовательных услуг;

6) расширение сети учреждений высшего образования;

7) в сфере управления образованием поиск компромисса между жесткой централизацией и полной автономией;

8) сообразование становится приоритетным объектом финансирования в развитых странах мира;

9) постоянное обновление и корректировка школьных и вузовских образовательных программ;

10) ориентация на сочетание элитного образования с высококачественным образованием для всех;

11) углубление межгосударственного сотрудничества в области образования;

12) увеличение в мировом образовании гуманитарной составляющей в целом, а также за счет введения новых человеко-ориентированных научных и учебных дисциплин: политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, экологии, эргономики;

13) широкое распространение нововведений при сохранении сложившихся национальных традиций и национальной идентичности стран

⁵ Сенько Ю. В. Экзистенциальные смыслы современного образования // Человек и образование. 2017. № 3 (52). С. 4–8.

⁶ Головчин М. А., Соловьева Т. С. Уровень развития научно-образовательного пространства в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. Т. 23, вып. 5. С. 197–205.

⁷ Маланов И. А. Понятие «образовательное пространство» как педагогическая категория // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2012. № 1.

и регионов, что позволяет образовательному пространству быть поликультурным и социально-ориентированным на развитие человека и цивилизации в целом, более открытым для формирования международной образовательной среды, национальным по характеру знаний и приобщению человека к мировым ценностям⁸.

Добавим актуальные тренды в сфере образования: формирование национальной системы высшего образования; активное внедрение результатов научно-исследовательской деятельности в образовательные практики; расширение участия работодателей в образовательной и научно-исследовательской деятельности, повышение интереса бизнес-сообщества к научно-технологическому развитию, а также увязывание образовательных и профессиональных стандартов; расширение рынка научно-экспертных услуг; вовлечение граждан всех возрастов в образовательные и научно-популярные проекты; широкое использование дистанционных технологий в образовательном процессе; развитие территорий с высоким научно-технологическим потенциалом; актуализация правовой основы получения образования и организации научных исследований.

В связи с вышеизложенным уместно процитировать Альберта Эйнштейна: «Особенно важно, чтобы самые широкие круги общественности получили возможность ясно и отчетливо познать движущие силы и результаты научного исследования. Ведь совершенно недостаточно, чтобы каждый результат воспринимался, разрабатывался и применялся узким кругом специалистов в некоторой конкретной области. Сужение круга людей, которым доступно знание, до небольшой группы посвященных означало бы умерщвление философского духа народа и наступление духовной нищеты»⁹.

Конечно, для научно-образовательного пространства актуальны задачи оптимизации и высокой эффективности реализации двух взаимосвязанных направлений — образовательного и научно-исследовательского. Здесь основой служат высшие учебные заведения, которые обеспечивают сочетание образования и науки, накопившие солидный опыт в сфере организации учебно-воспитательного и научного процесса. Профессорско-преподавательский состав вузов — это неразрывное целое педагогов и ученых, они занимаются подготовкой высококвалифицированных специалистов, вовлекая их в научно-исследовательскую деятельность. Например, лидер подготовки специалистов в области права — Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) — для осуществления научно-исследовательской, методической, экспертной, образовательной деятельности во взаимодействии с Научно-исследовательским институтом создал несколько научно-образовательных центров¹⁰. Эти центры ведут научные исследования, интегрируя перспективные направления науки и высшего образования, занимаются решением актуальных проблем юридической практики. «Разные форматы образовательной деятельности могут строиться на основе повестки проектно-правовых лабораторий, центров компетенций, научно-образовательных центров и стратегических академических единиц вуза»¹¹.

В университетах, академиях и институтах для поиска решений комплексных научно-практических задач реализуют слияние науки и образования, как правило, через научно-практические форумы и конференции, научно-образовательные и научно-исследовательские центры, лаборатории, временные и постоянные рабочие коллективы по конкурсам и грантам, консорциумы. Научно-образовательные центры — это возмож-

⁸ *Заблоцкая О. А.* Образовательное пространство как педагогическая категория // Информатика, вычислительная техника и инженерное образование. 2011. № 2 (4). С. 47.

⁹ *Эйнштейн А.* Собрание научных трудов : в 4 т. М., 1967. Т. 4 : Статьи. Рецензии. Письма. С. 43.

¹⁰ Научно-образовательный центр по правам человека, Научно-экспертный центр спортивного права, Научно-образовательный центр права и биоэтики в сфере геномных исследований и применения генетических технологий.

¹¹ *Мажорина М. В.* Юридическая инноватика и юридическое образование // Lex russica. 2023. Т. 76. № 4. С. 16.

ность соединения научно-исследовательского багажа маститых ученых с креативными идеями молодых исследователей с привлечением к участию специалистов и практиков.

Одним из механизмов выявления таких возможностей стала программа «Приоритет-2030», которая призвана сконцентрировать ресурсы российских университетов для достижения национальных целей развития российского государства, повышения научно-образовательного потенциала высших учебных заведений и научных организаций¹², а к 2030 г. сформировать в России прогрессивные современные университеты — центры научно-технологического и социально-экономического развития государства.

Научно-образовательное пространство — весьма динамичная и развивающаяся система, как в содержательном, так и в территориальном аспекте. В связи с образованием в составе Российской Федерации новых субъектов — Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей — произошло расширение научно-образовательного пространства государства. Первые шаги — это признание соответствия образовательных, образовательно-квалификационных уровней, ученых степеней и ученых званий, приведение наименований и деятельности организаций, осуществляющих образовательную и научную деятельность, в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации и, самое главное, предоставление возможности закончить образование и перейти на новую ступень всем гражданам новых субъектов Россий-

ской Федерации¹³. Закреплены законодательно статусы педагогических и научных работников Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей. На основе плана первоочередных мер по интеграции научных и образовательных учреждений новых территорий в российское научно-образовательное пространство будут введены в соответствие с федеральными государственными стандартами все образовательные программы, реализуемые сейчас в Луганской и Донецкой народных республиках, Херсонской и Запорожской областях. Это большая и скрупулезная работа послужит дополнительным стимулом для поиска новых форм и решений проблем адаптации граждан, образовательных учреждений, органов государственной и муниципальной власти к потребностям российской экономики.

Параллельно с развитием научно-образовательного пространства новых территорий необходимо продолжать работу с территориями, на которых уже сейчас реализуются научно-технологические проекты международного уровня, речь о наукоградах — симбиозе научной, экономической и стратегической деятельности на одной территории. Важно, что механизмы управления наукогородами и иными аналогичными территориями, имеющими сегодня общенациональное долгосрочное значение, должны обеспечивать согласованное развитие этих территорий в рамках единого научно-образовательного пространства.

Как видится, фундаментом научно-образовательного пространства и суверенности госу-

¹² Постановление Правительства РФ от 13.05.2021 № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства “Приоритет-2030”» (вместе с Правилами проведения отбора образовательных организаций высшего образования для оказания поддержки программ развития образовательных организаций высшего образования в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», Правилами предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на оказание поддержки программ развития образовательных организаций высшего образования) // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3823.

¹³ Федеральный закон от 17.02.2023 № 19-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сферах образования и науки в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов — Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 8. Ст. 1197.

дарства является воспитание. Приоритетность воспитания патриотов своей страны подчеркивается и в государственной программе «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Среди приоритетных направлений государственной национальной политики российского государства обозначается развитие системы гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения¹⁴. Как известно, патриотическое воспитание — целенаправленная, систематическая деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества и семьи по формированию у человека высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. «Патриотизм есть великая школа гражданственности в опасный для Родины час. Зрелость России для мировой жизни и мировой роли будет прямо пропорциональна проявленному ею сознательному гражданскому патриотизму»¹⁵. Патриотическое воспитание молодежи, а именно молодых граждан страны, актуальная задача как государства, так и общества. Здесь важно нащупать новые воспитательные приемы и способы, изучая современные ценностные установки и приоритеты молодежи, пользуясь современными средствами информирования.

«Молодежь России как наиболее восприимчивая и мобильная часть социума поддерживала прогрессивные реформы и претворяла их в жизнь. Патриотические устремления молодежи развивали науку и промышленность, обеспечившие рост экономики и улучшение качества жизни»¹⁶.

Патриотическое воспитание включает формирование соответствующего сознания молодых граждан, отражающего гражданскую позицию и общественные аспекты деятельности других людей в отношении российского государства. Единое научно-образовательное пространство предполагает дальнейшее формирование патриотического сознания учеников, студентов и аспирантов, соединяющего общекультурный, социальный и личностный компоненты образовательного пространства.

Сегодня очень важно, чтобы процесс формирования и развития научно-образовательного пространства продолжался на основе конструктивного диалога и широкой общественно-экспертной работы, с пониманием разностороннего характера связи научно-образовательного пространства и российской экономики, сочетая фундаментальность и жизненность системы образования с гуманистическими и суверенными ориентирами — «...чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России...».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бердяев Н. А. Судьба России. — М., 1990. — 430 с.
2. Головчин М. А., Соловьева Т. С. Уровень развития научно-образовательного пространства в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2012. — Т. 23, вып. 5. — С. 197–205.
3. Заблоцкая О. А. Образовательное пространство как педагогическая категория // Информатика, вычислительная техника и инженерное образование. — 2011. — № 2 (4). — С. 43–54.
4. Мажорина М. В. Юридическая инноватика и юридическое образование // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 4. — С. 9–17.

¹⁴ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

¹⁵ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990.

¹⁶ Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 50. Ст. 7185.

5. Маланов И. А. Понятие «образовательное пространство» как педагогическая категория // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. — 2012. — № 1. — С. 23–25.
6. Сенько Ю. В. Экзистенциальные смыслы современного образования // Человек и образование. — 2017. — № 3 (52). — С. 4–8.
7. Эйнштейн А. Собрание научных трудов : в 4 т. Т. 4 : Статьи. Рецензии. Письма. — М., 1967.

Материал поступил в редакцию 20 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Berdyaev N. A. Sudba Rossii. — M., 1990. — 430 s.
2. Golovchin M. A., Soloveva T. S. Uroven razvitiya nauchno-obrazovatel'nogo prostranstva v regionakh Rossii // Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. — 2012. — Т. 23, вып. 5. — С. 197–205.
3. Zablotskaya O. A. Obrazovatel'noe prostranstvo kak pedagogicheskaya kategoriya // Informatika, vychislitel'naya tekhnika i inzhenernoe obrazovanie. — 2011. — № 2 (4). — С. 43–54.
4. Mazhorina M. V. Yuridicheskaya innovatika i yuridicheskoe obrazovanie // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 4. — С. 9–17.
5. Malanov I. A. Ponyatie «obrazovatel'noe prostranstvo» kak pedagogicheskaya kategoriya // Vestnik BGU. Obrazovanie. Lichnost. Obshchestvo. — 2012. — № 1. — С. 23–25.
6. Senko Yu. V. Ekzistentsialnye smysly sovremennogo obrazovaniya // Chelovek i obrazovanie. — 2017. — № 3 (52). — С. 4–8.
7. Eynshteyn A. Sobranie nauchnykh trudov: v 4 t. Т. 4: Stati. Retsenzii. Pisma. — М., 1967.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.095-102

А. Н. Пономаренко*

Внесение поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 года как «локомотив» конституционных реформ в странах СНГ

Аннотация. В статье анализируются конституционные реформы последних лет в России, Беларуси, Киргизии, Казахстане, Узбекистане. Конституционная реформа, состоявшаяся в Российской Федерации в 2020 г., ознаменовала начало таких реформ в некоторых странах Содружества Независимых Государств. Отмечено, что в основном поправки к конституциям перечисленных государств касались политико-территориального устройства и исторического развития государств; духовно-культурной сферы; перераспределения полномочий между органами государственной власти; правового статуса личности. Сделан вывод о том, что векторы конституционных реформ в рассмотренных государствах в целом имеют сходные направления. Этот факт можно связать с Концепцией дальнейшего развития СНГ, в которой закреплена цель планомерного сближения национальных законодательств государств — участников Содружества во многих сферах сотрудничества. Таким образом, без единого направления совершенствования конституций достигнуть таких целей невозможно.

Ключевые слова: конституционная реформа; поправки; референдум; Содружество Независимых Государств; Конституция Российской Федерации; Конституция Республики Беларусь; Конституция Республики Киргизия; Конституция Республики Казахстан; Конституция Республики Узбекистан; Конституционный Суд Российской Федерации.

Для цитирования: Пономаренко А. Н. Внесение поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 года как «локомотив» конституционных реформ в странах СНГ // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 95–102. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.095-102.

Amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 as a «Locomotive» of Constitutional Reforms in the CIS Countries

Aleksandr N. Ponomarenko, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
anponomarenko@msal.ru

Abstract. The paper analyzes the recent constitutional reforms in Russia, Belarus, Kyrgyzstan, Kazakhstan, and Uzbekistan. The constitutional reform that took place in the Russian Federation in 2020 marked the beginning of such reforms in some countries of the Commonwealth of Independent States. It is noted that mainly amendments

© Пономаренко А. Н., 2023

* Пономаренко Александр Николаевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
anponomarenko@msal.ru

to the constitutions of the listed states concerned the political-territorial structure and historical development of states; spiritual and cultural sphere; redistribution of powers between government bodies; legal status of the individual. It is concluded that the vectors of constitutional reforms in the considered states generally have similar directions. This fact can be associated with the Concept of further development of the CIS, which enshrines the goal of systematic convergence of the national legislations of the member states of the Commonwealth in many areas of cooperation. Thus, without a unified direction for improving constitutions, it is impossible to achieve such goals.

Keywords: constitutional reform; amendments; referendum; Commonwealth of Independent States; Constitution of the Russian Federation; Constitution of the Republic of Belarus; Constitution of the Republic of Kyrgyzstan; Constitution of the Republic of Kazakhstan; Constitution of the Republic of Uzbekistan; Constitutional Court of the Russian Federation.

Cite as: Ponomarenko AN. Vnesenie popravok v Konstitutsiyu Rossiyskoy Federatsii 2020 goda kak «lokomotiv» konstitutsionnykh reform v stranakh SNG [Amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 as a «Locomotive» of Constitutional Reforms in the CIS Countries]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):95-102. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.095-102. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

В соответствии с Соглашением о создании Содружества Независимых Государств (СНГ) от 08.12.1991, а также согласно Декларации о прекращении существования СССР в связи с образованием СНГ, принятой 26 декабря 1991 г. Советом Республик Верховного Совета СССР, была образована международная организация, которая призвана регулировать отношения сотрудничества между некоторыми государствами, ранее входившими в состав СССР. В настоящее время в состав Содружества входят девять государств-членов: Российская Федерация, Беларусь, Киргизия, Казахстан, Армения, Азербайджан, Узбекистан, Молдова, Таджикистан, а также Туркменистан как ассоциированный член — наблюдатель. Каждое из перечисленных государств за более чем 30-летний период независимости прошло свой путь конституционно-правового становления.

Основные законы бывших республик Союза ССР принимались в непростых социально-экономических условиях. А с учетом динамичного развития современного мироустройства без планомерного обновления конституции обойтись практически невозможно.

Как правило, существует два пути совершенствования основного закона государства: 1) революционный — принятие новой конституции;

2) эволюционный — внесение поправок в конституцию при сохранении ее в целом как акта.

Так, в Конституцию России поправки вносились четыре раза (в 2008 г., дважды в 2014 г. и в 2020 г.); в Киргизии действует 4-я редакция Конституции 2021 г. (предыдущие редакции 1993, 2007 и 2010 гг.); в Основной Закон Беларуси 1994 г. поправки были внесены три раза (1996, 2004 и 2022 гг.); в Конституцию Казахстана 1995 г. поправки вносились 6 раз (1998, 2007, 2011, 2017, 2019 и 2022 гг.); в Конституцию Узбекистана 1992 г. поправки вносились трижды (2009, 2016, 2017 гг.), а в 2023 г. была принята новая редакция Конституции.

Таким образом, Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Казахстан пошли по пути внесения поправок в конституцию, а Республика Киргизия и Республика Узбекистан принимали новые редакции конституций.

Ниже рассмотрим конституционное реформирование последних лет в России, Киргизии, Беларуси, Казахстане, Узбекистане. Критериями для сравнительно-правового анализа конституционных реформ являются:

- инициатор реформы;
- причины проведения;
- сроки проведения;
- сферы общественной и политической жизни;
- политико-правовые последствия реформы.

Конституционная реформа в Российской Федерации 2020 г.

Россия стала первым государством, где была инициирована конституционная реформа.

В своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 15.01.2020 Президент РФ предложил внести масштабные поправки в Конституцию Российской Федерации по широкому спектру накопившихся проблем. Таким образом, вопрос о том, какой путь (революционный или эволюционный) будет выбран для совершенствования Конституции Российской Федерации, был закрыт.

Ряд конституционалистов выступали за принятие новой Конституции. Так, С. А. Авакьян видел такие причины:

— «принятием новой Конституции была бы завершена сложная, во многом противоречивая эпоха в политическом и государственном развитии России;

— остались бы в прошлом споры о легитимности данного Основного Закона, принятие которого сопровождалось многочисленными отнюдь не демократическими действиями;

— в этой Конституции нет четкости в отражении гражданского общества, институтов демократии, тем более тенденций цифровизации страны, видны явный перекося в регулировании баланса властей в пользу президентской власти и преданной ей исполнительной власти, неувязки в закреплении федеративной организации страны и муниципальной власти»¹.

Однако были и те, кто, понимая необходимость совершенствования Основного Закона, высказывались за сохранение Конституции России как акта от 1993 г.²

Как указал Конституционный Суд РФ, особый механизм внесения изменений в Конституцию РФ, закрепленный в ее главе 9 (ст. 134–137), с одной стороны, обусловлен незыблемостью конституционных положений, образующих основы конституционного строя и характеризующих взаимоотношения личности, общества и государства, и необходимостью обеспечения стабильности Конституции РФ и ее защиты от произвольных изменений (гл. 1, 2 и 9), а с другой стороны, позволяет в допустимых самой Конституцией пределах корректировать отдельные положения ее глав 3–8 путем принятия закона РФ о поправке к Конституции — специального правового акта, имеющего особый статус³.

С момента внесения Президентом РФ в Государственную Думу проекта закона о поправках к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти» (20 января) до его подписания (14 марта) прошло чуть менее двух месяцев. Изначально проведение общероссийского голосования планировалось на 22 апреля 2020 г., однако из-за пандемии указанное голосование было перенесено на 1 июля 2020 г. По его результатам большинство граждан (более 78 % при явке почти в 68 %) поддержали предлагаемые поправки⁴. Поправки к Конституции вступили в силу 4 июля 2020 г.⁵

Принятые поправки можно разделить на следующие блоки:

1. *Связанные с политико-территориальным устройством и историческим развитием государства; касающиеся правового статуса личности* («Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории» (ч. 1 ст. 67.1); «Российская Федерация, объеди-

¹ Авакьян С. А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31–44.

² Российская газета. 2018. 9 октября.

³ Шустров Д. Г. Разноуровневая модель изменения Конституции РФ: механизмы обеспечения конституционной стабильности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5. С. 3–15.

⁴ URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/46746/>.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993, с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // URL: www.pravo.gov.ru.

ненная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» (ч. 2 ст. 67.1); «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность» (ст. 75.1).

2. *Связанные с духовно-культурной сферой.* Закреплено определение брака (союз мужчины и женщины). Правительство РФ теперь «обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области сохранения традиционных семейных ценностей» (п. «в» ч. 1 ст. 114); также «Правительство Российской Федерации осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики» (п. «е.1» ч. 1 ст. 114).

Вместе с этим сто́ит отметить, что следовало бы закрепить на конституционном уровне само понятие гражданского общества.

3. *Связанные с перераспределением полномочий между органами государственной власти.* Здесь следует отметить тенденцию к увеличению полномочий Президента РФ (например, п. «б» ст. 83), а также Федерального Собрания (ст. 103.1, которая вводит процедуру парламентского контроля). Здесь же сто́ит отметить закрепление понятия единой системы публичной власти (ч. 3 ст. 132).

Таким образом, процесс внесения поправок в Конституцию Российской Федерации состоялся в достаточно краткие сроки. Изменения касались практически каждой сферы общественной и политической жизни государства. Необходимо также отметить слаженность работы госу-

дарственной власти и государственной власти субъектов Российской Федерации по внесению поправок в Конституцию Российской Федерации.

Конституционная реформа в Киргизии 2021 г.

Следующая по хронологии конституционная реформа среди государств — членов СНГ состоялась в Республике Киргизия. Как уже было отмечено, в Республике Киргизия была принята новая, четвертая по счету редакция Основного Закона за период независимости.

Принятие новых конституций в Киргизии обуславливается нестабильностью государственной власти. Так, в 2007 и 2010 гг. новые конституции были приняты в результате смены власти. Такая же причина относится и к конституционной реформе 2021 г.

В начале 2021 г. новоизбранный Президент Киргизии инициировал очередную конституционную реформу. Уже в марте 2021 г. Жогорку Кенеш (парламент) одобрил законопроект, который предусматривал проведение референдума по вопросу принятия новой редакции Конституции.

Всенародное голосование состоялось 11 апреля 2021 г., на нем большинство граждан поддержали проект новой Конституции. Однако сто́ит отметить низкую явку — она составила чуть более 33 %. Новая редакция Конституции Республики Киргизия вступила в силу 5 мая 2021 г.⁶

Ключевые положения новой редакции Основного закона можно разделить на следующие блоки:

1. *Возврат к президентской форме правления* (была парламентско-президентской республикой).

2. *В связи с переходом к президентской форме правления состоялось большое перераспределение полномочий.* Так, Президент ожидаемо был наделен многочисленными полномочиями по широкому спектру вопросов. В Республике было ликвидировано Правительство, вместо него учрежден Кабинет Министров, во главе ко-

⁶ URL: <https://shailoo.gov.kg/ru/ReferendumReferendum/zakon-naznachenii-referenduma3/itogi-referendumatik-aprel-2021/>.

того становится руководителем Администрации Президента. Образован новый орган государственной власти — Народный Курултай (съезд) с правом законодательной инициативы.

3. *Связанные с судебной властью* (был образован Конституционный Суд Республики (выведена Конституционная палата из состава Верховного Суда).

4. *Связанные с духовно-культурной сферой*: по аналогии с Конституцией Российской Федерации было закреплено, что брак — это союз мужчины и женщины.

Таким образом, на принятие новой редакции Основного закона государственной власти понадобилось еще меньше времени, нежели на внесение поправок в Конституцию Российской Федерации. Следует отметить тенденцию со знаком минус «новая власть — новая конституция», которая может иметь продолжение и в дальнейшем.

Конституционная реформа в Беларуси 2022 г.

Процесс внесения поправок в Конституцию Республики Беларусь имеет более длительный временной отрезок, чем это было в Российской Федерации и Киргизии. Так, в конце июня 2020 г. Президент Республики заявил о начале подготовки к конституционной реформе.

После проведения президентских выборов в августе 2020 г., а также стабилизации политической жизни государства, в марте 2021 г., был подписан Указ⁷ о создании Конституционной комиссии, которая должна была разработать предложения о поправках и обеспечить их всенародное обсуждение.

В соответствии со ст. 140 Конституции изменения и дополнения Основного закона могут быть проведены через референдум. Решение об изменении и дополнении Конституции путем референдума считается принятым, если за него проголосовало более половины граждан, принявших участие в голосовании.

В июле 2021 г. Комиссия опубликовала проект поправок к Конституции. В течение шести месяцев вносились изменения к ним, и в конце декабря 2021 г. была опубликована окончательная редакция Конституции (однако в проект могли еще вноситься изменения).

Всенародное голосование состоялось 27 февраля 2022 г., большинство граждан Республики (почти 83 %) при явке практически в 79 % высказались в поддержку проекта поправок к Конституции. Поправки вступили в силу 15 марта 2022 г.⁸

Поправки к Конституции Республики затронули такие блоки:

1. *Связанные с историческим развитием государства, а также духовно-культурной сферой*: закреплено определение брака (союз женщины и мужчины); дополнена преамбула Конституции: «...государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны». (Сходной нормой дополнена и Конституция Российской Федерации.)

2. *Связанные с правовым статусом человека и гражданина*: «Государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании» (ст. 28); проявление патриотизма, сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа теперь являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь (ст. 54).

3. *Связанные с перераспределением полномочий органов государственной власти*: по аналогии с Республикой Киргизия образован новый орган государственной власти — Всебелорусское народное собрание, которое стало высшим представительным органом народовластия государства и определяет стратегические направления развития общества и государства; внесены поправки, касающиеся требований для замещения должности главы государства; одно и то же лицо может быть Президентом не более двух сроков (ст. 81). Статья 84 Конституции дополнена положением, которое позволяет главе

⁷ Указ от 15.03.2021 № 105 «О Конституционной комиссии» // URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-105-ot-16-marta-2021-g>.

⁸ URL: <https://rec.gov.by/uploads/folderForLinks/soob2.pdf>.

государства вводить на территории Республики Беларусь или в отдельных ее местностях чрезвычайное положение, в том числе в случаях попыток насильственного изменения конституционного строя, захвата или присвоения государственной власти, вооруженного мятежа.

4. *Связанные с изменением порядка внесения поправок в Конституцию:* согласно ч. 2 ст. 139 изменения и дополнения Конституции Парламентом не производятся в период в том числе военного положения (ранее только в период чрезвычайного положения, а также в последние шесть месяцев полномочий Палаты представителей).

Таким образом, следует отметить, что процесс конституционной реформы в Республике Беларусь имел длительный характер, что является позитивной чертой конституционной реформы в целом.

Конституционная реформа в Казахстане 2022 г.

После смены Президента, а также вследствие попытки государственного переворота в конце 2021 г. — начале 2022 г., в Казахстане направились конституционная реформа, даже несмотря на относительно недавние поправки к Конституции Казахстана в 2019 г.

Как и в рассмотренных выше примерах, инициатором такой конституционной реформы в Республике Казахстан выступил ее Президент в конце апреля 2022 г. Глава государства отметил, что «цель поправок — переход к новой государственной модели, новому формату взаимодействия государства и общества. Этот качественный переход можно назвать Второй Республикой»⁹.

Для подготовки предложений по внесению изменений была создана рабочая группа. Уже 5 мая 2022 г. была назначена дата проведения референдума по поправкам к Конституции. Республиканский референдум состоялся ровно через месяц (5 июня 2022 г.) по вопросу: «Принимаете ли Вы изменения и дополнения в Конституцию Республики Казахстан, изложенные в проекте

Закона Республики Казахстан “О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан”, опубликованном в средствах массовой информации 6 мая 2022 г.?» При явке чуть более 68 % подавляющее большинство граждан (77,18 %) поддержало вносимые изменения¹⁰.

Поправки затронули следующие блоки:

1. *Связанные с переходом от президентской к смешанной форме правления, с широкими полномочиями законодательного органа Республики:* теперь глава государства не имеет права состоять в политической партии на период своих полномочий¹¹. Был исключен статус первого президента Республики. Президент теперь обязан согласовывать кандидатуры на должность акимов (глав) областей, городов и столицы с депутатами маслихатов этих регионов и городов.

2. *Связанные с судебной властью:* Конституционный Совет преобразован в Конституционный Суд (возврат к 1995 г.).

3. *Связанные с правовым статусом личности:* природные ресурсы стали принадлежать народу, от имени народа право собственности осуществляет государство (ранее природные ресурсы находились в государственной собственности).

Таким образом, как и в случае с Киргизией, причиной проведения конституционной реформы была смена главы государства, а также конституционный и политический кризис. Стоит также отметить достаточно быстрый процесс конституционного реформирования в Республике.

Конституционная реформа в Узбекистане 2022–2023 гг.

Если в Российской Федерации, Киргизии, Беларуси и Казахстане конституционные реформы состоялись по «плану» государственной власти (перенесение общероссийского голосования в России с апреля на июль из-за пандемии не в счет), то в Узбекистане пришлось действовать, что называется, «по ситуации».

⁹ URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-predlozil-provesti-referendum-467610/.

¹⁰ URL: <https://www.election.gov.kz/rus/news/acts/index.php?ID=7120>.

¹¹ 26 апреля 2022 г. Президент покинул правящую партию Аманат, которую возглавлял.

В начале 2022 г. Президент Республики инициировал масштабные изменения в Конституции, приуроченные к 30-летию Основного закона Узбекистана.

В июне 2020 г. Правительство Республики вынесло на общественное обсуждение проект новой редакции Конституции, которое должно было продлиться до 4 июля того же года. Ключевые изменения Основного закона касались статуса Республики Каракалпакстан. Так, согласно ст. 70 действующей на тот момент редакции Конституции, Республика Каракалпакстан имела суверенный статус. В соответствии со ст. 74 Конституции регион имел право на внешнюю сецессию посредством проведения референдума¹². Однако поправками был исключен статус суверенной Республики Каракалпакстан, а также право выхода из состава Узбекистана путем проведения референдума.

После официального опубликования проекта Конституции для общественных обсуждений в регионе начались митинги против внесения поправок, касающихся статуса Республики Каракалпакстан, которые переросли в беспорядки и приобрели массовый характер. Самая крупная акция состоялась в региональном центре г. Нукус 1 июля 2022 г. По версии Правительства Узбекистана, причиной волнений стало «неправильное толкование конституционных реформ некоторыми гражданами»¹³.

После урегулирования ситуации в Каракалпакстане глава государства инициировал решение о необходимости сохранения без изменений положений Конституции Республики, где был закреплен особый статус региона. Парламент Узбекистана принял решение о сохранении положений ст. 70–75 Конституции Узбекистана без изменений¹⁴.

Одновременно с этим Парламент Узбекистана продлил сроки общественного обсуждения поправок к Основному закону. Граждане Узбекистана могли принять участие в дискуссии по поводу изменений в Конституции до 15 июля

2022 г. Однако срок был продлен, и лишь спустя более 9 месяцев, 14 марта 2023 г., Сенат Олий Мажлиса Узбекистана одобрил постановление о проведении 30 апреля 2023 г. референдума по законопроекту о Конституции в новой редакции. К действующим 275 нормам предполагалось добавить еще 159. В указанный срок состоялся референдум по вопросу: «Принимаете ли Вы Конституционный закон Республики Узбекистан “О Конституции Республики Узбекистан”?» При явке более 84 % большинство граждан поддержали поправки (чуть более 90 %)¹⁵.

Поправки к Конституции Узбекистана затронули такие блоки:

1. *Связанные с изменением концепции Конституции* «государство — общество — человек» на концепцию «человек — общество — государство».

2. *Связанные с правовым статусом личности*: отменена смертная казнь; закреплен запрет на выдачу граждан Республики иностранным государствам; введено обеспечение государством минимального размера оплаты труда; закреплено положение о равенстве мужчины и женщины.

3. *Связанные с деятельностью органов государственной власти*: увеличение срока полномочий Президента с 5 до 7 лет, но не более двух сроков; наделение Олий Мажлиса функциями по контролю за исполнением бюджета; уменьшение числа сенаторов (было 100, стало — 65) и др.

Таким образом, конституционная реформа в Республике Узбекистан была под угрозой срыва. Однако стоит отметить действия государственной власти Республики по урегулированию сложившейся ситуации.

Вывод

Рассмотрены конституционные реформы в таких государствах СНГ, как: Россия, Беларусь, Киргизия, Казахстан, Узбекистан.

¹² Конституция Республики Узбекистан от 08.12.1992 // URL: <https://constitution.uz/ru>.

¹³ URL: <https://ria.ru/20220704/uzbekistan-1799993695.html>.

¹⁴ URL: <https://ria.ru/20220704/uzbekistan-1799993695.html>.

¹⁵ URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/05/01/referendum-final/>.

Причинами проведения конституционных реформ были: смена власти в Киргизии и Казахстане; накопившиеся проблемы в Российской Федерации, Беларуси, Узбекистане.

В рассмотренных примерах инициатором конституционной реформы выступал глава государства.

В основном изменения и дополнения касались следующих блоков: политико-территориального устройства и исторического развития государства; духовно-культурной сферы (в частности, закрепление понятия брака как союза мужчины и женщины); перераспределения полномочий между органами государственной власти (особо отметим Киргизию и Казахстан в связи со сменой формы правления, а также ограничение сроков президентов России, Беларуси, Узбекистана — не более двух, в Казахста-

не — не более одного срока на 7 лет); правового статуса личности.

В 4 государствах конституционные реформы состоялись в целом «по плану» — в России, Беларуси, Киргизии и Казахстане. В Узбекистане не с первого раза, однако грамотные действия органов государственной власти обеспечили ее проведение до конца.

Можно сделать вывод, что векторы конституционных реформ в рассмотренных государствах в целом имеют сходные направления. Этот факт можно связать с Концепцией дальнейшего развития СНГ, в которой закреплена цель планомерного сближения национальных законодательств государств — участников Содружества во многих сферах сотрудничества¹⁶. Таким образом, без единого направления совершенствования конституций достигнуть таких целей невозможно.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 1. — С. 31–44.
2. Комарова В. В. Теоретические основы устойчивого развития в работах О. Е. Кутафина // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 7. — С. 4–8.
3. Реализация новелл Конституции России: вызовы и образ будущего / кол. авт.; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. В. Комаровой. — М. — Берлин : Директ-Медиа, 2021.
4. Шустров Д. Г. Разноуровневая модель изменения Конституции РФ: механизмы обеспечения конституционной стабильности // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 5. — С. 3–15.

Материал поступил в редакцию 20 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avakyan S. A. Proekty zakonov o popravkakh k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: gryadet raund chetvertyi? // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2020. — № 1. — S. 31–44.
2. Komarova V. V. Teoreticheskie osnovy ustoychivogo razvitiya v rabotakh O. E. Kutafina // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 7. — S. 4–8.
3. Realizatsiya novell Konstitutsii Rossii: vyzovy i obraz budushchego / kol. avt.; pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V. V. Komarovoy. — M. — Berlin: Direkt-Media, 2021.
4. Shustrov D. G. Raznourovnevaya model izmeneniya Konstitutsii RF: mekhanizmy obespecheniya konstitutsionnoy stabilnosti // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2019. — № 5. — S. 3–15.

¹⁶ Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 18.12.2020 о Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и Плана основных мероприятий по ее реализации // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества независимых государств. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=6363> (дата обращения: 28.01.2022).

Конституционная природа муниципальной власти

Аннотация. В статье исследуется значение Конституции Российской Федерации в становлении и развитии политико-правовой сущности местного самоуправления и заложенных в ней стимулов укрепления муниципальной власти как вида публичной власти, обеспечивающей на территории муниципальных образований реализацию некоторых законов и муниципальных нормативных правовых актов. Автор считает, что только после принятия в 1993 г. Конституции РФ местное самоуправление приобрело конституционный потенциал для его формирования как властного канала выражения воли народа как непосредственно, так и через органы местного самоуправления. В статье показана роль Конституционного Суда РФ в реализации конституционной идеи о властной сущности местного самоуправления и ее закреплении в действующем законодательстве. В то же время, по мнению автора, нет достаточных оснований для вывода о полной реализации в законодательстве идеи о властной сущности местного самоуправления. Полагая необходимым дальнейшее укрепление муниципальной власти, автор высказывает предложения, реализация которых будет способствовать решению этой актуальной проблемы.

Ключевые слова: Конституция РФ; местное самоуправление; федеральные законы; муниципальные правовые акты; муниципальная власть; органы муниципальной власти; субъекты муниципальной власти; вопросы местного значения; население; граждане; должностные лица местного самоуправления; государственная власть; органы государственной власти.

Для цитирования: Забелина Е. П. Конституционная природа муниципальной власти // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 103–111. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.103-111.

The Constitutional Nature of Municipal Power

Elena P. Zabelina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
zabelina_ep@mail.ru

Abstract. The paper examines the significance of the Constitution of the Russian Federation in the formation and development of the political and legal essence of local self-government and its driving force as to strengthen municipal power as a type of public power that ensures the implementation of certain laws and municipal regulations on the territory municipalities. The author believes that it is only after the adoption of the Russian Constitution in 1993 that local self-government has acquired the constitutional potential for its formation as an authoritative channel for expressing the will of the people, both directly and through local government bodies. The paper shows the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the implementation of the constitutional idea of the power essence of local self-government and its consolidation in the current legislation.

© Забелина Е. П., 2023

* Забелина Елена Павловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
zabelina_ep@mail.ru

At the same time, according to the author, there are no sufficient grounds to conclude that the idea of the authoritative essence of local self-government is fully implemented in legislation. Believing it necessary to further strengthen the municipal government, the author makes proposals, the implementation of which will contribute to solving this pressing problem.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; local government; federal laws; municipal legal acts; municipal government; municipal authorities; subjects of municipal government; local issues; population; citizens; local government officials; government; governing institutions.

Cite as: Zabelina E.P. Konstitutsionnaya priroda munitsipalnoy vlasti [The Constitutional Nature of Municipal Power]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):103-111. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.103-111. (In Russ., abstract in Eng.).

Важным результатом 30-летнего существования Конституции Российской Федерации является устойчивое функционирование в нашей стране местного самоуправления. За эти годы сформировалась система органов местного самоуправления, создана экономическая основа местного самоуправления, население получило опыт реализации на муниципальном уровне конституционного права избирать и быть избранными в органы местного самоуправления.

В политико-правовых условиях сегодняшней международной турбулентности такое состояние местного самоуправления весьма значимо, так как способствует решению стоящих перед российским государством задач. При этом с участием местного самоуправления решаются задачи повышения уровня благосостояния населения, укрепления общественного правопорядка и законности. Их решение требует властного воздействия органов местного самоуправления на местные сообщества в пределах их компетенции.

Основания для осуществления власти населением на уровне местного самоуправления закреплены Конституцией РФ. В соответствии с ее статьей 3 народ осуществляет принадлежащую ему власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления¹.

В соответствии с ч. 2 ст. 130 Конституции РФ местное самоуправление осуществляется гражд-

данами путем референдумов, выборов, других форм прямого волеизъявления через выборные и другие органы местного самоуправления. Право граждан избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, а также участвовать в референдумах закрепляется в ч. 2 ст. 32 Конституции РФ.

Таким образом, безальтернативные гарантии муниципальной власти закреплены именно конституционными нормами.

Предназначением муниципальной власти является регулирование правовых общественных отношений на местном уровне и обеспечение правопорядка на территории муниципальных образований в рамках компетенции органов местного самоуправления.

Субъектами муниципальной власти являются население в лице граждан РФ, участвующих в местных референдумах и муниципальных выборах, а также органы местного самоуправления.

Объектом муниципальной власти является неопределенное количество лиц в границах конкретного муниципального образования. При этом для нее характерна приближенность к интересам населения конкретной территории, непосредственное участие самого населения в осуществлении муниципальной власти².

Особенность муниципальной власти проявляется не только в специфических ее носителях и объектах воздействия. К ее особенностям следует отнести и отсутствие муниципального аппарата принуждения, обеспечивающего

¹ Конституция Российской Федерации, с изм., принятыми на общероссийском голосовании 1 июля 2020 года. М. : Эксмо, 2020.

² Муниципальная реформа в Российской Федерации: правовое и экономическое исследования / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2010. С. 372.

исполнение муниципальных правовых нормативных актов. Обязательность их исполнения установлена государством. Государство выступает и гарантом исполнения муниципальных нормативных правовых актов. Эти особенности не свидетельствуют об аморфности муниципальной власти. Она располагает некоторыми ресурсами воздействия на граждан с целью выполнения требований муниципальных нормативных актов.

Согласно ч. 2 ст. 24 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³ (далее — Федеральный закон № 131-ФЗ) основания и процедура отъёма муниципального депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления должны определяться уставом муниципального образования. Представительный орган муниципального образования вправе принимать решения об удалении главы муниципального образования.

Эти формы волеизъявления населения как инициатора решений, принимаемых представительными органами, об удалении глав муниципальных образований либо об отъёме выборных лиц местного самоуправления относятся к негативной форме проявления муниципальной власти. В содержании муниципальной власти преобладает позитивная форма воздействия на людей. Эта специфика ее проявления обусловлена рациональностью принимаемых органами местного самоуправления общеобязательных правил. Исполнители выполняют содержащиеся в таких актах требования в связи с осознанием полезности установленных правил, а не под страхом наказания за их неисполнение. Кроме того, позитивное значение имеют волевые действия органов местного самоуправления при поощрении победителей конкурсов, которые они объявляют для активизации общественно-

сти и более полного привлечения населения к решению вопросов местного самоуправления.

Такие особенности муниципальной власти роднят ее с моралью. В то же время муниципальная власть по своему содержанию и предназначению ближе к государственной власти. Она исходит от населения муниципальных образований, а также органов местного самоуправления и фиксируется в нормативных общеобязательных актах. Эти акты принимаются органами местного самоуправления, законодательно наделенными правом принимать общеобязательные правила в пределах своей компетенции и сферы своей деятельности. При необходимости исполнение таких правил обеспечивается принудительной силой государства.

Впервые сущность муниципальной власти в России раскрыл в начале XX в. А. Г. Михайловский. По его мнению, самоуправление — это местная государственная власть, основанная на выборных началах⁴. Местное самоуправление как «подзаконную власть, действующую в порядке и в пределах указанной ей верхней властью»⁵ в свое время обосновал Л. А. Велихов.

Представление государственной власти как неделимой доминировало в течение всего советского периода. В Конституциях Союза ССР и конституциях союзных республик было закреплено понимание сущности местных Советов народных депутатов как местных органов государственной власти.

Признание органов местного самоуправления каналом выражения народом своей власти повлекло за собой закрепление и развитие конституционного постулата. Так, Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁶ определял местное самоуправление как выражение власти народа. В Федеральном законе № 131-ФЗ местное самоуправление характеризуется как форма осуществления народом своей власти. Казалось бы,

³ СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁴ См.: Михайловский А. Г. Реформа государственного самоуправления в России. М., 1908. С. 40.

⁵ См.: Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. М., 1996. С. 114.

⁶ СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3506.

имеется достаточное основание для включения в текст этих законов понятия «муниципальная власть», тем более что в ст. 2 Федерального закона № 131-ФЗ закреплён признак обязательного исполнения муниципальных правовых актов на территории муниципального образования. Однако понятие «муниципальная власть» федеральным законодателем в указанные законы не было включено. Хотя, на наш взгляд, основания для этого имеются. Ведь реально в названных законах и на практике используются как позитивные, так и легальные формы влияния органов местного самоуправления на субъекты муниципальной власти.

Понятие «муниципальная власть» введено в правовой оборот Конституционным Судом РФ. Справедливо отмечается в литературе, что оно является относительно молодым в конституционной доктрине и практике⁷. Согласно постановлению Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 по делу о проверке Закона Удмуртской Республики «О системе органов государственной власти Удмуртской Республики» публичная власть может осуществляться как органами государственной власти, так и муниципальными органами⁸.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 15.01.1998 № 3-П по делу о проверке конституционности ст. 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31.10.1994 «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» было отмечено,

что публичная власть может быть и муниципальной⁹.

В постановлении Конституционного Суда РФ, принятом по результатам рассмотрения жалоб А. Г. Злобина и Ю. А. Хнаева, также упоминается понятие «муниципальная власть». Названные заявители считали неконституционными некоторые положения Закона Красноярского края «О порядке отъёма депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отъёма депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе». Суд пояснил, что за отъём депутата должно проголосовать не меньше избирателей, чем ранее проголосовали за его избрание. Иные результаты могут привести к дестабилизации муниципальной власти¹⁰.

Легализация Конституционным Судом РФ понятия «муниципальная власть» стимулировала его разработку учеными-правоведами. Академик РАН О. Е. Кутафин и профессор В. И. Фадеев охарактеризовали муниципальную власть как форму публичной власти, власти народа¹¹. Близкую по содержанию позицию высказывают и многие другие ученые¹².

Мы разделяем такую позицию. Полагаем, что под муниципальной властью следует понимать форму власти народа, которая проявляется в его праве избирать муниципальных депутатов, а также глав муниципальных образований и, соот-

⁷ Безруков А. В. Государственная и муниципальная власть в системе единой публичной власти России // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 6. С. 23–28.

⁸ СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 708.

⁹ СЗ РФ. 1998. № 4. Ст. 532.

¹⁰ СЗ РФ. 2002. № 14. Ст. 1374.

¹¹ См.: Кутафин О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации : учебник. М., 2006. С. 95.

¹² См.: Гранкин И. В. Муниципальная власть // Российское государственное право. 2018. № 1. С. 49–59; Жильев А. В. Будущее местного самоуправления в Российской Федерации: возвращение к советской системе построения власти в новой оболочке? // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 2 (81). С. 151–155; Забелина Е. П. Муниципальная власть и ее процессуальное обеспечение // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 74–79; Пешин Н. Л. Конституционная реформа местного самоуправления: механизмы встраивания местного самоуправления в систему государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 24–30; Он же. Муниципальная власть: продолжение государства или институт самоорганизации общества? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2019. № 2 (37). С. 38–50; Писарев А. Н. Местное само-

ветственно, наделять их правом принимать общеобязательные правила, принимать решения местных референдумов, которые не требуют какого-либо утверждения властным органом и сразу же вступают в законную силу. Власть народа в лице населения муниципального образования проявляется и в подотчетности депутатов и выборных должностных лиц избирателям. Конституцией установлено, что не допускается изменение границ территорий, в пределах которых осуществляется местное самоуправление, без учета мнения населения (ч. 2 ст. 131).

Властное содержание деятельности органов местного самоуправления имеет конституционный характер. Согласно ч. 1 ст. 132 Конституции РФ они самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют и утверждают местные бюджеты, вводят местные налоги и сборы, решают вопросы местного значения, то есть реально осуществляют властные полномочия.

Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ в ст. 132 Конституции РФ введена часть 3, предусматривающая, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации. Этим фактически признается властный характер органов местного самоуправления.

В Федеральном законе от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»¹³ подтвержден конституционный статус органов местного самоуправления. В этом законе понятие «единая система публичной власти» рассматривается как совокупность федеральных и региональных органов государственной власти, иных государственных органов и органов местного самоуправления.

Таким образом, Конституция РФ является основным правовым источником становления и развития муниципальной власти. В связи с этим под муниципальной властью следует понимать

основанную на Конституции РФ и законодательстве деятельность субъектов местного самоуправления по регулированию общественных отношений, возникающих в процессе решения вопросов местного значения и других нормативно обусловленных вопросов местного самоуправления, путем принятия общеобязательных муниципальных правовых актов и процессуального обеспечения их реализации. В то же время муниципальная власть ограничена в своем проявлении. Ее диапазон обусловлен кругом вопросов местного значения и осуществления отдельных государственных полномочий. Самостоятельность деятельности органов местного самоуправления сужается за счет включения в ст. 131 Конституции РФ части 1.1, устанавливающей возможность участия органов государственной власти субъектов РФ в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления.

Эти конституционные положения конкретизированы в федеральном законодательстве путем расширения влияния высших должностных лиц субъектов РФ на процедуры формирования органов местного самоуправления. На основании ч. 2.1 ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ высшее должностное лицо субъекта РФ вправе назначить половину состава конкурсной комиссии по выборам главы муниципального образования. Аналогичным правом по формированию конкурсной комиссии, проводящей отбор претендентов на замещение должности главы местной администрации, высшие должностные лица субъектов РФ наделены частью 6 ст. 37 Федерального закона № 131-ФЗ.

Высшие должностные лица субъектов РФ вправе удалять в отставку глав муниципальных образований и местных администраций. Согласно ст. 73 Федерального закона № 131-ФЗ они могут инициировать роспуск представительного органа. Такое положение дел в кадровой

управление как особая форма системы единой публичной власти: теоретико-правовое исследование в свете конституционной реформы — 2020 // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 6. С. 35–39; Чеботарев Г. Н. Муниципальная власть в единой системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 1. С. 57–60.

¹³ СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. 3). Ст. 8039.

сфере вызывает справедливую критику ученых-правоведов¹⁴. Более заметно ограничение самостоятельности местного самоуправления из-за необходимости получения муниципальными образованиями субвенций и субсидий из бюджетов субъектов РФ. Такая потребность обусловлена хронической нехваткой у муниципалитетов собственных финансовых средств для решения вопросов местного значения.

Частью 1 ст. 132 Конституции РФ закреплено право органов местного самоуправления на собственные местные бюджеты и право на введение местных налогов. Однако налога на имущество физических лиц и земельного налога явно недостаточно для должного исполнения местных бюджетов. Сложившаяся система государственной поддержки только усиливает зависимость органов муниципальной власти от органов государственной власти. Такая ситуация ограничивает самостоятельность муниципальной власти как регулятивной силы. В связи с этим целесообразно отказаться от патернализма органов государственной власти в отношении органов местного самоуправления в сферах, где в этом нет объективной необходимости. Прежде всего — в сфере расстановки руководящих кадров местного самоуправления. Население и муниципальные депутаты имеют достаточный уровень политико-правовой зрелости для избрания и глав муниципальных образований, и глав местных администраций на конкурсной основе.

Давно назрела потребность в создании стратегии возрождения нерентабельной муниципальной экономики, позволяющей обеспечивать формирование местных бюджетов без дотаций из региональных финансовых центров. Решению этого актуального вопроса может способствовать расширение числа местных налогов. Каких-либо конституционных препятствий для воплощения в жизнь идеи реальной самостоятельности муниципальной власти нет.

Предлагаемые меры позитивно отразились бы на укреплении муниципальной власти, повышении ее роли в упорядочении жизнедеятельности местных сообществ и способствовали бы реализации конституционной новеллы 2020 г., на основании которой органы местного самоуправления и органы государственной власти должны осуществлять взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения муниципальных образований.

При сохранении сложившегося приоритета государственной власти есть опасность превращения органов местного самоуправления в придаток органов государственной власти; как отмечает профессор Е. С. Шугрина, «органы местного самоуправления всё больше “встраиваются” в систему органов государственной власти»¹⁵, что не соответствует признанию местного самоуправления конституционной основой и самостоятельной формой политико-социального бытия в Российской Федерации. Несмотря на сложности осуществления местного самоуправления, практика показывает, что обеспечивающая его муниципальная власть имеет конституционно-социальную ценность. Важный резерв ее укрепления видится в расширении компетенции глав муниципальных образований и представительных органов в сфере применения мер поощрения общественного актива местного самоуправления, содействующего решению вопросов местного значения и мер воздействия на лиц, препятствующих этому процессу в конкретных муниципальных образованиях.

В настоящее время во многих муниципальных образованиях сложилась практика поощрения жителей, участвующих в решении вопросов местного значения. Однако она не охватывает всю систему муниципальных образований, что снижает импульс муниципальной власти. Ведь власть не должна быть фрагментарной. Она должна воздействовать на всю систему

¹⁴ См. подробнее: Колесников А. В. Органы местного самоуправления в единой системе публичной власти: организационно-правовые аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. С. 468–469.

¹⁵ Шугрина Е. С. Организационные модели местного самоуправления: от земских до современных реформ // Совершенствование местного самоуправления сквозь призму конституционной экономики : кол. монография / под ред. А. Н. Костюкова. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та имени Ф.М. Достоевского, 2015. С. 57.

соответствующих общественных отношений. Поэтому, думается, в перечень вопросов местного значения целесообразно включить вопрос, ориентирующий органы местного самоуправления на активизацию населения в осуществлении местного самоуправления путем поощрения наиболее активных общественников муниципального уровня. Этому будет способствовать принятие представительными органами положений о порядке поощрения жителей муниципальных образований, содержащих процедуры выдвижения кандидатур для их поощрения и награждения, к примеру, в канун 21 апреля — Дня местного самоуправления.

Важная закономерность проявления власти — ее возможность воздействия на лиц с отклоняющимся от норм права поведением. В настоящее время этот властный элемент отсутствует в структуре муниципальной власти, что снижает ее регулятивные возможности. В связи с такой ситуацией органы местного самоуправления не располагают собственными мерами воздействия на «нарушителей» муниципальных правовых актов. Между тем имеются возможности для устранения этого недостатка муниципальной власти. Федеральному законодателю следует предоставить представительным органам право определять меры воздействия на лиц, нарушающих муниципальные правовые акты, и право их обеспечивать.

Учитывая близость муниципальной власти и власти общественных объединений в отношении своих членов, систему мер воздействия на нарушителей муниципальных правовых актов можно было бы составить из следующих мер: предупреждение о недопустимости нарушения норм муниципальных правовых актов, предупреждение о несовместимости выборной должности местного самоуправления и нарушения норм муниципальных правовых актов; отзыв муниципальных депутатов, включая депутатов представительных органов, избранных по пар-

тийным спискам; отзыв глав муниципальных образований; расторжение контракта с главой местной администрации, а также назначение общественных работ в объеме до 50 часов. Имеются основания для включения в эту систему мер воздействия на нарушителей муниципальных правовых актов изъятия неиспользуемых земельных участков, сноса незаконно построенных сооружений на территории муниципального образования.

Систему мер воздействия на нарушителей муниципальных правовых актов, порядок возбуждения и рассмотрения дел о муниципальных правонарушениях можно было бы закрепить в муниципальных процессуальных кодексах. Представляется, что дела, связанные с назначением общественных работ, изъятием не используемых по назначению земельных участков и сносом незаконно построенных сооружений, следовало бы рассматривать специальным комиссиям местных администраций, иные дела могли бы рассматривать избиратели, граждане на сходах, органы территориального общественного самоуправления и общественные палаты, образуемые органами местного самоуправления.

Установление положительных и негативных мер воздействия на граждан и юридических лиц существенно укрепит муниципальную власть. Это положительно отразится на осуществлении местного самоуправления, повысит степень организованности его участников и обеспечит более полное исполнение общеобязательных правил, содержащихся в муниципальных правовых актах.

В укреплении муниципальной власти видится и условие развития паритетности взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления при решении конституционной задачи повышения благосостояния населения муниципальных образований (ч. 3 ст. 132 Конституции РФ).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Безруков А. В. Государственная и муниципальная власть в системе единой публичной власти России // Государственная власть и местное самоуправление. — 2015. — № 6. — С. 23–28.
2. Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. — М., 1996. — 466 с.
3. Гранкин И. В. Муниципальная власть // Российское государственное управление. — 2018. — № 1. — С. 49–59.
4. Жилыев А. В. Будущее местного самоуправления в Российской Федерации: возвращение к советской системе построения власти в новой оболочке? // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2021. — Т. 27. — № 2 (81). — С. 151–155.
5. Колесников А. В. Органы местного самоуправления в единой системе публичной власти: организационно-правовые аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2022.
6. Кутафин О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации : учебник. — М., 2006.
7. Михайловский А. Г. Реформа государственного самоуправления в России. — М., 1908. — 110 с.
8. Муниципальная реформа в Российской Федерации: правовое и экономическое исследования / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой. — М., 2010. — 416 с.
9. Пешин Н. Л. Конституционная реформа местного самоуправления: механизмы встраивания местного самоуправления в систему государственной власти // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 8. — С. 24–30.
10. Писарев А. Н. Местное самоуправление как особая форма системы единой публичной власти: теоретико-правовое исследование в свете конституционной реформы — 2020 // Государственная власть и местное самоуправление. — 2020. — № 6. — С. 35–39.
11. Чеботарев Г. Н. Муниципальная власть в единой системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 1. — С. 57–60.
12. Шугрина Е. С. Организационные модели местного самоуправления: от земских до современных реформ // Совершенствование местного самоуправления сквозь призму конституционной экономики: коллективная монография / под ред. А. Н. Костюкова. — Омск : Изд-во Омского гос. ун-та имени Ф.М. Достоевского, 2015.

Материал поступил в редакцию 20 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bezrukov A. V. Gosudarstvennaya i munitsipalnaya vlast v sisteme edinoj publichnoy vlasti Rossii // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. — 2015. — № 6. — S. 23–28.
2. Velikhov L. A. Osnovy gorodskogo khozyaystva. Obshchee uchenie o gorode, ego upravlenii, finansakh i metodakh khozyaystva. — M., 1996. — 466 s.
3. Granin I. V. Munitsipalnaya vlast // Rossiyskoe gosudarstvovedenie. — 2018. — № 1. — S. 49–59.
4. Zhilyaev A. V. Budushchee mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii: vozvrashchenie k sovetskoy sisteme postroeniya vlasti v novoy obolochke? // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. — 2021. — T. 27. — № 2 (81). — S. 151–155.
5. Kolesnikov A. V. Organy mestnogo samoupravleniya v edinoj sisteme publichnoy vlasti: organizatsionno-pravovye aspekty: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Saratov, 2022.
6. Kutafin O. E., Fadeev V. I. Munitsipalnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik. — M., 2006.
7. Mikhaylovskiy A. G. Reforma gosudarstvennogo samoupravleniya v Rossii. — M., 1908. — 110 s.
8. Munitsipalnaya reforma v Rossiyskoy Federatsii: pravovoe i ekonomicheskoe issledovaniya / pod obshch. red. T. Ya. Khabrievoy. — M., 2010. — 416 s.

9. Peshin N. L. Konstitutsionnaya reforma mestnogo samoupravleniya: mekhanizmy vstraivaniya mestnogo samoupravleniya v sistemu gosudarstvennoy vlasti // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2020. — № 8. — S. 24–30.
10. Pisarev A. N. Mestnoe samoupravlenie kak osobaya forma sistemy edinoy publichnoy vlasti: teoretiko-pravovoe issledovanie v svete konstitutsionnoy reformy — 2020 // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. — 2020. — № 6. — S. 35–39.
11. Chebotarev G. N. Munitsipalnaya vlast v edinoy sisteme publichnoy vlasti // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 1. — S. 57–60.
12. Shugrina E. S. Organizatsionnye modeli mestnogo samoupravleniya: ot zemskikh do sovremennykh reform // Sovershenstvovanie mestnogo samoupravleniya skvoz prizmu konstitutsionnoy ekonomiki: kollektivnaya monografiya / pod red. A. N. Kostyukova. — Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta imeni F.M. Dostoevskogo, 2015.

Развитие публичной власти в судебных актах и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации: к 30-летию Конституции Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируются основные правовые позиции Конституционного Суда РФ с 1990-х гг. по 2023 г. по вопросам организации и функционирования публичной власти в России в контексте теории «живой» Конституции России. Для раскрытия темы дается понимание правовых позиций органа конституционного контроля как разъяснения норм Конституции России, которое влияет на правотворческий процесс и правоприменительную практику. На основе анализа судебных актов определяются основные конституционные характеристики публичной власти: вхождение в ее состав муниципальной власти (наличие организационной обособленности органов местного самоуправления при них функциональном единстве с государственной властью); непрерывное функционирование и историческое правопреемство публичной власти; осуществление публичной власти на уровне Федерации, субъектов Федерации, муниципальных образований с недопустимостью нарушения этими уровнями компетенции друг друга. Отмечается, что основной задачей государственного строительства может являться сближение деятельности публичной власти с формами народовластия, а также развитие их прямых связей посредством общественных обсуждений между публичной властью и народом, обществом, гражданами.

Ключевые слова: публичная власть; народовластие; местное самоуправление; государство; общество; судебные акты; правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации; 30-летие Конституции России; поправки к Конституции; «живая» Конституция.

Для цитирования: Иванов И. В. Развитие публичной власти в судебных актах и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации: к 30-летию Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 112–120. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.112-120.

© Иванов И. В., 2023

* *Иванов Иван Васильевич*, кандидат юридических наук, доцент, доцент Высшей школы бизнеса, менеджмента и права Российского государственного университета туризма и сервиса
Главная ул., д. 99, дачный поселок Черкизово, городской округ Пушкинский, Московская область, Россия, 141221
sarmat212@yandex.ru

Development of Public Power in Judicial Acts and Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: To the 30th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation

Ivan V. Ivanov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Higher School of Business, Management and Law, Russian State University of Tourism and Service
ul. Glavnaya, d. 99, Cherkizovo village, Pushkinsky district, Moscow region, Russia, 141221
sarmat212@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the main legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation since the 1990s until 2023 on the organization and functioning of public authority in Russia in the context of the theory of the «living» Constitution of Russia. To expand on the topic the author dwells upon the legal positions of the constitutional control body as an explanation of the norms of the Russian Constitution, which influences the law-making process and law enforcement practice. Based on the analysis of judicial acts, the main constitutional characteristics of public power are determined: inclusion of municipal government in its composition (the presence of organizational isolation of local government bodies with their functional unity with state power); continuous functioning and historical succession of public power; exercise of public power at the level of the Federation, constituent entities of the Federation, municipalities with the inadmissibility of violating each other's competence by these levels. It is noted that the main task of state building may be to bring the activities of public authorities closer to the forms of democracy, as well as the development of their direct connections through public discussions between public authorities and the people, society, and citizens.

Keywords: public authority; democracy; local government; state; society; judicial acts; legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation; 30th anniversary of the Russian Constitution; amendments to the Constitution; «living» Constitution.

Cite as: Ivanov I.V. Razvitie publichnoy vlasti v sudebnykh aktakh i pravovykh pozitsiyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: k 30-letiyu Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [Development of Public Power in Judicial Acts and Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: To the 30th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):112-120. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.112-120. (In Russ., abstract in Eng.).

В этом году исполняется 30 лет со дня принятия Конституции Российской Федерации. За это время Российское государство прошло существенный период своего развития. Конституционный текст обогащался позициями Конституционного Суда РФ, затрагивали они и основу государства — публичную власть. Концепция «живой» Конституции России предполагает постоянное развитие общественных отношений и толкование, разъяснение в этой связи конституционных норм органом конституционного контроля. Основанием этой концеп-

ции можно считать и поправки к Конституции России, когда ее текст изменяется сообразно требованиям времени. О необходимости внедрения и реализации в России концепции «живой» Конституции высказывались в 2018 г. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, в 2019 г. — Председатель Государственной Думы ФС РФ В. В. Володин¹.

Рассмотрим развитие публичной власти Российской Федерации в свете правовых позиций органа конституционного контроля с 1990-х гг. по настоящее время, поправок к Конституции

¹ Зорькин В. Д. Недостатки в Конституции можно устранить точечными изменениями // Официальный сайт «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochecnymi-izmeneniyami.html> (дата обращения: 01.07.2023) ; Володин В. В. Живая Конституция развития // Официальный сайт «Парламентской газеты». URL: <https://www.pnp.ru/politics/zhivaya-konstituciya-razvitiya.html> (дата обращения: 01.07.2023).

России 2020 г., понимая это как составляющую концепции «живой» Конституции.

Конституционный Суд РФ, будучи высшим органом конституционного контроля в Российской Федерации (ст. 1 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — Закон № 1-ФКЗ)), принимает ряд судебных актов: определения, постановления, заключения, именуемые видами его решений.

Подобные судебные акты выражают правовую позицию высшего органа конституционного контроля и влияют на законотворчество и правоприменительную практику. Относительно юридической силы судебных актов Конституционного Суда РФ ведутся споры. В новейших исследованиях их предлагается относить к отдельным видам правовых актов². Председатель Конституционного Суда РФ В. В. Зорькин в своих научных исследованиях не соотносит решения высшего органа конституционного контроля с нормативными правовыми актами в понимании их распространения на неограниченный круг лиц. Он пишет: «Конституционный Суд, несмотря на то, что его образно называют “негативным законодателем”, в российской правовой системе, основанной на конституционных принципах разделения властей и верховенстве Конституции (как Основного Закона) и федеральных законов, не создает новых норм наряду с законами или вместо закона, т.е. судебных прецедентов в том смысле, как они понимаются в системе common law»³. Безусловно, было бы спорным отождествлять судебную и законодательную власть, приравнивая судебные акты, даже высшей судебной инстанции, к законодательным актам. Тем не менее в первую очередь сама судебная власть руководствуется правовыми позициями высших судов (Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ), выпуская обзоры судебной практики, ссылаясь на судебную практику. Некоторые федераль-

ные органы исполнительной власти своим территориальным подразделениям официально направляют «для использования в работе» позиции высших судов⁴.

Полагаем, что правовые позиции Конституционного Суда РФ представляют собой разъяснения норм Конституции России, содержащие понимание тех или иных правовых категорий во взаимосвязи с существующим законодательством и практикой его применения. Правовая позиция не есть норма права, но она позволяет уяснить смысл и содержание конституционных норм. Подобные позиции суд выражает по факту разрешения определенных дел или обращения в его адрес полномочных лиц.

С 1990-х гг. и до настоящего времени Конституционным Судом РФ принимаются постановления, заключения и определения, в которых содержится правовая категория «публичная власть».

Задолго до конституционного закрепления публичной власти в тексте Основного закона России в 2020 г. высшим органом конституционного контроля были определены основные организационные и функциональные вопросы этого института. Исследование правовых позиций Конституционного Суда РФ относительно публичной власти в большей степени позволит понять ее природу, свойства и определить перспективные направления развития этой власти.

Рассмотрим вопросы освещения публичной власти в судебных актах Конституционного Суда РФ предметно блоками:

1. Организация публичной власти строится на принципах демократии и децентрализации при недопустимости нарушений органами этой власти полномочий друг друга. Субординация органов государственной власти обязательна.

Термин «публичная власть» Конституционный Суд РФ упоминает в своих решениях 1997, 1998 гг., указывая, что демократия и децентрализация публичной власти являются основами

² Петров П. А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в доктрине и практике конституционного правосудия : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2019. С. 11.

³ Зорькин В. Д. Конституционный Суд в России: доктрина и практика. М. : Норма, 2017. С. 342–343.

⁴ Письма ФНС России от 21.02.2023 № БВ-4-7/2101; ФНС России от 02.03.2022 № БВ-4-7/2500@ // СПС «КонсультантПлюс».

ее организации вне зависимости того, осуществляется она органами государственной власти или органами местного самоуправления⁵. Способом организации публичной власти является территориальное устройство государства, которое в то же время выступает основой функционирования системы государственной власти⁶.

Конституционный Суд РФ определил иерархичность в управлении органов государственной власти, одновременно утверждая о недопустимости присвоения одними органами публичной власти компетенции других подобных органов⁷, нарушения порядка передачи властных полномочий с одного уровня публичной власти на другой⁸.

Рассматривая вопросы организации публичной власти, высший орган конституционного контроля признавал заведомо сильную позицию федеральной власти, которая может самопроизвольно узурпировать властные полномочия публичной власти на уровне субъектов Федерации, местном уровне.

Важной позицией Конституционного Суда РФ было соотношение принципа единства экономического пространства и принципов организации и функционирования публичной власти, которые в совокупности направлены на обеспечение государственного единства и территориальной целостности⁹. Орган конституционного контроля в начале 2000-х гг. еще не выводил принцип единства системы публичной власти, но, проводя параллели с принципом единства экономического пространства, видел необходимость соотношения публичной власти именно с последним принципом.

Усиление государственного строительства позволило органу конституционного контроля заявить о прямой субординации «Президент

России — высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации», о выстраивании прямых связей подчинения этих лиц¹⁰.

Сущность перечисленных правовых позиций Конституционного Суда РФ сводилась к уяснению особенностей организации и функционирования публичной власти в федеративном государстве с достижением баланса интересов федерального центра, регионов и муниципалитетов. Это происходило в условиях наличия признаков децентрализации власти в конце 1990-х — начале 2000-х гг., претензий отдельных регионов на утверждение особого статуса, заявления ими о статусе республики в составе России как государства с соответствующими атрибутами суверенитета (независимость, самостоятельность), с одной стороны, и усилением федерального центра в 2010-х гг., что могло привести к ситуации создания Левиафана, с другой стороны.

Ответами на эти вызовы стала сформулированная Конституционным Судом РФ позиция о публичной власти, для которой характерна система, иерархичность, определение круга полномочий каждого из ее уровней.

2. Определение роли и места местного самоуправления в системе властных органов, отнесение их к публичной власти с оговоркой об их самостоятельности по вопросам, установленным законодательными актами федерального и регионального уровня.

Императив ст. 12 Конституции РФ о самостоятельности местного самоуправления и невхождение органов местного самоуправления в систему органов государственной власти вызывали острые споры, создавали признаки наличия двух властей в государстве, которых, по справедливому утверждению К. Маркса, в одном государстве быть не может.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П // СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 708 ; определение Конституционного Суда РФ от 09.04.1998 № 53-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 4.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2000 № 6-П // СЗ РФ. 2000. № 16. Ст. 1774 ; определение Конституционного Суда РФ от 05.06.2014 № 1212-О // Вестник Конституционного Суда РФ. № 6. 2014 ; постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 10-П // СЗ РФ. 2017. № 15 (ч. VII). Ст. 2284.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2000 № 15-П // СЗ РФ. 2000. № 50. Ст. 4943.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 № 12-П // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2803.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 36-П // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 7154.

Конституционный Суд РФ в 2006 г. впервые установил, что органы местного самоуправления выполняют функции публичной власти на соответствующей территории и они по правосубъектности близки публичным образованиям — Российской Федерации и ее субъектам¹¹. Функциональное назначение органов местного самоуправления в системе публичной власти — обеспечение жизнедеятельности населения¹². Судом определены уровни публичной власти: Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и местное самоуправление¹³.

Правовой статус органов местного самоуправления был гармонизирован со статусом органов государственной власти, были определены формы их взаимодействия. Формула осуществления всей власти в России в рамках публичной власти на основе народовластия создала предпосылки для понимания роли и места муниципальной власти в системе власти в целом.

3. Ответственность публичной власти должна носить определенный характер, регламентироваться и достигать цели компенсации причиненного ее заинтересованному лицу вреда.

Полагаем, что указание Конституционным Судом РФ на возможность наступления риска любой ошибки, допущенной государственным органом, за которой должна следовать ответственность государства¹⁴, направлено на уравнение государства с иными субъектами права. Однако вина (ошибка) эта должна быть установлена, а не косвенно или предположительно сопряжена с государственным органом¹⁵. Подобную практику с отсылкой на Конституционный Суд РФ применяет Верховный Суд РФ, но уже относительно всей публичной власти в целом¹⁶.

Видится, что подобная позиция связана с заведомо сильным положением государства абсолютно во всех правоотношениях, что требует реальных механизмов привлечения его к юридической ответственности.

Вопросы ответственности публичной власти становятся особенно актуальными после принятия поправок к Конституции России в 2020 г. Динамика применения мер ответственности публичной власти в судебных актах после этого усилилась в различных аспектах и оценках (суды общей юрисдикции, в первую очередь Верховный Суд РФ широко стали применять термин «публичная власть», при раскрытии гражданско-правовой ответственности).

4. Доверие к публичной власти основано на защите с ее стороны социальных прав граждан, проведении ею политики по правотворчеству, исключая неоднозначность, неясность и противоречивость правового регулирования, а также на предъявлении ею высоких требований к репутации лиц, замещающих публичные должности.

Конституционный Суд РФ усматривает в государстве в лице его органов особого субъекта, который обязан обращать внимание на качество законов, их социальную направленность. В частности, следует обращать внимание на качество законов, регулирующих отношения публичной власти и граждан, их объединений; не допускать ограничение прав граждан, руководствуясь только рациональной организацией публичной власти; создавать средства охраны публичной власти от криминализации; исключать нормотворческие дефекты¹⁷.

В этих правовых позициях определяются политико-правовые требования к публичной власти как институции, направленной на обеспе-

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2006 № 540-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 2.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 29-П // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4411.

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2017 № 18-П // СЗ РФ. 2017. № 29. Ст. 4437.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П // СЗ РФ. 2017. № 27. Ст. 4075.

¹⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 21.11.2022 № 2950-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 305-ЭС22-16446 по делу № А40-49895/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2011 № 29-П // СЗ РФ. 2012. № 2. Ст. 397; постановление Конституционного Суда РФ от 27.10.2022 № 46-П // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 8106; постановление

чение общего благосостояния, как мегарегулятора общественных отношений. Исходя из этого публичная власть должна выступать, с одной стороны, основным участником общественных отношений, определяющим правовые статусы субъектов права, с другой стороны, быть зависимой от общества и действовать в интересах граждан и их объединений, обладать высокой степенью доверия со стороны всего общества.

5. Публичная власть поставлена в зависимое от народа положение, призвана создавать условия для развития и деятельности политических партий, самоорганизации народа.

Орган конституционного контроля четко разграничил деятельность публичной власти и общественных объединений, определил их автономию друг от друга, недопустимость произвольного вмешательства государства в деятельность подобных объединений¹⁸. В то же время связь публичной власти и политических партий, народа строится на том, что публичная функция политических партий заключается в формировании политической воли многонационального народа России, которая определяет деятельность публичной власти; публичная власть поставлена в зависимое от народа положение¹⁹.

Конституционно-правовые связи публичной власти и народа, общества позволяют утверждать, что эта власть отлична от общественной власти и они не идентичны, не составляют единого целого.

В обратном случае были бы риски поглощения государством общественных институтов и утраты с их стороны независимости от публичной власти.

Утверждения отдельных ученых, что общественные объединения — вид публичной власти, являются спорными и противоречащими действующему законодательству и правовым позициям Конституционного Суда РФ²⁰.

6. Свойством, принципом публичной власти является непрерывный период ее деятельности во времени и пространстве.

Изменение конституционного строя, политического режима не может свидетельствовать о прерывании публичной власти. Единство публичной власти гарантируется институтом правопреемства. В частности, орган конституционного контроля указал, что «законодатель, регулируя вопросы правопреемства государственных органов и органов местного самоуправления, обязан обеспечить сохранение непрерывности осуществления властных функций»²¹. В этой связи интересным представляется практическое применение этого принципа судами общей юрисдикции: при возмещении убытков, причиненных гражданам сносом построек, возведенных в охранных зонах трубопроводов до разделения публичной власти на государственную и муниципальную, денежную компенсацию осуществляют органы государственной власти и органы местного самоуправления в равных долях²².

Конституционного Суда РФ от 04.10.2022 № 40-П // СЗ РФ. 2022. № 42. Ст. 7260 ; постановление Конституционного Суда РФ от 04.07.2022 № 27-П // СЗ РФ. 2022. № 28. Ст. 5198 ; информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)» (одобрена решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П // СЗ РФ. 2015. № 9. Ст. 1389.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2007 № 11-П // СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3989 ; постановление Конституционного Суда РФ от 22.11.2011 № 25-П // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7333 ; определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2013 № 324-О // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1745.

²⁰ Краснов Ю. К., Шкатулла В. И. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.07.2019 № 26-П // СЗ РФ. 2019. № 27. Ст. 3655 ; определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2021 № 2647-О // СПС «КонсультантПлюс».

²² Обзор судебной практики по спорам, связанным с возведением зданий и сооружений в охранных зонах трубопроводов и в границах минимальных расстояний до магистральных или промышленных трубопроводов (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

Указанная правовая позиция является основой стабильности государственного строительства и сохранения государственности даже в условиях слома конституционного строя. Можно заключить, что власть народа стоит выше публичной власти и коренная перестройка последней не предполагает прекращения народовластия.

7. Единство системы публичной власти предполагает функциональное единство его элементов и не исключает организационной самостоятельности органов местного самоуправления.

Подобная формула была впервые определена в заключении Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З²³ и положила начало новому осмыслению всего механизма публичной власти в России. Во многом она сходна по своей значимости, емкости выражения огромного объема с советской формулой федеративного устройства: «советская федерация национальная по форме и социалистическая по содержанию». Такие позиции по конституционно важным вопросам позволяют решать задачи сохранения самостоятельности органов местного самоуправления при их включении в общее государственное строительство по принципу прямых связей с государственным аппаратом (эти связи обеспечиваются посредством элементов подчинения, контроля, согласования действий).

Дополнительно позиции Конституционного Суда РФ, выраженные относительно публичной власти в период 1990-х — начала 2020-х гг., позволяют выделить общие свойства этой власти²⁴:

— *публичная власть строится на основе наличия прямых и обратных связей с гражданским обществом*, когда публичная власть осуществляет нормативно-правовое регулирование деятельности этого общества, обращая внимание особенно на качество правовых норм, а общественные организации, в первую очередь политические партии, формируют по-

литическую волю народа и влияют на деятельность публичной власти. Подобное воздействие политических партий должно определять объем нормативно-правового регулирования публичной властью тех или иных сфер общественных отношений в зависимости от запросов общества в конкретное время (например, исключительно приоритет социальной политики; проведение реформ в сфере экономики, культуры, техники или реформ государственного управления, организации публичной власти и т.д.);

— *публичная власть непрерывна во времени и пространстве в пределах государства и во взаимоотношениях с международным сообществом, исторически преемственность государственного строительства не прерывается*. Подобное понимание необходимо для сохранения государственной целостности, единства истории государственного строительства Российского государства, обозначения ответственности публичной власти, которая не может быть снята (погашена) путем изменения конституционного строя;

— *публичная власть организована по принципу ее разделения на уровни: Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципального образования, при единстве функциональных признаков — политическая организация общества, осуществление властных полномочий, правотворчество, обеспечение жизнедеятельности населения*. В подобном контексте устраняется всякое противоречие между органами государственной власти, органами местного самоуправления, уровнями осуществления государственной власти (федеральным и региональным);

— *полномочия публичной власти определяются задачами государственного строительства, волеизъявлением народа, потребностями общества и подлежат постоянному развитию*. Статичное начало публичной власти — презумпция о ее происхождении от народа — определяет интенсивное изменение

²³ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

²⁴ Перечисленные свойства определены путем развития правовых позиций высшего органа конституционного контроля, в том числе посредством системного анализа судебных актов и нормативных основ публичной власти.

полномочий органов публичной власти, которые отвечают вызовам и запросам времени. История государственного строительства постсоветской России показала, насколько кардинально может изменяться законодательство в области организации взаимоотношений федерального центра и региональных властей, местного самоуправления²⁵.

На основании вышеизложенного видится, что при определении концептуальных основ публичной власти в Российской Федерации необходимо практическое внедрение позиций Конституционного Суда РФ, их углубление в правотворческую и правоприменительную деятельность этой власти в контексте доктрины «живой» Конституции.

Полагаем, что непреложным вектором развития публичной власти должно стать ее сбли-

жение с формами народовластия, их более тесное функционирование для достижения учета мнения народа, общества, граждан при принятии важных государственных и общественных решений любого уровня. Стоит согласиться с мнением профессора В. В. Комаровой, что механизм народовластия в современной России находится в стадии формирования, что определяется многими факторами, в том числе политическими, социальными²⁶. В подобной же стадии формирования находится и вся публичная власть Российской Федерации с учетом поправок к Конституции России 2020 г.

Помощь в гармоничном совершенствовании форм непосредственной демократии и публичной власти могут оказать исследованные правовые позиции Конституционного Суда России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Зорькин В. Д. Конституционный Суд в России: доктрина и практика. — М. : Норма, 2017. — 592 с.
2. Краснов Ю. К., Шкатулла В. И. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Комарова В. В. Идея народовластия // *Lex russica*. — 2016. — № 3 (112). — С. 69–81.
4. Петров П. А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в доктрине и практике конституционного правосудия : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Омск, 2019. — 41 с.
5. Володин В. В. Живая Конституция развития // Официальный сайт «Парламентской газеты». — URL: <https://www.pnp.ru/politics/zhivaya-konstituciya-razvitiya.html> (дата обращения: 01.07.2023).
6. Зорькин В. Д. Недостатки в Конституции можно устранить точечными изменениями // Официальный сайт «Российской газеты». — URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html> (дата обращения: 01.07.2023).

Материал поступил в редакцию 20 августа 2023 г.

²⁵ Стоит отметить, что меньше чем за 30 лет в России принято 2 федеральных закона в области местного самоуправления, пришедших на смену друг другу, и в Государственной Думе ФС РФ находится уже проект нового федерального закона об организации местного самоуправления в единой системе публичной власти (№ 40361-8).

²⁶ Комарова В. В. Идея народовластия // *Lex russica*. 2016. № 3 (112). С. 71.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zorkin V. D. *Konstitutsionny Sud v Rossii: doktrina i praktika*. — M.: Norma, 2017. — 592 s.
2. Krasnov Yu. K., Shkatulla V. I. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federalnomu zakonu ot 21 dekabrya 2021 g. № 414-FZ «Ob obshchikh printsipakh organizatsii publichnoy vlasti v subektakh Rossiyskoy Federatsii» (postateynyy) // SPS «KonsultantPlyus»*.
3. Komarova V. V. *Ideya narodovlastiya // Lex russica*. — 2016. — № 3 (112). — S. 69–81.
4. Petrov P. A. *Resheniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v doktrine i praktike konstitutsionnogo pravosudiya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk*. — Omsk, 2019. — 41 s.
5. Volodin V. V. *Zhivaya Konstitutsiya razvitiya // Ofitsialnyy sayt «Parlamentskoy gazety»*. — URL: <https://www.pnp.ru/politics/zhivaya-konstituciya-razvitiya.html> (data obrashcheniya: 01.07.2023).
6. Zorkin V. D. *Nedostatki v Konstitutsii mozjno ustranit tochechnymi izmeneniyami // Ofitsialnyy sayt «Rossiyskoy gazety»*. — URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniyami.html> (data obrashcheniya: 01.07.2023).

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.121-129

С. В. Львова*

Обжалование (оспаривание) действий (бездействия) непубличного оператора как специальный способ защиты прав садовода — субъекта персональных данных

Аннотация. Статья посвящена одному из самых эффективных, но малоприменяемых на практике специальных способов защиты нарушенных прав субъекта персональных данных применительно к садоводам, направленному на восстановление нарушенных прав и свобод через обжалование действий и/или бездействия непубличного оператора. Задача статьи заключается в том, чтобы через анализ положений ст. 17 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» с применением формально-юридического метода и использованием языкового (грамматического) способа толкования не только дать общую характеристику указанного специального способа защиты, но и сформулировать условия для реализации садоводом права на судебное обжалование действий/бездействия непубличного оператора с позиций объективного и субъективного состава нормы права. Статья будет полезна в первую очередь для практикующих юристов и адвокатов, занимающихся вопросами защиты нарушенных прав садоводов — субъектов персональных данных, чьи садовые земельные участки находятся на территории закрытых дачных поселков, образованных на базе земельных участков, возникших из земельных долей.

Ключевые слова: садовод как субъект персональных данных; судебное оспаривание действий (бездействия), обработки персональных данных садовода; защита прав и законных интересов садовода как субъекта персональных данных; судебное обжалование действий непубличного оператора.

Для цитирования: Львова С. В. Обжалование (оспаривание) действий (бездействия) непубличного оператора как специальный способ защиты прав садовода — субъекта персональных данных // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 121–129. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.121-129.

© Львова С. В., 2023

* *Львова Светлана Владимировна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы
Миусская пл., д. 6, г. Москва, Россия, 125993
lvovagroup@yandex.ru

Appealing against (Challenging) the Actions (Inaction) of a Non-Public Operator as a Special Way to Protect the Rights of a Gardener — Personal Data Subject

Svetlana V. Lvova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Law Faculty, Institute of Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities; Lawyer, Moscow Bar Association
Miuskaya pl., d. 6, Moscow, Russia, 125993
lvovagroup@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to one of the most effective, but rarely used in practice, special methods of protecting the violated rights of the personal data subject in relation to gardeners, aimed at restoring violated rights and freedoms through appealing against the actions and/or inaction of a non-public operator. The purpose of the paper is to analyze the provisions of Art. 17 of the Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ «On Personal Data» by means of the formal legal method and linguistic (grammatical) method of interpretation. It aims at not only giving a general description of this special method of protection, but also formulating the conditions for the gardener to exercise the right to judicial appeal against the actions/inactions of a non-public operator from the standpoint of the objective and subjective elements of the rule of law. The paper will be useful primarily for practicing lawyers and attorneys involved in the protection of the violated rights of gardeners — personal data subjects, whose garden land plots are located on the territory of closed dacha villages established on land plots appearing from land shares.

Keywords: gardener as personal data subject; legal challenge of actions (inactions) and processing of personal data of the gardener; protection of the rights and legitimate interests of the gardener as a personal data subject; judicial appeal against the actions of a non-public operator.

Cite as: Lvova SV. Obzhalovanie (osparivanie) deystviy (bezdeystviya) nepublichnogo operatora kak spetsialnyy sposob zashchity prav sadovoda — subekta personalnykh dannykh [Appealing against (Challenging) the Actions (Inaction) of a Non-Public Operator as a Special Way to Protect the Rights of a Gardener — Personal Data Subject]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):121-129. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.121-129. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Фабула одного из дел, имеющих в адвокатском производстве автора, показала актуальность и необходимость для практики предлагаемого исследования, призванного оказать методическую помощь в подготовке позиции по защите нарушенных прав садовода — субъекта персональных данных, не только профессиональным юристам и адвокатам, но и продвинутым садоводам, закаленным в судебных «боях» за свои права с недобросовестными непубличными операторами, что будет наглядно проиллюстрировано на примерах из судебной

практики. Многие из тех, кто, реализуя свою мечту о загородной недвижимости, приобретали садовые земельные участки на огороженных территориях садоводства, не предполагали, что рискуют стать заложниками своей же собственности, доступ к которой лежит через шлагбаум с автоматической системой управления доступом. Допустить или не допустить собственника садового участка (далее — садовода) на территорию его садового земельного участка — это вопрос добросовестности отдельных лиц, что наглядно проиллюстрировано в решении Щелковского городского суда Московской области по делу № 2-2682/2021¹, выводы которого

¹ Решение Щелковского городского суда Московской области от 01.07.2021 по делу № 2-2682/2021 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «Консультант-Плюс»).

были поддержаны судами апелляционной² и кассационной инстанций³. Так, из материалов гражданского дела и текста решения вытекает, что ответчики, используя персональные данные истца О., вели их обработку с целью недопуска проезда садовода на территорию принадлежащего ему земельного участка, что было обоснованно расценено судом первой инстанции в качестве основания для применения критерия оценки действий ответчиков на предмет их добросовестности, о чем речь пойдет в другой статье автора. Цель же настоящей статьи — на примерах из адвокатской практики автора по защите нарушенных прав садовода показать общие принципы и правила реализации способа защиты, установленного частью 1 ст. 17 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», который на практике применяется крайне редко, являясь при этом достаточно эффективным специальным способом защиты нарушенных прав субъектов персональных данных, к числу которых, безусловно, относится и садовод.

Сразу отметим, что, исходя из конституционных гарантий защиты прав и свобод человека (ст. 17, 18, 45, 46 Конституции РФ), учитывая диспозитивность гражданского судопроизводства, устанавливающего для заинтересованного лица право самостоятельного выбора форм и способов защиты своих прав, следует помнить о том, что любой способ защиты должен быть предусмотрен законом (ст. 12 ГК РФ).

Не соглашаясь с позицией А. И. Савельева, который при анализе правового режима персональных данных указал на отсутствие адекватного и эффективного частноправового механизма, направленного на защиту прав субъектов персональных данных⁴, предлагаем рассмотреть способ защиты, установленный статьей 17 Федерального закона № 152-ФЗ, являющийся самостоятельным, специальным способом защиты прав субъектов персональных данных, предусматривающим судебное оспаривание

действий непубличного оператора, под которым понимается юридическое лицо (коммерческая или некоммерческая компания) или индивидуальный предприниматель, осуществляющие обработку персональных данных садовода с нарушением положений Федерального закона № 152-ФЗ или иным образом нарушающие права и свободы такого лица.

Общие характеристики способа защиты, установленного частью 1 ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ

Из анализа ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ вытекает, что законодатель, реализуя предоставленные ему дискреционные полномочия, детализировал конституционное право граждан на защиту (ст. 46 Конституции РФ) применительно к субъектам персональных данных. Установив в ст. 12 ГК РФ (абз. 14) правило о возможности защищать гражданские права не только теми способами, которые перечислены в названной статье, но и иными, указанными в законе, законодатель тем самым установил правило о формировании конкретных способов защиты применительно к соответствующим правоотношениям, урегулированным нормами специального закона.

Федеральный закон № 152-ФЗ, как вытекает из целей его правового регулирования, направлен в том числе на защиту неприкосновенности частной жизни, относящейся к конституционным правам граждан (ст. 23, 24 Конституции РФ) и являющейся нематериальным благом (п. 1 ст. 150 ГК РФ), защита которого, как следует из п. 2 ст. 150 ГК РФ, осуществляется по правилам не только ГК РФ, но и других законов, если это ими прямо предусмотрено.

Структурный разбор ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ показывает, что установленный ею способ защиты отличается уникальностью, так как предусматривает возможность обжа-

² Апелляционное определение Московского областного суда от 28.03.2022 по делу № 33-9475/2022.

³ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.01.2023 по делу № 88-5427/2023.

⁴ Савельев А. И. Направления регулирования Больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. 2018. № 5. С. 122–144.

ловать действия или бездействие оператора вне зависимости от его правового статуса. Это позволяет обжаловать (оспорить в судебном порядке) действия/бездействие и юридического лица, и физического лица, что вызывает ассоциацию с публичным порядком обжалования действий и бездействия органов государственной власти и их должностных лиц. Это, пожалуй, одно из немногих исключений из правил, когда в исковом порядке рассматривается требование о признании незаконными действий конкретного лица, к которому на территории садоводства относится соответствующее товарищество и/или коммерческие компании, которые иногда нарушают права садоводов как субъектов персональных данных. Это иллюстрирует адвокатская практика автора, в частности упомянутое выше гражданское дело № 2-2682/2021, рассмотренное Щелковским городским судом Московской области. Предметом рассмотрения являлся вопрос о законности действий непубличных операторов, обрабатывающих персональные данные садовода без его согласия с целью недопуска проезда садовода на территорию принадлежащего ему на праве собственности садового земельного участка в качестве санкции за отказ от охранных услуг компании, оказывавшей их без лицензии (установлено решением Арбитражного суда Тульской области по делу № А68-10152/2020⁵), а также в качестве санкции, применяемой к садоводу как к должнику, отказавшемуся от уплаты сервисного сбора, установленного коммерческой компанией без учета положений Федерального закона от 29.07.2017 № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», т.е. без установленного решением общего собрания с участием садоводов суммы взноса на

содержание имущества общего пользования, расположенного на территории садоводства.

В доктрине бытует два мнения относительно применения судебного способа защиты прав субъекта персональных данных в соответствии со ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ. Одни авторы рассматривают данный способ защиты в качестве дополнительного, применяемого в ситуации, когда не работает обжалование действий оператора в административном порядке путем обращения с жалобой в Роскомнадзор⁶. По мнению других⁷, к числу которых относится и автор, вышеуказанный способ защиты относится к альтернативным и право выбора органа, где реализуется обжалование (административный или судебный), принадлежит именно субъекту персональных данных, что подтверждается и лингвистическим анализом ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ. Союз «или» как раз подтверждает довод об альтернативном порядке обжалования действий оператора, в том числе и непубличного.

Условия для реализации права на судебное обжалование действий/бездействия непубличного оператора

Учитывая, что садовод как субъект персональных данных, как правило, не соприкасается с публичными операторами в силу особенностей правового регулирования отношений, возникающих в сфере ведения садоводства на основании Федерального закона № 217-ФЗ, предметом исследования являются вопросы защиты нарушенных прав садовода со стороны непубличного оператора.

Применение садоводом — субъектом персональных данных исследуемого способа защиты сопряжено с комплексом юридически значимых

⁵ Решение Арбитражного суда Тульской области от 29.12.2020 по делу № А68-10152/2020 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d7791a7dц071f-4072-a0c9-6a3f4a671cf0> (дата обращения: 24.05.2023).

⁶ Амелин Р. В., Богатырева Н. В., Волков Ю. В., Марченко Ю. А., Федосин А. С. Комментарий к Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс», 2013.

⁷ Кухаренко Т. А. Комментарий к Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс», 2011.

обстоятельств, наличие которых должно присутствовать на стадии обращения с иском об оспаривании действий/бездействия оператора и подлежит выяснению судом при рассмотрении иска:

1. Право на обращение в суд с вышеуказанным иском, подлежащим рассмотрению в исковом порядке, в том числе если оспариваются действия непубличного оператора — юридического или физического лица, принадлежит исключительно субъекту персональных данных.

2. В качестве ответчика в исковом заявлении садовода указывается непубличный оператор, понятие которого содержится в п. 2 ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ, что обязывает истца сослаться на факт того, что ответчик (оператор) организовал или осуществляет обработку персональных данных истца. При этом истец должен не просто указать один из 18 способов обработки (п. 3 ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ), имея в виду, что перечень действий по обработке персональных данных является открытым, но и доказать факт использования (обработки) ответчиком его персональных данных в ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции.

3. Указание на конкретные нарушения Федерального закона № 152-ФЗ, которые устанавливают правила обработки персональных данных, или, как альтернатива, представление доказательств нарушения прав и свобод субъекта персональных данных.

4. Общепроцессуальная обязанность субъекта персональных данных представить доказательства факта нарушения его прав, свобод или законного интереса (ст. 2, 3 ГПК РФ) действиями или бездействием ответчика.

5. Следует помнить о том, что судебная практика исходит из презумпции распределения

бремени доказывания, по правилам которой безусловной обязанностью истца является доказывание незаконности действий ответчика по обработке персональных данных⁸, а на ответчике — операторе персональных данных, исходя из ч. 3 ст. 9 Федерального закона № 152-ФЗ, лежит безусловная обязанность доказать наличие согласия субъекта персональных данных на их обработку⁹.

Следует отметить, что общим правилом и для судебного, и для административного порядка обжалования действий оператора является то, что достаточным основанием для обращения с соответствующим иском (в судебном порядке) или жалобой в Роскомнадзор (в административном порядке) является допущение, а не убежденность, как указывается в доктрине¹⁰, субъекта персональных данных в том, что оператор нарушает его права и свободы.

Принципиальное отличие административного порядка обжалования действий оператора от судебного порядка, в соответствии с ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ, заключается в том, что в судебном порядке субъект персональных данных, будучи стороной по делу, обязан, реализуя свою процессуальную обязанность, доказать факты, на которые он ссылается в заявленном иске. В частности, именно на истце — субъекте персональных данных лежит бремя доказывания факта обработки оператором его персональных данных. При обращении в Роскомнадзор, исходя из ст. 23 Федерального закона № 152-ФЗ, субъект персональных данных имеет полное право рассчитывать на защиту со стороны госоргана, на что прямо указано в п. 5 ч. 3 ст. 23 Федерального закона № 152-ФЗ, предусматривающем в качестве одного из правомочий Роскомнадзора право на обращение в суд

⁸ Апелляционное определение Московского городского суда от 20.05.2022 по делу № 33-17423/2022 ; апелляционное определение Московского городского суда от 14.06.2019 по делу № 33-14690/2019 ; апелляционное определение Московского городского суда от 27.07.2022 № 33-28274/2022 ; апелляционное определение Московского городского суда от 26.07.2022 по делу № 33-27852/2022.

⁹ П. 18 Обзора судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.09.2017 ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.08.2017 № 78-КГ17-45.

¹⁰ Рузанова В. Д. Проблемы соотношения защиты права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 17–22.

с иском о защите прав субъекта персональных данных, что предполагает сбор и представление со стороны уполномоченного органа необходимых доказательств, подтверждающих нарушение прав конкретного физического лица, что свидетельствует о патерналистском подходе государства к защите физических лиц — субъектов персональных данных, выступающих «слабой стороной» в правоотношениях с операторами.

Субъективный состав сторон для целей реализации способа защиты, установленного в ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ

Как вытекает из ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ, воспользоваться указанным способом защиты может не любое лицо, а исключительно субъект персональных данных. Под таковым, согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ, понимается физическое лицо, подлежащее прямому или косвенному определению с помощью персональных данных, подлежащих защите в силу того, что они являются частью личности конкретного человека, индивидуализируют его, относятся ко всем сторонам его жизни¹¹. Соответственно, при рассмотрении дела по иску субъекта персональных данных об оспаривании действий или бездействия оператора суд должен устанавливать правовой статус физического лица как субъекта персональных данных.

А. И. Иванов, исследуя феномен субъекта персональных данных с позиций сравнительного анализа отечественного и конвенционного законодательства, приходит к выводу о том, что под субъектом персональных данных понимается физическое лицо, персональные данные которого подлежат защите¹², с чем соглашается и автор настоящей статьи, ибо данный импе-

ратив вытекает из буквального толкования п. 1 ст. 3, ст. 9 Федерального закона № 152-ФЗ.

С другой стороны, нельзя не обратить внимание на применяемое законодателем словосочетание «определенное физическое лицо» («определяемое физическое лицо»), которое, по мнению Н. И. Петрыкина, является ключевым понятием¹³, с чем сложно не согласиться, ибо таким образом в норме указывается на идентификацию лица через информацию, применяемую к конкретному физическому лицу.

Таким образом, под субъектом персональных данных понимается исключительно физическое лицо, индивидуализировать которое можно при помощи относящейся к нему информации (персональных данных), подлежащей защите.

Понятие оператора с точки зрения субъективного состава содержится в п. 2 ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ. Как вытекает из письма Роскомнадзора¹⁴, факт включения такого лица в качестве оператора в специальный реестр, который ведет регулятор, не является безусловным основанием для признания лица в качестве оператора, ибо он является таковым в силу факта организации или осуществления обработки персональных данных.

Субъективная сторона обработки персональных данных

Законодатель применяет в диспозиции ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ оборот «если... считает... что осуществляет... с нарушением», лексическое значение которого указывает на предположение, допущение. Законодатель в данном случае проявляет патернализм, своего рода «отцовскую» позицию. Если субъекту персональных данных показалось, что его права нарушаются, то у него есть право высказать свои

¹¹ Иванов А. А. Хранение персональных данных за рубежом с точки зрения российского права // Закон. 2015. № 1. С. 134–143.

¹² Иванов А. А. Указ. соч. С. 134–143.

¹³ Петрыкина Н. И. Правовое регулирование оборота персональных данных. Теория и практика. М. : Статут, 2011.

¹⁴ Информация Роскомнадзора «Ответы на вопросы в сфере защиты прав субъектов персональных данных» (по состоянию на 18 октября 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

сомнения суду. И именно на стороне ответчика — операторе персональных данных лежит обязанность опровергнуть сомнения истца, доказать суду законность своих действий. Неслучайно законодатель в ч. 3 ст. 9 Федерального закона № 152-ФЗ возложил бремя доказывания получения согласия на обработку персональных данных именно на оператора, из чего исходят суды при рассмотрении споров в сфере защиты прав субъектов персональных данных¹⁵.

Анализируя ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ, М. И. Петров совершенно справедливо указывает на то обстоятельство, что законодатель не ставит возможность объективной защиты прав субъекта персональных данных в зависимость от установления факта нарушения таких прав. По мнению ученого, даже в условиях отсутствия правовой заинтересованности у лица — субъекта персональных данных это не может являться препятствием для обращения за защитой и влечь за собой отказ в принятии заявления (жалобы) к рассмотрению¹⁶. И это особенно актуально при реализации права субъекта персональных данных на обращение с жалобой на действия оператора в административном порядке.

На предположительный характер нарушения требований законодательства со стороны оператора, т.е. без представления тому каких-либо доказательств на стадии обращения субъекта персональных данных за защитой в судебном или административном порядке, указывает союз «если», употребляемый в начале предложения в ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ, что с точки зрения правил лексического толкования указывает на реально возможное условие¹⁷, выражает условие совершения, существования¹⁸.

Из буквального толкования ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ вытекает, что субъект персональных данных, в том числе садовод, вправе обратиться с жалобой на действия оператора в одном из двух альтернативных случаев:

1. При наличии подозрений в том, что оператор, в том числе непубличный, осуществляет обработку персональных данных с нарушением требований Федерального закона № 152-ФЗ. Особенно это актуально при обращении с жалобой в Роскомнадзор.

2. Субъект персональных данных, в том числе садовод, считает, что оператор нарушает принадлежащие ему права и свободы. При этом законодатель не конкретизирует в ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ, о каких именно правах и свободах идет речь, что дает основание ставить вопрос о защите любых прав и свобод, связанных с институтом персональных данных. Например, в рамках дела № 2-2682/2021 был установлен факт передачи ООО «Комтех-Д» персональных данных истца О. без его согласия для того, чтобы частные охранники ООО ЧОО «Редут» не допускали автомобиль О. на территорию садоводства, что повлекло за собой нарушение не только прав истца как субъекта персональных данных, но и конституционных прав истца на свободу передвижения, гарантированных статьей 27 Конституции РФ, относящихся к нематериальным благам в соответствии с п. 1 ст. 150 ГК РФ.

То есть статья 17 Федерального закона № 152-ФЗ устанавливает правило о связи нарушения иных прав субъекта персональных данных с действиями оператора. Например, в вышеуказанном гражданском деле судом был

¹⁵ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.05.2020 № 88а-13178/2020 ; апелляционное определение Московского городского суда от 14.06.2019 по делу № 33-14690/2019 ; постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.08.2022 № 16-5218/2022 ; кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2022 № 88а-3423/2022 ; определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.12.2021 № 88-20130/2021 по делу № 2-1772/2021 ; апелляционное определение Московского городского суда от 14.12.2021 по делу № 33-46238/2021.

¹⁶ Петров М. И. Комментарий к Федеральному закону «О персональных данных» (постатейный). М. : Юстицинформ, 2007.

¹⁷ Картаслов.ру. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/если> (дата обращения: 22.03.2023).

¹⁸ Толковый словарь Ожегова // URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/если> (дата обращения: 22.03.2023).

установлен факт нарушения конституционного права истца на свободу передвижения (ст. 27 Конституции РФ), что выразилось в ограничении права садовода на проезд к его земельному участку со стороны частных охранников ООО ЧОО «Редут», которые, получив персональные данные истца, идентифицировали его и обеспечивали недопуск его проезда на принадлежащий садоводу участок более пяти месяцев.

Таким образом, законодатель предусмотрел для субъекта персональных данных при обжаловании действий (бездействия) оператора альтернативное право на оспаривание действий (бездействия), связанных с обработкой персональных данных, понятие и перечень которых содержатся в п. 3 ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ, или с другими действиями (бездействием), которые, по мнению истца, нарушают его права и свободы.

Особенности судебного порядка защиты прав и законных интересов субъекта персональных данных

В отличие от ч. 1, в ч. 2 ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ законодатель установил исключительно судебный порядок защиты нарушенных прав и законных интересов субъекта персональных данных, предусмотрев в качестве самостоятельного способа защиты возмещение убытков, а также компенсацию морального вреда.

Связано это, как вытекает из вышеуказанной нормы ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ, с объектом защиты. Если права и свободы применительно к субъекту персональных данных нарушены оператором, то такой субъект может воспользоваться обжалованием действий оператора как в судебном, так и в административном порядке ввиду их формальной определенности в нормативных актах¹⁹. А вот права и законные интересы субъекта персональных данных могут быть защищены исключительно в судебном порядке.

По общему правилу истец обращается за судебной защитой нарушенного или оспари-

ваемого права (ст. 2, 3 ГПК РФ), чему и следует законодатель, указывая в ч. 2 ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ на защиту прав, что согласуется с п. 4 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ, устанавливающим правило об указании в исковом заявлении на факты нарушения прав истца, об изложении обстоятельств, подтверждающих существование угрозы нарушения прав или законных интересов конкретного лица.

Примером реализации защиты прав садовода — субъекта персональных данных с применением специального способа защиты, установленного в ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ, выступает, как уже указывалось ранее, дело № 2-2682/2021. Как вытекает из решения, поводом для обращения садовода О. с исковым заявлением о защите прав субъекта персональных данных стал факт использования его персональных данных для целей недопуска проезда его автомобиля на территорию принадлежащего ему на праве собственности садового участка. При этом ставился вопрос и об оспаривании положений внутриобъектового режима, изложенных в должностной инструкции частного охранника, которые, как установлено судом первой инстанции, не соответствовали требованиям действующего законодательства в сфере персональных данных и нарушали конституционные права истца, а также другие его нематериальные блага, что и стало основанием для вынесения решения об удовлетворении иска, в том числе о взыскании с ответчиков компенсации морального вреда в размере по 25 000 руб. с каждого.

Опыт применения ч. 2 ст. 17 Федерального закона № 152-ФЗ, предусматривающей для субъекта персональных данных право на защиту его прав и законных интересов, позволяет сделать вывод о важных особенностях, установленных законодателем применительно к данному способу защиты. Это выражается в безальтернативности указанного способа защиты в условиях, когда истец ставит вопрос о защите не просто своего права, но и законного интереса, что проявляется в возможности субъекта персональных данных обратиться за

¹⁹ *Погодин А. В.* Субъективное право в правореализации не существует в чистом виде // *Право и государство: теория и практика.* 2015. № 10. С. 10–12.

защитой исключительно в суд, но не в уполномоченный госорган, в компетенцию которого не входит защита законных интересов субъекта персональных данных, охватываемых как положениями Федерального закона № 152-ФЗ, так и другими нормами права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амелин Р. В., Богатырева Н. В., Волков Ю. В., Марченко Ю. А., Федосин А. С. Комментарий к Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс», 2013.
2. Иванов А. А. Хранение персональных данных за рубежом с точки зрения российского права // Закон. — 2015. — № 1. — С. 134–143.
3. Комментарий к Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс», 2013.
4. Кухаренко Т. А. Комментарий к Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс», 2011.
5. Петров М. И. Комментарий к Федеральному закону «О персональных данных» (постатейный). — М. : Юстицинформ, 2007. — 160 с.
6. Петрыкина Н. И. Правовое регулирование оборота персональных данных. Теория и практика. — М. : Статут, 2011. — 134 с.
7. Погодин А. В. Субъективное право в правореализации не существует в чистом виде // Право и государство: теория и практика. — 2015. — № 10. — С. 10–12.
8. Рузанова В. Д. Проблемы соотношения защиты права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 9. — С. 17–22.
9. Савельев А. И. Направления регулирования больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. — 2018. — № 5. — С. 122–144.

Материал поступил в редакцию 22 марта 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Amelin R. V., Bogatyreva N. V., Volkov Yu. V., Marchenko Yu. A., Fedosin A. S. Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personalnykh dannykh» (postateynyy) // SPS «KonsultantPlyus», 2013.
2. Ivanov A. A. Khranenie personalnykh dannykh za rubezhom s tochki zreniya rossiyskogo prava // Zakon. — 2015. — № 1. — S. 134–143.
3. Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personalnykh dannykh» (postateynyy) // SPS «KonsultantPlyus», 2013.
4. Kukharenko T. A. Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personalnykh dannykh» (postateynyy) // SPS «KonsultantPlyus», 2011.
5. Petrov M. I. Kommentariy k Federalnomu zakonu «O personalnykh dannykh» (postateynyy). — M.: Yustitsinform, 2007. — 160 s.
6. Petrykina N. I. Pravovoe regulirovanie oborota personalnykh dannykh. Teoriya i praktika. — M.: Statut, 2011. — 134 s.
7. Pogodin A. V. Subektivnoe pravo v pravorealizatsii ne sushchestvuet v chistom vide // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2015. — № 10. — S. 10–12.
8. Ruzanova V. D. Problemy sootnosheniya zashchity prava na neprikosnovennost chastnoy zhizni i prava na zashchitu personalnykh dannykh // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2019. — № 9. — S. 17–22.
9. Savelev A. I. Napravleniya regulirovaniya bolshikh dannykh i zashchita neprikosnovennosti chastnoy zhizni v novykh ekonomicheskikh realiyakh // Zakon. — 2018. — № 5. — S. 122–144.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.130-142

Б. А. Шахназаров*

Правовая охрана интеллектуальной собственности представителей профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников

Аннотация. В современных условиях развития инноваций и технологий представители профессорско-преподавательского состава, включая научных сотрудников образовательных учреждений высшего образования, равно как и научные сотрудники научно-исследовательских учреждений, играют ключевую роль в создании интеллектуальной собственности, поскольку результаты интеллектуальной деятельности создаются именно человеком, а представители профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, научные сотрудники научно-исследовательских учреждений являются в обозначенном контексте специальными субъектами, вовлеченными в процессы создания интеллектуальной собственности преимущественно на постоянной основе. Представители профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений и научные сотрудники образовательных, научно-исследовательских учреждений в определенном смысле представляются слабой стороной. Зачастую образовательные и научно-исследовательские учреждения в трудовых договорах, в локальных нормативных правовых актах устанавливают условия о том, что правообладателями исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, созданные преподавателями, научными сотрудниками, автоматически являются соответствующие учреждения. Издательства, публикующие научные произведения преподавателей и научных сотрудников, часто навязывают передачу исключительных прав на безвозмездной основе, не выплачивая авторам вознаграждение с продаж. В обозначенном контексте в статье предлагаются меры по выработке моделей охраны интеллектуальных прав представителей профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников, а также решение ряда проблем, связанных с обеспечением прав и интересов обозначенной категории авторов.

Ключевые слова: преподаватели; научные сотрудники; образовательные учреждения; научно-исследовательские учреждения; издательства; интеллектуальная собственность; локальные НПА; политика в сфере интеллектуальной собственности; распределение прав; распределение доходов от использования РИД.

Для цитирования: Шахназаров Б. А. Правовая охрана интеллектуальной собственности представителей профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 130–142. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.130-142.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Шахназаров Б. А., 2023

* Шахназаров Бениамин Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного частного права и кафедры интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ben_raf@mail.ru

Legal Protection of Intellectual Property Rights of Academic Staff Members and Researchers

Beniamin A. Shakhnazarov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of International Law, Department of Intellectual Property Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ben_raf@mail.ru

Abstract. Amid current development of innovations and technologies, academic staff, including research officers of educational institutions of higher education and research officers of research institutions play a key role in the creation of intellectual property. It is because man creates the results of intellectual activity, and academic staff of educational institutions, researchers in research institutions are, in the designated context, special subjects involved in the processes of creating intellectual property, mainly on a regular basis. Academic staff of educational institutions and researchers in educational and research institutions in a certain sense seem to be the weak side. Often, educational and research institutions in employment contracts and local regulatory legal acts establish conditions that the corresponding institutions are automatically the copyright holders of exclusive rights to intellectual property created by the faculty and researchers. Publishers that publish scientific works of the faculty and researchers often impose the transfer of exclusive rights free of charge, without paying remuneration to the authors. In this context, the paper proposes measures to develop models for the protection of intellectual property rights of the academic staff and researchers, as well as solving a number of problems related to ensuring the rights and interests of this category of authors.

Keywords: academic staff member; researcher; educational institutions; research institutions; publishing houses; intellectual property; local legal acts; intellectual property policy; distribution of rights; IPR income distribution.

Cite as: Shakhnazarov BA. Pravovaya okhrana intellektualnoy sobstvennosti predstaviteley professorsko-prepodavatelskogo sostava i nauchnykh sotrudnikov [Legal Protection of Intellectual Property Rights of Academic Staff Members and Researchers]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):130-142. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.130-142. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

В современных условиях развития инноваций и технологий представители профессорско-преподавательского состава, включая научных сотрудников образовательных учреждений высшего образования, равно как и научные сотрудники научно-исследовательских учреждений, играют ключевую роль в создании интеллектуальной собственности, поскольку результаты интеллектуальной деятельности создаются именно человеком, а представители профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, научные сотрудники научно-исследовательских учреждений являются в обозначенном контексте специальными субъектами, вовлеченными в процессы создания интеллектуальной собственности преимущественно на постоянной основе.

Кроме того, представители профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений высшего образования (далее — университеты), научные сотрудники научно-исследовательских учреждений зачастую создают результаты интеллектуальной деятельности по заданию различных заказчиков: промышленных предприятий и иных коммерческих организаций, заинтересованных в создании интеллектуальной собственности; органов государственной власти; иных образовательных и научно-исследовательских учреждений (в том числе в контексте проведения совместных междисциплинарных исследований). В некоторых случаях преподаватели, ученые создают различные объекты интеллектуальной собственности в свободное от осуществления трудовой функции время.

Все эти траектории создания интеллектуальной собственности представителями профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, равно как и научными сотрудниками образовательных, научно-исследовательских учреждений сопровождаются рядом проблем, включая:

— установление и распределение интеллектуальных прав между преподавателями, учеными и соответственно образовательными, научно-исследовательскими учреждениями;

— управление и защиту интеллектуальной собственности внутри образовательных и научно-исследовательских учреждений;

— проблемы объективации и распространения результатов интеллектуальной деятельности представителей профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, когда при отсутствии должной системы управления правами внутри учреждения преподаватели и ученые вынуждены практически безвозмездно или за символическое вознаграждение передавать исключительные права на длительные сроки или вовсе отчуждать исключительные права третьим лицам, включая издательства (когда речь идет о научных произведениях), организации, занимающиеся внедрением технологий в промышленность, в некоторых случаях работодателям — образовательным и научно-исследовательским учреждениям, когда результат интеллектуальной деятельности создается вне режима служебного объекта интеллектуальной собственности.

Во всех приведенных видах правоотношений представители профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, как и научные сотрудники образовательных, научно-исследовательских учреждений, в определенном смысле представляются слабой стороной.

Обозначенное с учетом ключевой роли преподавателя-исследователя, ученого в инновационном, технологическом и даже культурном развитии общества свидетельствует о важности

и необходимости выработки эффективной модели защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, созданные такими субъектами, должной организации деятельности по управлению интеллектуальной собственностью рассматриваемой категории субъектов внутри учреждений, а также самими субъектами с учетом существующих гражданско-правовых, рыночных инструментов закрепления прав на объекты интеллектуальной собственности, ее оценки и коммерциализации.

Действительно, разработки, сделанные в ходе подготовки и совершенствования образовательных программ, научных исследований, могут иметь большое значение для преподавателей-исследователей, ученых в области продвижения знаний, для правительств в определении государственной политики и для промышленности в разработке новых продуктов¹. Преподавателям-исследователям, ученым важно понимать потенциальную ценность и заинтересованность в их интеллектуальной деятельности лабораторий и институтов, уметь защищать свои интересы и знать правила, регулирующие справедливое и надлежащее использование технических решений, научных произведений и других результатов интеллектуальной деятельности.

Иногда для получения максимальной пользы, коммерческой выгоды от реализации нового знания, нового технического решения может потребоваться установление прав на интеллектуальную собственность посредством патентной охраны, охраны объектов авторских прав, путем охраны новой разработки режимом коммерческой тайны, в том числе как секрета производства (ноу-хау), и др. Интеллектуальная собственность для преподавателей-исследователей, научных сотрудников в данном смысле — это законное право контролировать применение идеи в конкретном контексте (через патент) или выражение идеи (посредством объектов авторского права). Защиту патентуемых объектов и

¹ См.: On Being a Scientist: A Guide to Responsible Conduct in Research. Third Edition. National Academy of Sciences, National Academy of Engineering (US) and Institute of Medicine (US). Committee on Science, Engineering, and Public Policy. Washington (DC): National Academies Press (US), 2009. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK214554/> (дата обращения: 17.07.2023).

объектов авторских прав здесь необходимо понимать как правовые механизмы, которые направлены на установление баланса между личной выгодой и общественной пользой. Они дают возможность исследователям, некоммерческим организациям и производственным компаниям право получать прибыль от новой идеи. В свою очередь, правообладатель объекта интеллектуальной собственности должен правильно довести до сведения общественности результат интеллектуальной деятельности, обеспечив свои интеллектуальные права, что позволит третьим лицам использовать такой результат с соблюдением прав правообладателя и в определенных случаях развивать этот результат.

Правообладатель запатентованного технического решения может защитить свои права на интеллектуальную собственность, запретив другим создавать, использовать или распоряжаться правами на изобретение, если правообладатель, например, изобретения предоставляет полное описание того, как изобретение сделано, используется и функционирует. Важно учитывать, что исследователи, получившие патентоспособный результат интеллектуальной деятельности, могут иметь особые обязательства перед спонсорами этой работы, в частности засвидетельствование лабораторных журналов и незамедлительное раскрытие изобретения представителю организации, спонсирующей исследование. Патентное законодательство различных государств, как правило, устанавливает критерии, позволяющие определить, кто является автором, и очень важно, чтобы все, кто внес существенный вклад, например, в создание объектов, охраняемых патентным правом, были включены в патентную заявку.

Вопросы авторского права становятся всё более значимыми в контексте деятельности преподавателей-исследователей, научных сотрудников, поскольку цифровые технологии упростили копирование и распространение информации². Однако необходимо помнить, что авторские права защищают выражение или представление идей, но не защищают сами идеи. Таким образом, когда преподаватель-исследователь или

научный сотрудник пишут статью, монографию или учебник, авторское право, которое может быть передано издателю, распространяется на слова и изображения в публикации, но другие люди могут использовать идеи из этой публикации. При этом разрешается добросовестно использовать материалы, защищенные авторским правом, в некоммерческих целях (например, исследовательских или образовательных) в «разумных» объемах, оправданных целью такого использования (цитирования).

Релевантным объектом интеллектуальной собственности в рассматриваемом контексте является и товарный знак, знаки обслуживания: в академической среде названия, логотипы и слоганы для «интеллектуальных» активов, таких как программное обеспечение, исследовательские лаборатории, новые технологии, услуги, предлагаемые отделами, веб-сайты и исследовательские программы, могут получить правовую охрану в качестве товарных знаков, знаков обслуживания.

Что касается результатов интеллектуальной деятельности, достигнутых рассматриваемыми субъектами в сфере промышленности, то часто в организациях правообладатели полагаются на режим коммерческой тайны для сохранения контроля над коммерчески ценной информацией (сведениями), полученными в результате научных исследований. В обозначенном контексте для получения правовой защиты не требуется обнародовать соответствующие сведения, которые могут составлять такой объект интеллектуальной собственности, как секрет производства (ноу-хау), но при этом не возникает гарантии того, что самостоятельная независимая разработка такого решения, достижение соответствующего результата не произойдут, например, в другом исследовательском центре. Правовые меры защиты секрета производства могут быть применены в отношении тех, кто раскрывает коммерческую тайну или получает соответствующие сведения незаконным путем.

Действительно, секрет производства (ноу-хау) представляется таким объектом интеллектуальной собственности, который может

² См.: On Being a Scientist: A Guide to Responsible Conduct in Research.

быть создан и использован в научных целях учеными, научными сотрудниками, включая в ряде случаев представителей профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, осуществляющих научно-исследовательскую деятельность, так как действующее российское законодательство не ограничивает круг возможных субъектов — правообладателей этого объекта интеллектуальной собственности, а акцентирует внимание на характере соответствующих сведений, составляющих сам объект интеллектуальной собственности. Так, согласно ст. 1465 ГК РФ секретом производства (ноу-хау) являются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и др.) именно о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны.

Таким образом, представляется, что и образовательные, научно-исследовательские учреждения, осуществляющие на законных основаниях коммерческую деятельность, могут являться правообладателями секретов производства (ноу-хау). При этом действующее российское законодательство не конкретизирует отношения по установлению автора данного объекта и его права. Закрепление в ст. 1470 ГК РФ положений о служебном секрете производства, согласно которым работодателю принадлежит исключительное право на секрет производства, созданный работником в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя (служебный секрет производства), и о том, что гражданин, которому в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя стал известен секрет производства, свидетельствует о том, что конкретные сотрудники образовательных и научно-исследовательских учреждений

могут быть авторами и даже правообладателями секретов производства (ноу-хау). Однако законодатель будто бы умышленно использует не термин «автор», а формулировку «гражданин, которому в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя стал известен секрет производства». Здесь, что логично, расширяется круг субъектов, которые должны сохранять конфиденциальность полученных сведений до прекращения действия исключительного права на секрет производства. С другой стороны, неоправданным представляется уход законодателя от закрепления положений об авторе секрета производства.

Определение секрета производства через сведения любого характера о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности также, по сути, занижает значение интеллектуальной составляющей и характеристику секрета производства как результата интеллектуальной деятельности, поскольку объект интеллектуальной собственности описывается именно через сведения о результатах интеллектуальной деятельности.

Логичным здесь представляется восприятие в законодательстве секрета производства как результата интеллектуальной деятельности, содержащего определенные сведения, которые уже, в свою очередь, охраняются режимом коммерческой тайны, при этом всё же необходимо выделить авторов из числа граждан, которым в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя стал известен секрет производства, с указанием прав и отдельных обязанностей таких авторов, в том числе научных коллективов.

Рассмотренный пример отсутствия детального подхода к вопросам авторства порождает и проблемы установления авторов, определения правообладателей, распределения прав на результат интеллектуальной деятельности и доход от его использования, когда такой результат создается в образовательных и научно-исследовательских учреждениях.

В западной науке отмечается, что разногласия по поводу исключительных прав, например, на патентоспособные изобретения существуют

давно, но ряд университетов занимают категорическую позицию по закреплению за ними всех исключительных прав на результаты исследований преподавателей и научных сотрудников. Применительно к объектам авторских прав это отчетливо проявляется, например, в требовании о том, чтобы преподаватели отчуждали свои исключительные права на онлайн-курсы и другие учебные материалы своим университетам, что отражает, в свою очередь, тенденцию, которая начала активно формироваться уже более 10 лет назад³.

Таким образом, растет институциональный интерес в установлении интеллектуальных прав представителей профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников на создаваемые ими объекты интеллектуальной собственности.

В современных условиях институционального развития инноваций и технологий на базе образовательных и научно-исследовательских учреждений, как представляется, основные усилия государства и академического сообщества должны состоять в том, чтобы решение проблем стимулирования инновационной деятельности выстраивалось на основе принципов восстановления лидерства представителей профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников в определении политики по охране интеллектуальной собственности, создаваемой внутри образовательных и научно-исследовательских учреждений. Усиленные административные меры по контролю за результатами интеллектуальной деятельности преподавателей и ученых должны быть предметом обсуждения с точки зрения возможных изменений в подходах к распределению прав на объекты интеллектуальной собственности, на доходы от их использования, к условиям трудовых и гражданско-правовых договоров с преподавателями, научными сотрудниками, которые слишком часто навязываются последним без

переговоров или без возможности внесения изменений в предложенные условия. Действительно, в основе обозначенной проблематики лежит административная убежденность в том, что преподаватели, научные сотрудники не являются независимыми учеными, учителями и исследователями, а скорее работниками, ничем не отличающимися от тех, кто работает в коммерческих организациях, деятельность в рамках которых отражает интерес в первую очередь учредителей, инвесторов.

Зачастую университеты в своих локальных НПА, политиках в сфере интеллектуальной собственности ограничивают возможности сотрудников, в частности: запрещают преподавателям принимать решения о разработке и проведении онлайн-курсов через стороннюю компанию без разрешения университета, чтобы не создавалась конкуренция с собственными онлайн-продуктами вуза; разрешают публиковать потенциально прибыльные научные монографии, учебную литературу в определенных издательствах или университетском издательстве; распространяют подобные ограничения даже на объекты интеллектуальной собственности, разработанные в личное время сотрудника, с учетом факта трудоустройства и его ассоциации с университетом⁴.

Представляется необходимым в целях отыскания баланса прав на объекты интеллектуальной собственности, создаваемые в образовательных и научно-исследовательских учреждениях, учитывать особый «государственный» статус большого количества таких учреждений.

Так, например, некоммерческий статус университета и его зависимость от государственного финансирования означают, что представители его администрации несут ответственность за соблюдение высоких академических, образовательных и исследовательских стандартов. Обязательства некоммерческих организаций неизбежно формируют возможности, которые могут

³ См.: Nelson C. r., Barnett G., Gorman R. A., Reichman H., Zurbriggen E., Nisenson R. M. Defending the Freedom to Innovate: Faculty Intellectual Property Rights after Stanford v. Roche // URL: <https://www.aaup.org/report/defending-freedom-innovate-faculty-intellectual-property-rights-after-stanford-v-roche-0> (дата обращения: 18.07.2023).

⁴ См.: Nelson C. r., Barnett G., Gorman R. A., Reichman H., Zurbriggen E., Nisenson R. M. Op. cit.

учитывать преподаватели, научные сотрудники и административные работники при выборе моделей управления объектами интеллектуальной собственности, моделей предоставления прав использования на создаваемые результаты интеллектуальной деятельности (модели лицензирования), при выборе партнеров — патентных поверенных или иных представителей по вопросам истребования прав на изобретения и иные регистрируемые объекты интеллектуальной собственности, а также приемлемых условий и практик лицензирования.

Одним из решений проблемы согласования подхода к справедливому распределению исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности и управлению ими внутри образовательного и научно-исследовательского учреждения видится проведение независимых переговоров, консультаций на основе объективной оценки и анализа всевозможных релевантных данных и обстоятельств создания результатов интеллектуальной деятельности (с закреплением возможности таких переговоров и консультаций в локальных НПА учреждений). Переговоры, конечно, не гарантируют, что достижение договоренностей, например, о лицензировании и управлении изобретениями, будет легким, но они способствуют созданию системы сдержек и противовесов, которая потенциально может привести к формированию наилучших практик.

Здесь необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что любая из сторон таких переговоров может ошибаться: преподаватели могут иметь четкое представление о науке и технике, лежащих в основе их изобретений, научных произведений, но быть не в состоянии оценить их полезность для промышленности или конкурентоспособность. Сотрудники университетов, занимающиеся вопросами закрепления, передачи прав на объекты интеллектуальной собственности, напротив, могут понимать юридические и технические аспекты изобретения, но не лежащую в его основе науку с ее неопределенностью и, таким образом, могут преуве-

личивать коммерческую ценность изобретения и ошибочно определить пути наиболее эффективного его использования и распоряжения правами на него.

Каждая сторона этих переговоров (внутривузовский отдел или управление, занимающиеся вопросами закрепления, передачи прав на объекты интеллектуальной собственности, компания-спонсор или преподаватель) может руководствоваться более узкой целью максимизации прибыли и не учитывать интересы общества. Это одна из причин, по которой представители профессорско-преподавательского состава и научные сотрудники коллективно через свои руководящие органы должны участвовать в разработке политики по управлению интеллектуальной собственностью внутри образовательного или научно-исследовательского учреждения.

Преподаватели, научные сотрудники и представители администрации могут выполнять важную совместную управленческую роль, совместно устанавливая общеуниверситетские принципы, политику для управления интеллектуальной собственностью преподавателей, которые будут защищать интересы преподавателей, университета и национальных научных и исследовательских сообществ, в то же время способствуя прогрессу технологических инноваций, общественного здравоохранения и общественного блага и экономическому развитию.

В науке отмечается, что для повышения экономической эффективности использования интеллектуального капитала необходимо создание и внедрение в образовательных учреждениях высшего образования системы управления интеллектуальной собственностью, которая включает в себя совокупность мер по разработке политики вуза в данной области, оформлению и защите прав, бухгалтерскому и налоговому учету, оценке рыночной стоимости и расширению применения в образовательной и коммерческой деятельности вуза⁵. Предлагается, что такая система должна создаваться на паритетной основе с учетом мнения всех сторон процесса и ориентацией на обеспече-

⁵ См.: Улчибекова Н. А. Защита интеллектуальной собственности в Университете // Известия Дагестанского ГАУ. 2020. № 2 (6). С. 97.

ние баланса интересов учреждения и сотрудников — авторов объектов интеллектуальной собственности.

Современная проблематика баланса интересов в сфере интеллектуальной собственности в образовательных и научно-исследовательских учреждениях уходит корнями в несколько обстоятельств и связана с определенными тенденциями. Сокращение в определенном смысле государственного финансирования высшего образования привело к тому, что государственные университеты стали искать новые источники дохода, в том числе роялти (лицензионные платежи) от предоставления прав использования на объекты интеллектуальной собственности. Ситуация такова, что многие университеты не безубыточны, а там, где есть лицензионный доход, он используется не для компенсации затрат на образование, а для пополнения бюджета на исследования, что может фактически создать еще бóльшую потребность в административных ресурсах. Относительно недавно стремление получить прибыль от работы преподавателей распространилось и на учебные материалы.

Необходимо понимать, что преподаватели, ученые-исследователи, «академические» изобретатели имеют, как и прежде, гораздо большее значение, чем просто «статус» работника своих учреждений, что подтверждается фактом их признания органами государственной власти, крупными организациями при заключении государственных контрактов с университетами, научно-исследовательскими учреждениями, размещением задания на научно-исследовательскую работу, экспертизу. Аргументы, лежащие в основе обязательного закрепления прав интеллектуальной собственности, создаваемой преподавателями, за работодателями — университетами, научно-исследовательскими учреждениями, начинаются с предположения о том, что преподаватели ничем не отличаются от корпоративных работников, которые должны своим работодателям предоставлять результаты своего труда. При этом важно учитывать, что преподаватели не могут сохранять академическую свободу и способность служить интересам общества в качестве действительно независимых экспертов и академических ученых, если

они не признаны «назначенными», а не корпоративными служащими.

Очевидно, что академическая свобода надежно защищает право преподавателей и научных сотрудников направлять и контролировать свои собственные научные исследования и обучение в рамках образовательного процесса. Пытаясь обязать передать исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности преподавателей и научных сотрудников (и в более широком смысле — нематериальные активы в любой форме) образовательным и научно-исследовательским учреждениям, администрация таких учреждений фактически подтверждает, что преподаватели теряют академическую свободу в тот момент, когда становятся изобретателями, — их научная автономия исчезает, они становятся простыми наемными работниками.

Аргумент сводится к утверждению о контроле работодателей над результатами интеллектуальной деятельности преподавателей, включая распространение и возможное будущее использование технических решений и иных результатов академических исследований. Такое утверждение столь же нецелесообразно для исследований научных сотрудников, как и для целей образовательного процесса. Подобный подход также не должен применяться по отношению к докторантам и студентам, от которых никогда не следует ожидать, что они отдадут свои права изобретателей своим университетам.

Безусловно, в определенных случаях представители профессорско-преподавательского состава, а также научные сотрудники могут заключить отдельные договоры со своими университетами, выходящие за рамки их обычных преподавательских, исследовательских, научных трудовых функций. Эти соглашения, как правило, предусматривают выполнение необязательных задач, которые могут быть прямо обозначены заранее как «работы по дополнительному соглашению», в которые по взаимному согласию может быть обоснованно включен переход исключительных прав университету на результаты интеллектуальной деятельности, созданные по такому договору. Такая ситуация может возникнуть, например, если преподаватель доброволь-

но соглашается заключить отдельный договор о разработке нового онлайн-курса. Такого рода соглашение, которое позволяет университету владеть курсом и распространять его через свое подразделение онлайн-образования, полностью отличается от положений трудовых договоров и локальных НПА университетов об автоматическом правообладании всей интеллектуальной собственностью, разработанной в ходе обычных и продолжающихся исследований преподавателей, научных сотрудников. Такие положения, как представляется, являют собой прямой вызов академической свободе, поскольку подрывают способность представителей профессорско-преподавательского состава контролировать и осуществлять распространение своих исследований.

Вместе с тем совершенно некорректными представляются требования к преподавателям отчуждать исключительные права на курс своему университету только потому, что курс подготовлен в определенном формате, подходящем для онлайн-презентации. Преподаватели, которые соглашаются с этим, должны понимать, что они могут передать университету свое право изменять курс или контролировать его выполнение. Университет, в свою очередь, может изменить курс, поручить его преподавать другому лицу или изменить указание на правообладателя при соблюдении личных неимущественных прав автора. Крупные порталы массовых открытых онлайн-курсов пока, как правило, не требуют наличия правообладания университетскими курсами. Они также не требуют от университетов наличия у последних подтверждения исключительного права на курс. Администрации университетов зачастую используют ситуацию как возможность получить исключительные права на объекты интеллектуальной собственности, используемые в образовательном процессе, когда всё, что нужно, это чтобы преподаватель дал в любой форме разрешение университету на проведение курса в онлайн-программе.

В локальных НПА университетов в обозначенном контексте целесообразно закрепление положений о том, что университет не является правообладателем материалов курса, подготовленных преподавателем, научным сотрудником или под их руководством коллективом

авторов, если университет и соответствующий работник (или коллектив авторов) не договорились об этом в отдельном соглашении. Выплаты, использование университетских ресурсов или освобождение времени для разработки учебных материалов не должны рассматриваться университетом как автоматическое основание для возникновения исключительного права на такие самостоятельные результаты интеллектуальной деятельности работника.

Еще одной проблемой представляется то обстоятельство, что университеты теперь также иногда включают положения об автоматическом «институциональном» правообладании в стандартные соглашения на выполнение научно-исследовательских работ, когда заказчиком выступают, в частности, промышленные предприятия, частные фонды, заявляя исключительные права и права управления на все объекты интеллектуальной собственности преподавателей, научных сотрудников, созданные в соответствии с соглашением, даже если заказчик не требует такой «институциональной» заинтересованности.

Преподаватели, в том числе имеющие степени кандидата и доктора наук, особенно в начале своего карьерного пути, в течение срока пребывания в должности преподавателя, доцента, профессора уязвимы с точки зрения давления со стороны работодателя и часто подписывают соглашения, согласно которым все исключительные права на созданные ими объекты интеллектуальной собственности переходят работодателю, возможно распространяя такое условие трудовой деятельности на всю свою карьеру.

Многие текущие политики университетов, локальные НПА образовательных и научно-исследовательских учреждений зачастую проводят различие между интеллектуальной собственностью преподавателей, которая может быть защищена авторским правом, и интеллектуальной собственностью, которая может быть защищена патентным правом, при этом университеты обычно принимают меры по автоматическому переходу к ним исключительных прав на создаваемые патентоспособные объекты интеллектуальной собственности. Хотя нередко встречаются ситуации и с автоматическим переходом авторских (исключительных) прав рассматриваемым

учреждениям от их работников-авторов. Это разграничение представляется некорректным, оно не должно использоваться при распределении исключительных прав на создаваемые объекты интеллектуальной собственности, так как не основано на рациональном анализе характера научных исследований и производительности труда преподавателей и нарушает академическую свободу. Здесь необходимо понимать, что с точки зрения результативности интеллектуальной деятельности и соответствующих трудозатрат показатели как в случае с объектами патентного права, так и в случае с объектами авторского права могут быть в целом сходными. Действительно, часто возникает высокая вероятность того, что университеты распространят свои притязания на исключительные права на объекты интеллектуальной собственности преподавателей, научных сотрудников, охраняемые авторским правом, учитывая, что различие в этом контексте является произвольным.

Крайне важным, таким образом, представляется разработка внутри учреждений локальных нормативных правовых актов — политик в сфере интеллектуальной собственности. В обозначенном контексте активную деятельность осуществляет Всемирная организация интеллектуальной собственности, разрабатывая типовые документы, в том числе адаптируя их под особенности отдельных государств. Так, в период с 2016 по 2018 г. ВОИС совместно с Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Роспатентом и Бауманским университетом сформировали пул национальных экспертов; была совместно разработана и внедрена Национальная модель институциональной политики в области интеллектуальной собственности для университетов и научно-исследовательских организаций; организовано более 20 учебных мероприятий с целью повышения квалификации сотрудников научно-образовательных учреждений по всей России. В Национальной модели институциональной политики среди прочего отмечается, что особенность Российской Федерации — огромная территория, и

поиск партнеров для применения созданных результатов является непростой задачей.

Подчеркивается также, что выбор модели закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности, создаваемые в учреждении, является основой целостной, взвешенной и эффективной политики. Необходимо в обозначенном контексте определиться с тем, кому принадлежат исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, создаваемые в учреждении. Может быть установлен любой порядок закрепления исключительных прав, не противоречащий императивным нормам законодательства Российской Федерации, в том числе предусматривающий различные подходы к определению правообладателя в зависимости от вида результата интеллектуальной деятельности и/или его автора. Отдельно отмечается, что согласно положениям ГК РФ результаты, создаваемые обучающимися в учреждении, не являются служебными результатами интеллектуальной деятельности и в отсутствие специальных положений в договорах с обучающимися принадлежат обучающимся.

Таким образом, деятельность ВОИС способствует развитию национальных систем поддержки научно-исследовательской деятельности. Кроме того, ВОИС поддерживает взаимодействие образовательных и научно-исследовательских учреждений по всему миру. Так, ВОИС привлекает учреждения для участия в проекте по разработке типовых положений национальной политики в области интеллектуальной собственности для оказания практической и научной помощи отдельным университетам и иным учреждениям научной направленности в разработке собственной политики в области интеллектуальной собственности.

Действительно, как показывает практика, для большинства сотрудников вузов и обучающихся локальные правовые акты имеют первостепенное значение в повседневной работе и учебе, а ознакомление с ними и восприятие их как части своей работы и/или учебы заставляет поступать в строгом соответствии с внутренними документами⁶.

⁶ См.: Быкова О. Н. Охрана результатов интеллектуальной деятельности в вузах // Педагогический журнал Башкортостана. 2012. № 6 (43). С. 17.

Переходя к основным предложениям в обозначенной сфере отношений и выделяя отдельные проблемы, которые находятся в поле зрения ВОИС и научного сообщества, стоит отметить, что у преподавателей и научных сотрудников должна сохраняться возможность широкого публичного распространения результатов своей интеллектуальной деятельности в определенных случаях. Если, например, профессор считает, что результаты его интеллектуальной деятельности будут более широко использоваться в продолжающихся исследованиях или коммерческих приложениях (программах для ЭВМ), если они будут свободно распространяться через открытые источники, то представляется необходимым как минимум обеспечить наличие правил в локальных НПА о такой возможности с перечислением конкретных случаев или сфер, где такое свободное использование возможно, а как максимум — обеспечить возможность диалога с работодателем и решения этого вопроса в каждом конкретном случае индивидуально на основе общих принципов разумности, целесообразности и достижения общественного блага.

Представляется, что за авторами — преподавателями и учеными целесообразно сохранять право предоставлять открытый доступ к своим исследованиям по общему правилу в общественно значимых целях, если речь не идет о создании результатов интеллектуальной деятельности по заказу (государственному или частному), когда заказчик не допускает раскрытие сведений о создаваемых результатах интеллектуальной деятельности. Таким образом, если управление интеллектуальной собственностью структурным подразделением университета и введение системы лицензионных платежей происходит в большинстве случаев из желания максимизировать доход для университета, а не из желания максимизировать общественное использование изобретения, то авторы в ряде случаев, напротив, могут быть заинтересованы в общественно значимых целях создания интеллектуальной собственности, в частности в просветительских целях, в целях широкого распространения знаний или решения конкретной социально значимой проблемы.

Отдельной проблематикой представляется *обнародование (прежде всего путем опубликования) научных произведений* как объектов авторских прав представителей профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников в специализированных издательствах, профессионально занимающихся издательской деятельностью. В российской практике широко распространен подход либо отчуждения исключительных прав на научные произведения, которые зачастую выражаются в форме монографических или учебных изданий, либо предоставления прав использования по лицензионным договорам на условиях исключительной лицензии на длительные сроки (более 5 лет) от автора коммерческому издательству. Здесь крайне важно отметить, что часто такие договоры не предполагают выплату автору вознаграждения. То есть для авторов — представителей образовательных, научно-исследовательских учреждений, как это часто бывает, сотрудничество на таких изначально невыгодных и «императивно» предлагаемых условиях является единственной возможностью выпуска в свет своих научных трудов.

Таким образом, предлагается использовать *институциональную модель обнародования научных произведений* как результатов научной деятельности авторов — работников образовательных и научно-исследовательских учреждений, когда издательскую функцию на себя принимает соответственно образовательное или научно-исследовательское учреждение либо на основе деятельности своего издательского центра, либо выполняя посредническую функцию, привлекая типографию к осуществлению непосредственно технических функций по изданию произведения. При этом продажи могут быть обеспечены как через маркетплейсы образовательных и научно-исследовательских учреждений, так и через издательства, продажи которых могут быть подконтрольны учреждению-заказчику. В таком случае учреждения, что логично, могут иметь вознаграждение в виде процента с продаж (например, в размере 20 %) и компенсации издательских издержек.

Ученым, которые не являются действующими работниками, представляется важным

предоставить информацию о возможности обнародовать и распространять свои произведения самостоятельно, доступно информируя их об этом на ресурсах Минобрнауки. Кроме того, деятельность издательств, которые вступают в договорные отношения с учеными, преподавателями и не открывают объективные данные о получаемой с продаж прибыли, принуждают подписывать безвозмездные договоры, как представляется, должна быть предметом постоянного контроля со стороны правоохранительных органов.

Крайне важным представляется создание и функционирование в образовательных, научно-исследовательских учреждениях *отдельных структурных подразделений — центров интеллектуальной собственности*, которые занимались бы выявлением, учетом создаваемых сотрудниками объектов интеллектуальной собственности, содействием в закреплении и защите прав на такие объекты, выработкой на паритетных основах в индивидуальном диалоге и в сотрудничестве с профсоюзом оптимальных для обеих сторон (университет — сотрудник) моделей распределения прав на объекты интеллектуальной собственности и доходов от их использования, выработкой стимулов к созданию высокоэффективных результатов интеллектуальной деятельности, соответствующих мер поощрения. Для государственных образовательных и научно-исследовательских учреждений видится целесообразным рассмотрение возможности закрепления на нормативно-правовом уровне обязанности создания и поддержания функционирования таких структурных подразделений.

Отдельного внимания в обозначенном контексте заслуживает траектория использования современных технологий закрепления и оборота прав на объекты интеллектуальной собственности. Особым механизмом здесь видится участие образовательных и научно-исследовательских учреждений в деятельности Общероссийской общественно-государственной орга-

низации «Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности», благодаря чему учреждения получают возможность использовать общественно-государственную блокчейн-инфраструктуру РЦИС.РФ для защиты, продвижения и совершенствования оборота права на результаты интеллектуальной деятельности в современном трансграничном цифровом формате. Минобрнауки России и Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности подписали 2 марта 2023 г. Соглашение о взаимодействии и сотрудничестве в области оборота прав на интеллектуальную собственность в цифровой среде.

В контексте российской действительности коммерциализация объектов интеллектуальной собственности, создаваемых представителями профессорско-преподавательского состава, научными сотрудниками образовательных и научно-исследовательских учреждений, должна происходить с учетом разумных пределов распределения соответствующих прав, а также доходов от использования интеллектуальной деятельности, в том числе с учетом соответствующего вклада образовательного, научно-исследовательского учреждения и работника в процессе создания результата интеллектуальной деятельности в каждом конкретном случае. При этом практика принуждения к автоматическому возникновению (переходу) у образовательных, научно-исследовательских учреждений исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности представителей профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников представляется в контексте проведенного исследования всё же негативной и требующей переосмысления с учетом особой, ключевой роли преподавателя, преподавателя-исследователя, научного сотрудника в инновационном и технологическом развитии страны, в формировании научных школ и научного потенциала самих образовательных и научно-исследовательских учреждений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Быкова О. Н.* Охрана результатов интеллектуальной деятельности в вузах // Педагогический журнал Башкортостана. — 2012. — № 6 (43). — С. 14–18.
2. *Улчибекова Н. А.* Защита интеллектуальной собственности в Университете // Известия Дагестанского ГАУ. — 2020. — № 2 (6). — С. 95–97.
3. *Nelson C. R., Barnett G., Gorman R. A., Reichman H., Zurbruggen E., Nisenson R. M.* Defending the Freedom to Innovate: Faculty Intellectual Property Rights after Stanford v. Roche // URL: <https://www.aaup.org/report/defending-freedom-innovate-faculty-intellectual-property-rights-after-stanford-v-roche-0> (дата обращения: 18.07.2023).

Материал поступил в редакцию 25 июля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Bykova O. N.* Okhrana rezultatov intellektualnoy deyatelnosti v vuzakh // Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana. — 2012. — № 6 (43). — S. 14–18.
2. *Ulchibekova N. A.* Zashchita intellektualnoy sobstvennosti v Universitete // Izvestiya Dagestanskogo GAU. — 2020. — № 2 (6). — S. 95–97.
3. *Nelson C. R., Barnett G., Gorman R. A., Reichman H., Zurbruggen E., Nisenson R. M.* Defending the Freedom to Innovate: Faculty Intellectual Property Rights after Stanford v. Roche // URL: <https://www.aaup.org/report/defending-freedom-innovate-faculty-intellectual-property-rights-after-stanford-v-roche-0> (data obrashcheniya: 18.07.2023).

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.143-154

А. И. Балашова*

Классификация сроков в патентном праве

Аннотация. В работе предпринята попытка исследовать совокупность патентно-правовых сроков как отдельную группу сроков в гражданском праве сквозь призму составляющих данную совокупность элементов. Классификация осуществлена в два этапа. На первом этапе с учетом разработанных в науке гражданского права подходов рассмотрены семь оснований деления и особенности их применения к патентно-правовым срокам. На втором этапе предложены пять дополнительных оснований деления патентно-правовых сроков на группы. Анализ выявленных в результате проведенной классификации элементов позволил сформулировать выводы об особенностях срочного регулирования патентно-правовых отношений: о высокой степени определенности и одновременно гибкости временной регламентации; об отсутствии некоторых сроков и о наличии специфических групп сроков в связи с особенностями предмета регулирования патентного права и направленности патентного законодательства на формирование благоприятных условий для научной, научно-технической и иных видов творческой деятельности.

Ключевые слова: сроки; гражданско-правовые сроки; патентно-правовые сроки; классификация; классификация патентных сроков; гражданское право; патентное право; сроки существования прав; сроки осуществления прав; сроки защиты прав.

Для цитирования: Балашова А. И. Классификация сроков в патентном праве // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 143–154. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.143-154.

Classification of Terms in Patent Law

Anna I. Balashova, Postgraduate Student, Department of Intellectual Property Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ani-mari@bk.ru

Abstract. The paper attempts to explore the complex of patent legal terms as a separate group of terms in civil law through the prism of the elements that make up this set. The classification was carried out in two stages. At the first stage, taking into account the approaches developed in the science of civil law, seven bases of division and the features of their application to patent legal terms are considered. At the second stage, five additional grounds for dividing patent legal terms into groups are proposed. The analysis of the elements identified as a result of the classification made it possible to formulate conclusions about the features of urgent regulation of patent-legal relations: a high degree of certainty and at the same time flexibility of temporary regulation; about the absence of certain deadlines and the presence of specific groups of deadlines in connection with the peculiarities of the subject of regulation of patent law and the focus of patent legislation on the creation of favorable conditions for scientific, scientific-technical and other types of creative activities.

© Балашова А. И., 2023

* Балашова Анна Игоревна, аспирант кафедры интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ani-mari@bk.ru

Keywords: terms; civil terms; patent legal terms; classification; classification of patent terms; civil law; patent law; duration of rights; terms for exercising rights; terms of protection of rights.

Cite as: Balashova AI. Klassifikatsiya srokov v patentnom prave [Classification of Terms in Patent Law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):143-154. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.143-154. (In Russ., abstract in Eng.).

Патентное право представляет собой институт права интеллектуальной собственности — подотрасли гражданского права. Возникновение, развитие и прекращение патентно-правовых отношений осуществляется в рамках сложноорганизованной системы взаимосвязанных юридических сроков.

В настоящее время в условиях возрастающей актуальности инновационного развития Российской Федерации, краеугольным камнем которого выступает патентная охрана технических решений, обостряются проблемы, связанные со срочным регулированием патентных правоотношений. Отсутствие целостного представления о классификации патентно-правовых сроков препятствует построению согласованной системы указанных сроков, что, в свою очередь, порождает недостаточность теоретической базы для решения проблем в правоприменительной практике, в частности связанных с определением моментов начала и окончания течения того или иного срока, порядка исчисления срока, прерывания и приостановления сроков.

Предпринятая в настоящей работе попытка классифицировать патентно-правовые сроки преследует несколько целей: во-первых, исследование системы патентно-правовых сроков путем определения ее элементов; во-вторых, выявление особенностей срочного регулирования отношений в сфере патентного права; в-третьих, развитие теории гражданско-правовых сроков.

С точки зрения методологии исследования *классификация* представляет собой логический метод научного познания, основанный на операции деления: определение объема делимого понятия путем распределения входящих в его состав объектов (членов деления) по присущему всем таким объектам признаку (основанию деления). Данный процесс может быть обозначен как «особого вида деление или система делений, которые произведены с точки зрения характеристик, существенных для решения теоретической или практической задачи, так что по месту предмета в классификации можно судить о его признаках»¹.

Следовательно, классификация должна производиться в соответствии с логическими требованиями операции деления: 1) соразмерность — совокупность членов деления должна исчерпывать объем делимого понятия и не включать элементы, не входящие в него; 2) правило исключения — члены деления должны являться несовместимыми и взаимоисключающими понятиями; 3) неизменность основания — в рамках одного деления не допускается использование различных оснований; 4) существенность основания; 5) непрерывность деления².

В доктрине гражданского права вопросы классификации сроков рассматривались в рамках специальных исследований, посвященных гражданско-правовым срокам, в частности в работах В. П. Грибанова³, М. А. Гурвича⁴, А. В. Жгу-

¹ Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецова. М. : Инфра-М, 2005. С. 253.

² Формальная логика : учебник для филос. фак. ун-тов / отв. ред. проф. И. Я. Чупахин, доц. И. Н. Бродский ; Ленингр. гос. ун-т имени А.А. Жданова. Л. : Изд-во ЛГУ, 1977. С. 143.

³ Грибанов В. П. Сроки в гражданском праве. М. : Знание, 1967.

⁴ Гурвич М. А. Пресекательные сроки в советском гражданском праве. М., 1961.

⁵ Жгунова А. В. Сроки в советском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971.

⁶ Лебедева К. Ю. Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003 ; Она же. Классификация сроков в гражданском праве // Журнал российского права. 2001. № 9. С. 75–82.

новой⁵, К. Ю. Лебедевой⁶, Б. А. Булаевского⁷, М. Я. Кирилловой и П. В. Крашенинникова⁸, а также в иных трудах по гражданскому праву⁹.

С учетом изложенного полагаем целесообразным осуществить классификацию патентно-правовых сроков в два этапа: на первом этапе рассмотреть разработанные в науке гражданского права основания деления применительно к исследуемой категории сроков, на втором — определить наличие иных характерных для патентно-правовых сроков оснований деления.

I. На первом этапе можно выделить 7 *оснований классификации сроков*.

1. *По способу установления* в доктрине чаще всего выделяют законные, договорные и судебные сроки, однако такое деление не охватывает все существующие сроки и потому не отвечает правилу соразмерности, а также не соответствует ст. 190 Гражданского кодекса РФ¹⁰, в которой указаны установленный законом, иными правовыми актами, сделкой или назначаемый судом сроки. Исходя из сказанного, предлагаем разделить сроки по способу их установления на нормативные и ненормативные.

К *нормативным срокам* следует отнести сроки, которые установлены законодателем или уполномоченным на нормотворчество компетентным органом в законах и подзаконных нормативных актах соответственно и распространяют свое действие на неопределенный круг лиц.

Ненормативные сроки устанавливаются в рамках конкретного правоотношения органами государственной власти в судебных решениях или административных актах либо самостоятельно участниками гражданского оборота по их волеизъявлению в сделках или решениях собраний.

Патентное право в данном отношении характеризуется значительным превалированием нормативных и ненормативных административных сроков. Прежде всего, стоит отметить, что исключительные права на объекты патентного права имеют срочный характер и действуют в течение установленного законом срока. Кроме того, законодательством предусмотрено значительное количество сроков, относимых к процессу патентования, часть из которых установлена для административного органа, рассматривающего заявку на выдачу патента, — Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент), часть — для иных субъектов, прежде всего заявителя, при этом несоблюдение последних приводит к утрате возможности приобретения исключительного права. Например, в силу п. 6 ст. 1386 ГК РФ непредоставление в трехмесячный срок дополнительных материалов по запросу Роспатента является основанием для признания заявки на выдачу патента отозванной.

Административными актами Роспатента по ходатайствам заявителей могут продлеваться установленные сроки представления материалов и осуществления иных действий в ходе рассмотрения заявки на выдачу патента. Это важно не только для общей продолжительности приобретения исключительного права конкретным субъектом, но и для функционирования патентной системы в целом. Так, продление Роспатентом в порядке п. 1 ст. 1382 ГК РФ срока подачи заявки, по которой испрашивается конвенционный приоритет, означает, что описанный в ней объект может быть противопоставлен иным объектам с более ранней даты, а следовательно, указанное влияет на возможность патентования сходных объектов иными лицами.

⁷ Булаевский Б. А. Гражданское право. Сроки. Исковая давность : учеб. пособие для бакалавров / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. М. : Проспект, 2017.

⁸ Кириллова М. Я., Крашенинников П. В. Сроки в гражданском праве. Исковая давность. 3-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2016.

⁹ Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Госюриздат, 1958 ; Суханов Е. А. Российское гражданское право. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 4-е изд., стер. М. : Статут, 2015 ; Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. Изд. 6-е, перераб. и доп. М. : Проспект, 2005. Т. 1.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 330.

2. По степени обязательности гражданско-правовые сроки принято делить на императивные, диспозитивные и императивно-диспозитивные.

Императивные сроки устанавливаются в законе или ином нормативном правовом акте, административном акте или судебном решении и не могут быть изменены по воле сторон гражданского правоотношения. Таковы сроки действия исключительных прав и абсолютное большинство сроков осуществления прав и обязанностей в рамках процедур получения и оспаривания патента, а также прекращения, восстановления и продления срока его действия.

К *диспозитивным срокам* следует отнести все ненормативные сроки, определяемые участниками гражданского оборота, а также те нормативные сроки, которые могут быть изменены по желанию сторон конкретного правоотношения. В качестве примера последних сроков можно привести установленный в ст. 1252 ГК РФ срок рассмотрения претензии с требованиями о возмещении убытков или выплате компенсации за нарушение исключительного права, по истечении которого возникает право на обращение в арбитражный суд. Этот срок составляет 30 дней, если иное не предусмотрено договором.

Императивно-диспозитивные сроки могут быть установлены сторонами правоотношения в пределах, закрепленных законом. Такие пределы могут быть сформулированы путем установления минимальной и/или максимальной границы. В качестве примера императивно-диспозитивного срока в патентном праве можно привести предусмотренный пунктом 3 ст. 1363 ГК РФ срок, на который может быть продлено исключительное право на промышленный образец: неоднократно на пять лет, но в целом не более чем на 25 лет; таким образом, патентообладатель свободен в определении срока продления исключительного права в установленных законом максимальных пределах.

Соотнесение рассмотренных классификаций позволяет утверждать, что общеобязательные нормативные сроки могут быть императивными, диспозитивными, императивно-диспозитивными, в то время как ненормативные сроки в зависимости от категории могут быть только

императивными (установленные уполномоченным органом государственной власти) либо диспозитивными (установленные участниками гражданского оборота).

Кроме того, сочетание двух данных оснований деления позволяет определить степень гибкости срочного регулирования отношений в сфере патентного права на нормативном и правоприменительном уровне.

3. По степени определенности различают абсолютно-определенные, относительно-определенные и неопределенные сроки.

Абсолютно-определенные сроки определяются указанием на конкретный момент времени (календарную дату), период точной продолжительности или событие, которое должно неизбежно наступить и время его наступления известно, либо сочетанием указанных способов. Например, в соответствии с п. 7 Методики определения размера компенсации, выплачиваемой патентообладателю при принятии решения об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без его согласия, и порядка ее выплаты, утвержденной постановлением Правительства РФ от 18.10.2021 № 1767, компенсация должна быть выплачена не позднее шести месяцев со дня подписания патентообладателем соглашения о выплате компенсации.

К *относительно-определенным срокам* следует отнести две категории сроков:

1) сроки, определяемые указанием на событие, которое должно неизбежно наступить, но время его наступления неизвестно. Так, согласно п. 1 ст. 1390 ГК РФ заявитель вправе запросить в научной или образовательной организации проведение по заявке на полезную модель предварительного информационного поиска до завершения формальной экспертизы. Вместе с тем подобные сроки в целом не свойственны патентному праву;

2) сроки, определяемые понятиями, имеющими приблизительный, оценочный характер, приобретающие точность выражения в конкретных правоотношениях с учетом фактических обстоятельств. Это такие распространенные в гражданском праве категории, как «разумный срок», «соразмерный срок», «нормально необ-

ходимый срок», «кратчайший срок», «своевременно», «незамедлительно», «немедленно». Примеры таких сроков в патентном праве весьма немногочисленны: обязанность уведомить патентообладателя об использовании принадлежащего ему объекта на законном основании без его согласия *в кратчайший срок*, предусмотренная в п. 3 ст. 1359, п. 1 ст. 1360, п. 1 ст. 1360.1 ГК РФ; обязанность Роспатента *незамедлительно* после завершения формальной экспертизы уведомить заявителя о ее положительном результате и о дате подачи заявки на изобретение, предусмотренная в п. 2 ст. 1384 ГК РФ.

Неопределенные сроки, как отмечается в доктрине, «имеют место тогда, когда законом или договором вообще не установлен какой-либо временной ориентир, хотя и предполагается, что соответствующее правоотношение имеет временные границы»¹¹. Наиболее распространены случаи, когда договором не определен срок его действия или срок осуществления конкретного правомочия либо исполнения конкретного обязательства, при этом правоотношения сторон в силу указания закона или их существа имеют временный характер. Как точно замечает Б. А. Булаевский, «неопределенный срок не следует смешивать и с отсутствием срока. Отсутствие срока — это отсутствие определенности в отношениях, а неопределенный срок — это определенность в отношениях, достигаемая посредством определенности временных пределов»¹².

С учетом того, что патентная монополия на объекты патентного права имеет временный характер, а процессы приобретения исключительных прав, продления срока их действия, прекращения и восстановления действия патентов имеют жесткую временную регламентацию, примеры неопределенных сроков в патентном праве найти крайне сложно.

Значение данного деления для патентного права проявляется в том, что оно отражает степень определенности всей системы срочного

регулирования отношений, складывающихся по поводу изобретений, полезных моделей, промышленных образцов. Крайне небольшое содержание относительно-определенных сроков и практически полное отсутствие сроков неопределенных позволяет во взаимосвязи с предыдущими основаниями классификации сказать, что патентное право в данном отношении является своего рода «математикой» — точным, высокорегламентированным механизмом реализации прав и обязанностей в данной области общественных отношений.

4. *По способу определения* гражданско-правовые сроки разделяют на сроки-моменты и сроки-периоды. Данное деление связано с предыдущим, поскольку также основывается на положениях ст. 190 ГК РФ о способе определения срока, однако не пересекается с ним по своему основанию, значению и содержанию.

Исходя из ст. 190 ГК РФ, *к срокам-моментам* относят сроки, определяемые указанием на календарную дату или событие, которое неизбежно должно наступить; *к срокам-периодам* — соответственно сроки, определяемые указанием на период.

Данное деление позволяет определить, как тот или иной срок проявляет свое действие в качестве юридического факта. В литературе отмечается, что срок-момент «не течет, а наступает в указанный момент, и поэтому он не исчисляется, а лишь констатируется факт его наступления»¹³. Следовательно, если срок-момент наступает, а срок-период течет, то возникновение, изменение и прекращение гражданских правоотношений связывается с наступлением срока-момента либо с истечением срока-периода.

Патентное право в данном отношении характеризуется особым значением отдельных сроков-моментов, существенным образом влияющих на возникновение исключительного права.

Например, одним из важнейших сроков-моментов в процессе патентования является дата подачи заявки на выдачу патента — с указанной даты официально признается при-

¹¹ Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. С. 351.

¹² Булаевский Б. А. Указ. соч. С. 20.

¹³ См.: Жгунова А. В. Указ. соч. С. 51.

тязание определенного лица на описанный в заявке объект и в случае выдачи патента по заявке именно с этой даты исчисляется срок его действия. По дате подачи заявки в большинстве случаев устанавливается приоритет заявленного объекта (п. 1 ст. 1381 ГК РФ), она учитывается и при установлении приоритета по иным основаниям (ст. 1381–1382 ГК РФ), и при применении правила о льготе по новизне.

5. По степени обобщения гражданско-правовые сроки разделяют на общие и специальные.

подавляющее большинство сроков являются общими, то есть применяются во всех ситуациях одного вида. Необходимость выделения специальных сроков появляется, если в рамках общей ситуации формулируются более конкретные обстоятельства, при которых применению подлежит иной (специальный) срок. Наиболее ярким примером таких сроков в гражданском праве являются общие и специальные сроки исковой давности.

Что касается патентного права, в качестве примера могут быть приведены правила определения даты приоритета: по общему правилу она устанавливается по дате подачи заявки, но в специальных случаях может быть установлена по дате поступления дополнительных материалов (п. 2 ст. 1381 ГК РФ), по дате подачи более ранней заявки (п. 3 ст. 1381 ГК РФ), по дате подачи первоначальной заявки (п. 4 ст. 1382 ГК РФ), по дате подачи первой заявки на изобретение, полезную модель или промышленный образец в государстве — участнике Парижской конвенции по охране промышленной собственности (ст. 1382 ГК РФ).

Как справедливо отмечал В. П. Грибанов, «практическое значение данного деления состоит в том, что при наличии установленного законом специального срока установленный законом общий срок к данным правоотношениям не может быть применен»¹⁴.

6. По соотношению сроков между собой можно выделить общие и частные сроки. Последние представляют собой обособленные моменты или периоды в пределах общего срока. Так, при выборе способа выплаты воз-

награждения по лицензионному договору либо договору об отчуждении исключительного права в форме фиксированных периодических платежей или процентных отчислений от дохода (выручки) в пределах общего срока выплаты вознаграждения выделяются частные сроки, которые по усмотрению сторон договора могут определяться ежемесячными, ежеквартальными, полугодовыми, годовыми или иными периодами. При этом законодательство предусматривает различные правовые последствия нарушения частных сроков выплаты вознаграждения правообладателю. При неисполнении лицензиатом обязанности по выплате вознаграждения по лицензионному договору лицензиар на основании пп. 1 п. 2 ст. 450 ГК РФ вправе требовать расторжения такого договора в судебном порядке. Нарушение частных сроков выплаты вознаграждения по договору об отчуждении исключительного права до момента перехода исключительного права к приобретателю дает право правообладателю на основании абз. 2 п. 5 ст. 1234 ГК РФ отказаться от договора в одностороннем порядке и требовать возмещения убытков, причиненных расторжением договора. Если же обязанность по выплате вознаграждения нарушена приобретателем после перехода исключительного права, прежний правообладатель вправе требовать в судебном порядке перевода на себя прав приобретателя исключительного права и возмещения убытков (абз. 1 п. 5 ст. 1234 ГК РФ). Вместе с тем указанные последствия могут иметь место при существенном нарушении обязанности по выплате вознаграждения, что применительно к периодическим платежам и роялти означает, что нарушение сроков выплаты должно быть допущено неоднократно, то есть должны быть нарушены несколько частных сроков выплаты вознаграждения.

Значение данного деления проявляется в том, что выделение частных сроков как самостоятельных, а не частей общего срока, с одной стороны, способствует дисциплинированности сторон правоотношения, с другой — обеспечивает оперативность защиты их прав.

¹⁴ Грибанов В. П. Указ. соч. С. 12.

7. Наиболее значимым и одновременно наиболее дискуссионным является деление гражданско-правовых сроков по их назначению.

По мнению В. П. Грибанова, элементами деления сроков по назначению выступают *сроки осуществления* и *сроки защиты* гражданских прав.

К срокам осуществления гражданских прав в данной концепции относятся «сроки, в течение которых управомоченный субъект вправе (а и иногда и обязан) сам реализовать принадлежащее ему право либо потребовать совершения определенных действий по реализации своего права непосредственно от обязанного лица»¹⁵, а именно:

1) сроки существования субъективных гражданских прав — сроки действия субъективных гражданских прав во времени;

2) пресекательные сроки — сроки, установленные для реализации гражданских прав, по истечении которых такая возможность утрачивается;

3) гарантийные сроки — сроки, в течение которых гарантируется качество товара (работы, материального результата услуги);

4) претензионные сроки — сроки, установленные для обращения лица, считающего свое право нарушенным, к предполагаемому нарушителю с претензией до обращения в суд или иной юрисдикционный орган.

Сроки защиты гражданских прав В. П. Грибанов определял как «сроки, предоставленные управомоченному лицу, для обращения к компетентным государственным или общественным органам с требованием о принудительном осуществлении и защите своего права»¹⁶.

Предложенный В. П. Грибановым подход стал основным в российской доктрине, его с различными вариациями придерживается большинство ученых.

В частности, А. П. Сергеев и Ю. К. Толстой выделяют в отдельную группу сроки исполнения

гражданских обязанностей, однако одновременно подчеркивают их неразрывную связь со сроками осуществления прав: «Поскольку праву субъекта всегда корреспондирует чья-то конкретная обязанность, срок осуществления права одним лицом является одновременно сроком исполнения обязанности другим лицом»¹⁷.

М. Я. Кириллова и П. В. Крашенинников дополняют предложенное В. П. Грибановым деление не только сроками исполнения гражданских обязанностей, но и сроками, порождающими гражданские права, относя к последним, в частности, срок приобретательной давности. Данные ученые отождествляют сроки существования прав и пресекательные сроки, отмечая, что истечение данных сроков прекращает существование субъективного права¹⁸.

Е. А. Суханов выделяет в отдельную группу сроки возникновения гражданских правоотношений (правопорождающие сроки), как и выше-названные авторы, приводя в качестве их примера срок приобретательной давности. Ученый акцентирует внимание на принципиальном различии между сроками существования гражданских прав и пресекательными сроками. Первые «призваны обеспечить управомоченным лицам время для реализации их прав и вместе с тем придать известную определенность и устойчивость гражданскому обороту», вторые, «по сути, являются санкциями за недолжное осуществление или неосуществление прав, как правило досрочно прекращающими само субъективное гражданское право»¹⁹. Кроме того, Е. А. Суханов относит претензионные сроки к срокам защиты, а не осуществления гражданских прав.

С точки зрения Б. А. Булаевского, в зависимости от назначения в механизме реализации прав и обязанностей, гражданско-правовые сроки могут быть разделены на три, а не на две группы. Указанный ученый выделяет в самостоятельную группу сроки существования гражданских прав и обязанностей как временные рамки их

¹⁵ Грибанов В. П. Указ. соч. С. 13–14.

¹⁶ Грибанов В. П. Указ. соч. С. 14.

¹⁷ Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. С. 351–355.

¹⁸ Кириллова М. Я., Крашенинников П. В. Указ. соч. С. 13–17.

¹⁹ Суханов Е. А. Указ. соч. С. 481–484.

действия, считая их разновидностью пресека- тельные (преклюзивные) сроки. Вторую группу при данном подходе составляют сроки осуществления гражданских прав и обязанностей как «моменты либо промежутки времени для ре- ализации гражданских прав и обязанностей»²⁰, к которым, в частности, следует отнести гаран- тийные сроки, сроки годности и сроки службы. Третья группа объединяет сроки защиты прав, а именно сроки исковой давности, претензион- ные сроки и иные сроки защиты.

А. В. Жгунова предлагает разделять граждан- ско-правовые сроки по назначению, исходя из принципа динамики гражданского правоот- ношения:

1) на сроки, определяющие временные гра- ницы процесса развития гражданского право- отношения, — периоды, в течение которых управомоченные субъекты могут реализовывать свои субъективные гражданские права;

2) сроки защиты нарушенных субъективных прав (исковая давность)²¹.

Оригинальный подход к классификации гражданско-правовых сроков разработала К. Ю. Лебедева. В основу классификации она положила принцип деления правовых норм и правоотношений на регулятивные и охранительные, в результате чего классифицировала гражданско-правовые сроки как регулятив- ные, охранительные и технико-юридические. К регулятивным срокам автор относит «период или моменты во времени, предназначенные для реализации субъективных материальных гражданских прав и корреспондирующих им субъективных гражданских обязанностей в рам- ках регулятивного правоотношения»²². В числе охранительных сроков К. Ю. Лебедева пред- лагает рассматривать в зависимости от форм и порядка осуществления защиты гражданских прав:

1) сроки неискковой защиты права, в част- ности сроки реализации мер пресечения, гаран- тийные и претензионные сроки;

2) сроки исковой защиты права (исковая давность).

Технико-юридическими автор называет сроки годности, транспортабельности, службы (работы), хранения и эксплуатации товара.

С учетом изложенного представляется воз- можным на основе разработанных в науке граж- данского права подходов предложить класси- фикацию патентно-правовых сроков по их назна- чению в механизме правового регулирования патентных отношений с учетом специфики пред- мета правового регулирования и собственной позиции автора настоящей работы.

Предмет правового регулирования в патен- том праве — общественные отношения, воз- никающие по поводу нематериальных объектов патентного права, — определяет ряд особен- ностей деления патентно-правовых сроков по их назначению.

Во-первых, для *патентного права не харак- терны гарантийные сроки*, а также обозначен- ные К. Ю. Лебедевой как технико-юридические сроки, относимые к процессу эксплуатации то- варов (сроки годности, службы, транспортабель- ности, хранения, реализации), поскольку тако- вые могут устанавливаться исключительно для материальных объектов — вещей, в частности товаров (продукции), а также результатов работ и материальных результатов оказания услуг, и неприменимы к объектам нематериальным, каковыми являются результаты интеллектуаль- ной деятельности²³.

Во-вторых, в *патентном праве отсут- ствуют нормативные претензионные сроки*. В современном российском гражданском пра- ве претензионные сроки установлены только в сфере обязательств по перевозке соответствую-

²⁰ Булаевский Б. А. Указ. соч. С. 21.

²¹ Жгунова А. В. Указ. соч.

²² Лебедева К. Ю. Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков. С. 53–83.

²³ Аналогичного мнения придерживается О. А. Рузакова. См.: Рузакова О. А. Договоры о создании результа- тов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами : учеб.-практ. пособие для магистров. М. : Проспект, 2017. С. 22.

щими транспортными уставами и кодексами (ст. 797 ГК РФ).

Принимая во внимание указанные особенности, автор настоящей работы предлагает следующий вариант распределения патентно-правовых сроков по критерию их назначения:

1) *сроки существования интеллектуальных патентных прав и корреспондирующих им обязанностей* — установленные в законе либо определяемые на основании норм закона периоды времени, в течение которых управомоченный субъект вправе реализовывать все правомочия, входящие в состав принадлежащего ему интеллектуального права, а все иные субъекты обязаны воздерживаться от нарушения данного права;

2) *сроки осуществления прав, исполнения обязанностей, совершения юридически значимых действий* — пресекательные сроки, установленные для осуществления отдельных прав и совершения юридически значимых действий, направленных на реализацию интеллектуальных патентных прав, а также сроки исполнения обязанностей, возникающих в рамках патентно-правовых отношений;

3) *сроки защиты патентных прав* — периоды времени, в течение которых управомоченный субъект вправе реализовать право на защиту предусмотренными законом способами.

II. На втором этапе классификации предлагается выделить 5 оснований деления.

1. *По значению* сроки в патентном праве можно разделить на *основные, продленные и дополнительные*. Так, основные сроки действия исключительных прав на объекты патентного права составляют 20 лет для изобретений, 10 лет — для полезных моделей, 5 лет — для промышленных образцов. В законодательстве предусмотрена возможность продления срока действия исключительного права на изобретение не более чем на 5 лет при наличии условий, указанных в п. 2 ст. 1363 ГК РФ, а также возможность неоднократного продления срока действия исключительного права на промышленный образец на 5 лет, но в целом не более чем на 25 лет (п. 3 ст. 1363 ГК РФ). Кроме того, законом установлены полномочия Роспатента продлевать установленные в законе основные сроки, например сроки

предоставления дополнительных материалов по запросу. Примером дополнительного срока могут служить дополнительные (льготные) сроки уплаты патентных пошлин.

2. *В зависимости от возможности восстановления* патентно-правовые сроки можно разделить на *подлежащие и не подлежащие восстановлению*. В статье 1398 ГК РФ дан перечень подлежащих восстановлению сроков, связанных с проведением экспертизы заявки на изобретение; возможность восстановления иных сроков закреплена в других нормах, например, на основании абз. 4 п. 1 ст. 1396 ГК РФ может быть восстановлен пропущенный по уважительным причинам срок представления документов для выдачи патента по международной заявке. В то же время ряд сроков, наиболее значимых с точки зрения стабильности гражданского оборота и принципа правовой определенности, восстановлению не подлежат. Таковым, в частности, является установленный пунктом 1 ст. 1400 ГК РФ трехлетний срок на подачу ходатайства о восстановлении действия патента.

3. *По степени вариативности* предлагается выделить *альтернативные и безальтернативные сроки*. Ряд норм патентного права устанавливают сроки, определяемые альтернативным образом, например, согласно абз. 3 п. 2 ст. 1363 ГК РФ заявление о продлении срока действия патента подается патентообладателем в период действия патента до истечения шести месяцев со дня получения первого разрешения на применение продукта или с даты выдачи патента — в зависимости от того, какой из этих сроков истекает позднее.

4. *По характеру регулируемых отношений* возможно провести деление всех сроков в патентном праве на *материальные и процедурные*. Материальные сроки выступают инструментом регулирования имущественных и личных неимущественных отношений, это сроки существования и сроки защиты интеллектуальных прав, а также часть сроков осуществления прав, например сроки истребования принудительной лицензии. К процедурным срокам относится большая часть сроков осуществления прав, например сроки предоставления документов и дополнительных материалов в Роспатент, сроки

подачи ходатайств и направления запросов, сроки уплаты патентных пошлин и др. Данное деление отражает состав общественных отношений, регулируемых патентным правом, во взаимосвязи с системой патентно-правовых сроков.

5. Представляется возможным предложить деление сроков *по структуре* на *простые*, т.е. определяемые указанием только на одну календарную дату, период времени или событие, и *сложные*, которые могут определяться сочетанием нескольких указанных способов. В качестве примера сложного срока можно привести установленный в абз. 3 п. 3 Правил выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы²⁴ срок выплаты вознаграждения за использование служебного объекта — в течение месяца после истечения каждых 12 календарных месяцев, в которых использовался соответствующий результат интеллектуальной деятельности.

Проведенное исследование позволяет сформулировать *ряд выводов об особенностях срочного регулирования отношений в сфере патентного права*:

1) с одной стороны, превалирование нормативных и ненормативных административных, а также абсолютно определенных сроков, высокая значимость ряда сроков-моментов свидетельствуют о высокой степени определенности системы временной регламентации отношений в сфере патентного права; с другой стороны, наличие ряда диспозитивных, императивно-диспозитивных, а также специальных и частных сроков отражает гибкость данной системы;

2) отсутствие в патентном праве гарантийных, технико-юридических (сроки годности, службы, транспортабельности, хранения, реализации), претензионных сроков обусловлено особенностями предмета регулирования патентного права;

3) предложенное выделение в отдельные группы сроков существования интеллектуальных прав и сроков осуществления прав и совершения юридически значимых действий, а также разделение всей совокупности сроков по характеру регулируемых отношений на материальные и процедурные связано с особенностями патентного права как института гражданского права, регулирующего ряд организационных отношений²⁵ в процессе взаимодействия уполномоченного государственного органа с физическими и юридическими лицами, направленного на выдачу, поддержание в силе, прекращение, восстановление и продление срока действия патента, то есть отношения, определяющие «основания возникновения, изменения, прекращения и порядок осуществления гражданских прав и обязанностей»²⁶;

4) существование в патентном праве таких групп сроков, как продленные, дополнительные (льготные), подлежащие восстановлению, альтернативные, позволяет сделать вывод о направленности действующего патентного законодательства на реализацию положений п. 1 ст. 44 Конституции РФ²⁷ и формирование благоприятных условий для обеспечения интересов авторов и иных правообладателей результатов интеллектуальной деятельности и осуществления их прав.

²⁴ Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 № 1848 «Об утверждении Правил выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы» // СЗ РФ. 2020. № 47. Ст. 7548.

²⁵ См. подробнее: Советское гражданское право : учебник для студентов юрид. институтов и факультетов : в 2 т. / под ред. О. А. Красавчикова. М. : Высш. шк., 1968. Т. 1 ; Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 50–57 ; Он же. Категории науки гражданского права : Избранные труды : в 2 т. М. : Статут, 2005. Т. 1.

²⁶ Долинская В. В. Актуальные проблемы развития предмета гражданского права // Сибирское юридическое обозрение. 2012. № 2 (19). С. 44–47.

²⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 4 июля 2020 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Булаевский Б. А. Гражданское право. Сроки. Исковая давность : учеб. пособие для бакалавров / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. — М. : Проспект, 2017. — 79 с.
2. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — Изд. 6-е, перераб. и доп. — М. : Проспект, 2005. — Т. 1. — 773 с.
3. Грибанов В. П. Сроки в гражданском праве. — М. : Знание, 1967. — 48 с.
4. Гурвич М. А. Пресекательные сроки в советском гражданском праве. — М., 1961. — 80 с.
5. Долинская В. В. Актуальные проблемы развития предмета гражданского права // Сибирское юридическое обозрение. — 2012. — № 2 (19). — С. 44–47.
6. Жгунова А. В. Сроки в советском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00. — Свердловск, 1971. — 204 с.
7. Кириллова М. Я., Крашенинников П. В. Сроки в гражданском праве. Исковая давность. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Статут, 2016. — 80 с.
8. Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. — 1966. — № 10. — С. 50–57.
9. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: Избранные труды : в 2 т. Т. 1. — М. : Статут, 2005. — 494 с.
10. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. — М. : Госюриздат, 1958. — 183 с.
11. Лебедева К. Ю. Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Томск, 2003. — 243 с.
12. Лебедева К. Ю. Классификация сроков в гражданском праве // Журнал российского права. — 2001. — № 9. — С. 75–82.
13. Рузакова О. А. Договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами : учебно-практическое пособие для магистров. — М. : Проспект, 2017. — 140 с.
14. Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецова. — М. : Инфра-М, 2005. — 729 с.
15. Советское гражданское право : учебник для студентов юрид. институтов и факультетов : в 2 т. / под ред. О. А. Красавчикова. — М. : Высш. шк., 1968–1969. — Т. 1. — 1968. — 518 с.
16. Суханов Е. А. Российское гражданское право. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. — 4-е изд., стер. — М. : Статут, 2015. — 958 с.
17. Формальная логика : учебник для филос. фак. ун-тов / отв. ред. проф. И. Я. Чупахин, доц. И. Н. Бродский; Ленингр. гос. ун-т имени А.А. Жданова. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1977. — 357 с.

Материал поступил в редакцию 28 марта 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bulaevskiy B. A. Grazhdanskoe pravo. Sroki. Iskovaya davnost: ucheb. posobie dlya bakalavrov / отв. red. V. V. Dolinskaya, V. L. Slesarev. — M.: Prospekt, 2017. — 79 s.
2. Grazhdanskoe pravo / pod red. A. P. Sergeeva, Yu. K. Tolstogo. — Izd. 6-e, pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2005. — T. 1. — 773 s.
3. Gribanov V. P. Sroki v grazhdanskom prave. — M.: Znanie, 1967. — 48 s.
4. Gurvich M. A. Presekatelnye sroki v sovetskom grazhdanskom prave. — M., 1961. — 80 s.
5. Dolinskaya V. V. Aktualnye problemy razvitiya predmeta grazhdanskogo prava // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. — 2012. — № 2 (19). — S. 44–47.

6. Zhgunova A. V. Sroki v sovetskom grazhdanskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.00. — Sverdlovsk, 1971. — 204 s.
7. Kirillova M. Ya., Krasheninnikov P. V. Sroki v grazhdanskom prave. Iskovaya davnost. — 3-e izd., ispr. i dop. — M.: Statut, 2016. — 80 s.
8. Krasavchikov O. A. Grazhdanskie organizatsionno-pravovye otnosheniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1966. — № 10. — S. 50–57.
9. Krasavchikov O. A. Kategorii nauki grazhdanskogo prava: Izbrannye trudy: v 2 t. T. 1. — M.: Statut, 2005. — 494 s.
10. Krasavchikov O. A. Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave. — M.: Gosyurizdat, 1958. — 183 s.
11. Lebedeva K. Yu. Iskovaya davnost v sisteme grazhdansko-pravovykh srokov: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03. — Tomsk, 2003. — 243 s.
12. Lebedeva K. Yu. Klassifikatsiya srokov v grazhdanskom prave // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2001. — № 9. — S. 75–82.
13. Ruzakova O. A. Dogovory o sozdaniy rezultatyv intellektualnoy deyatel'nosti i rasporyazheniy isklyuchitel'nymi pravami: uchebno-prakticheskoye posobie dlya magistr'ov. — M.: Prospekt, 2017. — 140 s.
14. Slovar filosofskikh terminov / nauch. red. V. G. Kuznetsova. — M.: Infra-M, 2005. — 729 s.
15. Sovetskoye grazhdanskoye pravo: uchebnyk dlya student'ov yurid. institut'ov i fakultet'ov: v 2 t. / pod red. O. A. Krasavchikova. — M.: Vyssh. shk., 1968–1969. — T. 1. — 1968. — 518 s.
16. Sukhanov E. A. Rossiyskoye grazhdanskoye pravo. Obshchaya chast. Veshchnoye pravo. Nasledstvennoye pravo. Intellektualnye prava. Lichnyye neimushchestvennyye prava. — 4-e izd., ster. — M.: Statut, 2015. — 958 s.
17. Formal'naya logika: uchebnyk dlya filos. fak. un-t'ov / otv. red. prof. I. Ya. Chupakhin, dots. I. N. Brodskiy; Leningr. gos. un-t imeni A.A. Zhdanova. — L.: Izd-vo LGU, 1977. — 357 s.

Презумпция невиновности и суд с участием присяжных заседателей

Аннотация. В статье рассматриваются англосаксонский и континентальный подходы к пониманию принципа презумпции невиновности, на этой основе делается вывод о том, что в России данный принцип учрежден и реализуется в духе континентальной правовой логики. Исследуется действие презумпции невиновности и вытекающих из нее положений (принцип *in dubio pro reo*, правило о том, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, и др.) при рассмотрении уголовного дела российским судом с участием присяжных заседателей. Рассматриваются особенности доказывания в данной форме судопроизводства, соотношение презумпции невиновности с правом присяжных заседателей признать подсудимого невиновным при полной доказанности совершения им преступного деяния (нуллификация уголовного закона). Обосновывается вывод, согласно которому именно в суде с участием присяжных заседателей наиболее полно воплощается в жизнь презумпция невиновности, здесь содержатся дополнительные гарантии ее неукоснительного соблюдения.

Ключевые слова: презумпция невиновности; доказывание; справедливость; правосудие; обвиняемый; суд с участием присяжных заседателей; вердикт; председательствующий судья; приговор; наказание.

Для цитирования: Малина М. А. Презумпция невиновности и суд с участием присяжных заседателей // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 155–165. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.155-165.

Presumption of Innocence and Trial by Jury

Maksim A. Malina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Southern Federal University
Bolshaya Sadovaya ul., d. 105/42, Rostov-on-Don, Russia, 344006
bestar@yandex.ru

Abstract. The paper examines the Anglo-Saxon and continental approaches to understanding the principle of the presumption of innocence. It is concluded that in Russia this principle was established and implemented in the spirit of continental legal logic. The effect of the presumption of innocence and the provisions arising from it (the principle of *in dubio pro reo*, the rule that the accused is not obliged to prove his innocence, etc.) when considering a criminal case by a Russian court with the participation of jurors is examined. The features of evidence in this form of legal proceedings, the relationship of the presumption of innocence with the right of jurors to find the defendant innocent if it is fully proven that they committed a criminal act (criminal law nullification) are considered. The

© Малина М. А., 2023

* Малина Максим Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Южного федерального университета
Большая Садовая ул., д. 105/42, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344006
bestar@yandex.ru

conclusion is substantiated that it is in a trial with a jury that the presumption of innocence is most fully realized; it contains additional guarantees of its strict observance.

Keywords: presumption of innocence; proof; justice; system of justice; accused; trial by jury; verdict; presiding judge; sentence; punishment.

Cite as: Malina MA. Presumptsiya nevinovnosti i sud s uchastiem prisyzhnykh zasedateley [Presumption of Innocence and Trial by Jury]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):155-165. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.155-165. (In Russ., abstract in Eng.).

В настоящее время утверждение о ценности и значимости для государства прав и свобод человека и гражданина никем не ставится под сомнение. Это правовая аксиома, которая играет роль одной из «несущих конструкций» современной цивилизации. При этом она представляет собой ключевое положение, отправное начало в доктрине правового государства. В России права и свободы человека и гражданина провозглашены высшей ценностью. Их приоритетное значение в аксиологической системе координат нашего общества утверждается на конституционном уровне, здесь же на государство возлагается обязанность по их признанию, соблюдению и защите (ст. 2 Конституции РФ).

Если же посмотреть на права и свободы человека в более конкретной плоскости, очевидно первостепенное значение охраны его права на жизнь. И это логично: без защиты жизни человека обеспечение свободы, личной неприкосновенности, участия в управлении делами государства и других его прав становится бессмысленным, беспредметным. Недаром право каждого на жизнь открывает закрепленный в Конституции РФ перечень прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 20).

Важно отметить, что на конституционном уровне установлено требование по обеспечению этих прав путем осуществления правосудия, то есть утверждается необходимость их судебной защиты, охраны (ст. 18, 46 Конституции РФ). Первоочередное значение данная задача имеет в сфере разрешения уголовно-правовых конфликтов. Такой вывод очевиден, так как именно здесь рассматриваются вопросы об опасном для всего общества правонарушении — о преступ-

лении и о крайне негативных последствиях для виновного в его совершении — о наказании. Как справедливо отмечал И. Я. Фойницкий, в уголовном судопроизводстве рассматриваются «...вопросы о наиболее важных благах общества и личности»¹. Таким образом, значимость их правильного разрешения очень высока как для обвиняемого, так и для потерпевшего и, соответственно, всего общества в целом.

Уголовный процесс направлен на защиту публичных интересов, поэтому именно здесь права и свободы человека могут быть подвергнуты наибольшим ограничениям. При этом в Конституции РФ предусмотрено, что в качестве процессуальной гарантии права обвиняемого на жизнь выступает суд с участием присяжных заседателей (ч. 2 ст. 20 Конституции РФ). Несмотря на то что в Российской Федерации смертная казнь не назначается, данное положение показывает востребованность этой формы судопроизводства в разрешении наиболее сложных, нестандартных ситуаций. То есть на конституционном уровне определяется, что наилучшей формой отправления правосудия в тех случаях, когда гражданину может быть назначено максимально строгое наказание, выступает суд с участием его сограждан, представителей общества.

Следует отметить, что и федеральный законодатель признает особое значение данной модели суда. Если в уголовном деле несколько обвиняемых и не все из них ходатайствуют об отправлении правосудия с участием присяжных заседателей, то дело рассматривается именно в данной форме судопроизводства² (п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ; ч. 2 ст. 325 УПК РФ). То есть здесь суд с участием присяжных заседателей

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб. : Альфа, 1996. Т. 1. С. 8.

² В случае невозможности выделения уголовного дела в отношении несогласных на суд присяжных обвиняемых в отдельное производство.

имеет приоритет перед ординарным порядком отправления правосудия.

При этом возникает закономерный вопрос: в чем конкретно заключается преимущество данной формы судопроизводства, почему именно она рассматривается законодателем в качестве особой гарантии прав обвиняемого? В самом общем смысле ответ находится, что называется, на поверхности — привлечение в процесс простых граждан позволяет наиболее полно учесть при отправлении правосудия требования социальной справедливости, позволяет самому обществу в лице присяжных заседателей решить судьбу обвиняемого, как говорится, по совести.

При более конкретном взгляде на проблему становится понятно, что справедливое разрешение дела невозможно без правильного установления его фактических обстоятельств, то есть без ясного понимания того, что же случилось в действительности. Только тщательное исследование произошедших событий и полное установление предмета доказывания (*thema probandi*) позволяет суду сделать вывод о виновности или невиновности обвиняемого, позволяет решить, заслуживает ли он наказания. Поэтому на первый план здесь выходит уголовно-процессуальное познание фактической стороны дела, а именно доказательственная деятельность суда при отправлении правосудия.

Важнейшим, можно сказать — ключевым, принципом доказывания при производстве по уголовному делу является презумпция невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ). По нашему мнению, именно суд с участием присяжных заседателей представляет собой ту форму судопроизводства, в которой наиболее полно воплощается в жизнь данный конституционный принцип. Эта модель суда содержит дополнительные гарантии реализации положений презумпции невиновности, что, в свою очередь, позволяет говорить о дополнительных гарантиях справедливого разрешения уголовно-правового спора. И дело здесь вот в чем.

Смысл исследуемой правовой презумпции заключается в следующем: пока виновность обвиняемого не будет доказана в предусмо-

тренном законом порядке и установлена приговором суда, который вступил в законную силу, он считается невиновным.

Важно отметить, что в соответствии с континентальной уголовно-процессуальной логикой обвиняемый считается невиновным независимо от признания или непризнания им своей вины. То есть мы имеем дело с объективным требованием закона. Презумпция невиновности может быть опровергнута только в результате доказывания, проведенного в рамках предварительного расследования и судебного разбирательства, когда сформированная по делу совокупность доброкачественных доказательств вызывает у суда внутреннее убеждение в виновности обвиняемого. Признание обвиняемым своей вины является при этом обычным доказательством.

Принципиально иное положение дел в англосаксонской системе уголовного судопроизводства. Здесь суд выступает исключительно в роли арбитра в споре сторон, при этом действует формула: «нет спора — нет процесса». Ее смысл в следующем. Если обвиняемый признает свою вину, то доказывание по уголовному делу не проводится и по делу будет постановлен обвинительный приговор. Поэтому довольно привлекательной для обеих сторон выглядит ситуация, когда они могут заранее договориться о выгодном для них исходе дела. Прокурор получает гарантированную победу, как говорится, «без боя», а обвиняемый — менее тяжкое обвинение и, соответственно, менее суровое наказание. Все условия такого «договора» обсуждаются сторонами вплоть до достижения искомого компромисса. В результате суд не знакомится с собранными по делу доказательствами, а сразу приступает к назначению наказания. Такой подход нашел свое воплощение в известном англосаксонском институте так называемых сделок с правосудием, или сделок о признании вины. Он настолько широко применяется на практике, что полноценное судебное разбирательство проводится редко. Например, в США суд рассматривает по существу примерно 3 % уголовных дел³.

Закономерен вопрос: что же тогда представляет собой презумпция невиновности в англо-

³ Головки Л. В. Курс уголовного процесса. М. : Статут, 2021. С. 191.

саксонской правовой семье? Как справедливо отмечал Л. В. Головкин, это не объективное правовое положение, а лишь один из «...стандартов доказывания по тем уголовным делам, где это доказывание осуществляется»⁴. То есть у обвиняемого есть право считаться невиновным, воспользоваться им или нет — исключительно его выбор. Полноценное уголовное судопроизводство имеет место, только если он реализовал эту возможность. Тогда по уголовному делу осуществляется доказывание и действует презумпция невиновности (правило о возложении бремени доказывания на сторону обвинения и др.). В обратном случае дело разрешается при помощи сделки о признании вины.

Без всякого сомнения можно заключить, что в России презумпция невиновности учреждена и реализуется в духе континентальных правовых традиций. При этом признание обвиняемым своей вины, как отмечал М. С. Строгович, является «рядовым» доказательством⁵. Более того, оно может быть положено в основу обвинения только в случае подтверждения виновности лица совокупностью доказательств (ст. 77 УПК РФ). Презумпция невиновности является объективным правовым положением, то есть обвиняемого изначально считают невиновным, прежде всего само государство. Остановимся на этом положении более подробно.

По большому счету можно сказать, что наш многонациональный народ — это и есть государство. Население представляет собой, так сказать, его социальное содержание. Поэтому аксиома о презюмировании государством невиновности обвиняемого может быть истолкована и таким образом: обвиняемого изначально считают невиновным его сограждане, общество в целом. В Российской Федерации народ — единственный источник власти, он осуществляет ее как непосредственно, так и через государственные органы (ст. 3 Конституции РФ). То есть народ, доверяя судье миссию правосудия и осуществляя тем самым через суд свою власть, делегирует ему полномочия по обеспечению

неукоснительного соблюдения презумпции невиновности. Как видим, здесь имеет место опосредованное осуществление населением своей власти.

Но на конституционном уровне закреплено и право ее прямой реализации народом — в уголовном процессе это возможно в суде с участием присяжных заседателей. Конечно, такая непосредственность должна пониматься с известной долей условности: в данной форме судопроизводства участвует не все общество, а лишь его представители, да и сама коллегия присяжных является неотъемлемой частью суда — института государственного. Вместе с тем следует подчеркнуть, что здесь представители общества самостоятельно решают основные вопросы уголовного дела: доказано ли, что деяние имело место; доказано ли, что именно подсудимый его совершил; виновен ли он (ч. 1 ст. 339 УПК РФ). Их вердикт по общему правилу обязателен для председательствующего (ст. 348 УПК РФ). Поэтому представляется возможным воспринимать присяжных заседателей в качестве носителей прямой установки общества, государства на изначальную невиновность обвиняемого. На этом и основывается их объективность, беспристрастность, что, в свою очередь, выступает важнейшей гарантией справедливого разрешения дела.

Вместе с тем не стоит забывать, что в суде присяжных председательствующий судья так же обеспечивает соблюдение всех положений презумпции невиновности, как и в ординарном порядке уголовного процесса. Поэтому в данной форме судопроизводства и коллегия присяжных заседателей, и профессиональный судья совместно выполняют возложенную на них обществом, государством миссию по воплощению в жизнь данного принципа; здесь наиболее полно реализуется постулат о том, что презумпция невиновности — это объективное правовое положение.

Такое сотрудничество имеет и другие преимущества. Совместная установка председа-

⁴ Головкин Л. В. Презумпция невиновности и англо-американский уголовный процесс: проблемы совместимости // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 34.

⁵ Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М. : Наука, 1984. С. 120.

тельствующего судьи и присяжных заседателей на изначальную невиновность подсудимого играет важнейшую роль в доказательственном плане — это основа объективного, непредвзятого познания произошедшего события, отправная точка всестороннего и полного исследования доказательств по уголовному делу. Компетенции присяжных заседателей и судьи-профессионала как бы взаимодополняют друг друга. То есть в доказывании их деятельность можно рассматривать в функциональном единстве. Здесь у них одна цель — достоверное установление всех обстоятельств произошедшего.

При этом должно соблюдаться правило о толковании неустраняемых сомнений в пользу обвиняемого — *in dubio pro reo*. Отметим сразу, что данный принцип действует в доказывании, он не касается квалификации деяния⁶. Поэтому крайне важным представляется здесь участие, наряду с профессиональным судьей, и представителей общества, так как в процесс исследования и оценки доказательств привносится их совокупный жизненный опыт, здравый смысл, знание и понимание социального контекста произошедшего. В ходе доказывания формируются разнообразные позиции и точки зрения, ведь каждый член коллегии по-своему смотрит на исследуемые события. Естественно, это может породить немалое число всевозможных сомнений, что представляется очень ценным — таким образом обеспечивается разносторонность и многогранность доказательственной деятельности присяжных, всесторонность и тщательность при восприятии ими обстоятельств дела⁷.

Следует отметить, что сомнения в доказывании существуют практически всегда, это нормально для уголовно-процессуального познания произошедших событий. Устраняются они в ходе объективного, беспристрастного исследования обстоятельств уголовного дела, когда, как отмечал М. С. Строгович, происходит движение от «...сомнений к несомненному, от вероятно-

го — к достоверному, истинному»⁸. При этом присяжные заседатели наделены широким кругом прав на участие в судебном следствии (ч. 1 ст. 333 УПК РФ). Более того, если в ходе совещания у них возникнут сомнения в отношении каких-то фактических обстоятельств дела, они вправе инициировать рассмотрение вопроса о возобновлении судебного следствия для их устранения (ст. 344 УПК РФ). То есть правило *in dubio pro reo* действует только в случае, когда объективно невозможно преодолеть возникшие сомнения (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод: в суде присяжных коллегиальная доказательственная деятельность позволяет наиболее полно и всесторонне исследовать произошедшее событие. Она обеспечена всем необходимым процессуальным инструментарием для устранения сомнений и приводит к опровержению презумпции невиновности только в случае полной, несомненной доказанности виновности обвиняемого. При этом председательствующий судья, не участвуя в совещании присяжных, сохраняет за собой все полномочия субъекта доказывания, он оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению и также выступает гарантом соблюдения принципа *in dubio pro reo*.

То есть в суде присяжных обвинение подвергается, так сказать, двойной проверке на прочность — выясняется, способно ли оно сформировать внутреннее убеждение в виновности обвиняемого как у председательствующего судьи, так и у представителей общества. Если последние придут к выводу о невиновности подсудимого, то по делу будет вынесен оправдательный вердикт. И приговор, соответственно, будет оправдательным, что позволяет говорить о полноценном воплощении в жизнь принципа презумпции невиновности. Если вердикт по уголовному делу вынесен обвинительный, но председательствующий при этом убежден в

⁶ Головки Л. В. Принцип *in dubio pro reo* и теория неустраняемых сомнений, или О пользе изучения швейцарской уголовно-процессуальной доктрины // Закон. 2016. № 8. С. 73.

⁷ Насонов С. А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика. М. : Р. Валент, 2001. С. 29.

⁸ Строгович М. С. Указ. соч. С. 87.

невиновности подсудимого, то он распускает коллегия и направляет дело на новое рассмотрение (ч. 5 ст. 348 УПК РФ). Таким образом, в суде с участием присяжных заседателей судья-профессионал и представители народа как бы страхуют друг друга от необоснованного осуждения обвиняемого.

При этом здесь, как и в ординарном порядке судопроизводства, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность (ч. 2 ст. 49 Конституции РФ). То есть бремя доказывания виновности лица несет сторона обвинения. Как уже отмечалось выше, представленные ею доказательства и аргументы подвергаются доскональной и всесторонней проверке. Очень большое значение здесь имеет знание, понимание представителями населения местных условий жизни. Это важная особенность суда с участием присяжных заседателей. Еще Л. Е. Владимиров указывал на то, что доказательства представляют собой не абстрактные доводы, а берутся из жизни, это «кочки действительности»⁹, поэтому правильное их исследование и оценка предполагают знание этой действительности, то есть «...знание общества, его жизни, его характера»¹⁰. При этом Л. Е. Владимиров отмечал, что профессиональный судья тоже может понимать этот «народный быт», но он не способен обладать таким всесторонним его знанием, которое есть у присяжных — представителей разных сфер жизни¹¹. Такая их компетентность очень важна при оценке представленных стороной обвинения доказательств. Поэтому в суде присяжных наиболее полно действует предписание о том, что недоказанная виновность приравнивается к доказанной невиновности, что также является важной гарантией соблюдения принципа презумпции невиновности.

Подводя промежуточный итог, отметим, что основные правила оценки доказательств, содержание презумпции невиновности и вытекающие из него положения (принцип *in dubio pro reo*, правило о том, что обвиняемый не обязан

доказывать свою невиновность, и др.) разъясняются председательствующим в его напутственном слове к присяжным заседателям (ст. 340 УПК РФ). При этом представляется разумным знакомить с ними присяжных заседателей до проведения судебного следствия, прений сторон и последнего слова подсудимого к коллегии, а не после — это послужит качеству их доказательственной деятельности. Например, важно, чтобы присяжные изначально понимали, что отказ от дачи показаний и молчание подсудимого в ходе судебного разбирательства отнюдь не свидетельствуют о его виновности. Все необходимые разъяснения могут быть даны после формирования коллегии или непосредственно перед началом проведения судебного следствия. Тогда в своем напутственном слове председательствующий просто напомним присяжным содержание соответствующих положений. Представляется, что особой сложности такие нормативные корректировки вызвать не должны.

Исследование презумпции невиновности в суде с участием присяжных заседателей будет неполным, если не рассмотреть ее соотношение с известным и поистине уникальным свойством данной модели суда — с правом коллегии вынести оправдательный вердикт при полной доказанности совершения преступления подсудимым. В доктрине этот феномен именуется нуллификацией уголовного закона или просто нуллификацией (*nullification*). Он означает, что в соответствии с установленной в законе процедурой коллегия присяжных заседателей при вынесении вердикта может отрицательно ответить на вопрос о виновности лица при положительных ответах на вопросы о том, имело ли место само деяние и доказано ли совершение его именно подсудимым.

Кратко заметим, что возможность нуллификации уголовного закона в суде с участием присяжных заседателей часто становится предметом острых дискуссий в научном сообществе.

⁹ Владимиров Л. Е. Суд присяжных: условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. М. : Ленанд, 2016. С. 57.

¹⁰ Владимиров Л. Е. Указ. соч. С. 57.

¹¹ Владимиров Л. Е. Указ. соч. С. 57.

Вопросы о целесообразности ее сохранения в неизменном виде, о ее модернизации или полном упразднении лежат за рамками данного исследования. Отметим лишь, что, по нашему мнению, нуллификация закона и суд присяжных неразделимы, отрицание одного означает отрицание и другого. Как удачно заметил Л. В. Головкин, «критика феномена нуллификации уголовного закона — это критика самого суда присяжных...»¹².

На первый взгляд, право признать лицо невиновным в случае доказанности совершения им преступного деяния, то есть при полном установлении подлежащих доказыванию обстоятельств (*thema probandi*) вступает в противоречие с презумпцией невиновности. По идее, доказанная виновность лица опровергает данную презумпцию, как же тогда он может быть оправдан?

С формальной точки зрения проблемы как таковой не существует: виновность обвиняемого должна быть не только доказана, но и установлена вступившим в законную силу приговором суда. В случае нуллификации закона по делу выносится оправдательный вердикт. Приговор, в свою очередь, тоже будет оправдательным, значит, и презумпция невиновности остается непровергнутой.

Содержательная сторона вопроса представляется намного более сложной. И вот почему. В суде с участием присяжных заседателей виновность лица не должна рассматриваться исключительно в уголовно-правовом смысле. Это

не только и не столько вопрос об умышленном или неосторожном совершении преступного деяния, сколько о том, заслуживает ли в глазах общества подсудимый наказания. Очень точно по этому поводу высказался С. А. Пашин, указав, что здесь выражается мнение суда о праве народа и государства его упрекнуть, «обвиновать»¹³. Г. Н. Ветрова считает, что вопрос о виновности подсудимого представляет собой вопрос о том, следует ли его привлечь к уголовной ответственности¹⁴. Особо хочется отметить позицию известного дореволюционного исследователя суда присяжных А. М. Бобрищева-Пушкина, который писал, что в основе каждого вердикта лежит убеждение в необходимости наказать подсудимого или убеждение в справедливости признания его невиновным и, следовательно, установление ненаказуемости его в данном случае¹⁵. А. М. Бобрищев-Пушкин также отмечал, что лицо может быть виновным с точки зрения закона, но может не подлежать «...согласно данным правосознания присяжных обвинению по суду, даже независимо от характера и возможных размеров ответственности»¹⁶.

Благодаря такому подходу, в доктрине сформировалась концепция «виновности — наказания», где вопрос о вине рассматривается не только с уголовно-правовой точки зрения, но и в более широком контексте — в конечном счете это вопрос о том, заслуживает ли обвиняемый наказания¹⁷. В случае, если присяжные ответили на него отрицательно, по делу будет постановлен оправдательный приговор¹⁸.

¹² Головкин Л. В. Суд присяжных и качество предварительного следствия: есть ли корреляция? // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 1. С. 62.

¹³ Пашин С. А. Постановка вопросов перед коллегией присяжных заседателей // Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. Вып. 1 Ч. 1. М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1996. С. 90.

¹⁴ Ветрова Г. Н. Суд присяжных и проблема уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1999. № 3. С. 24–25.

¹⁵ Бобрищев-Пушкин А. М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М.: Книга по требованию, 2013. С. 609.

¹⁶ Бобрищев-Пушкин А. М. Указ. соч. С. 609.

¹⁷ Есаков Г. «Нуллификация» уголовного закона в суде с участием присяжных заседателей // Уголовное право. 2013. № 2. С. 121–129.

¹⁸ Представляется, что только при таком подходе и возможна нуллификация закона и, соответственно, имеет право на существование суд присяжных. Если же вопрос о вине рассматривать исключительно в

Собственно говоря, вопрос о наказании и является основным вопросом уголовного дела. Еще Н. Н. Полянский писал, что установление в конкретном случае наличия или отсутствия у государства права на наказание лица является целью уголовного процесса¹⁹. Исходя из этого, представляется целесообразным посмотреть на презумпцию невиновности несколько под иным углом. По сути, ее можно толковать следующим образом: каждый обвиняемый считается невиновным, пока вступившим в законную силу приговором суда не будет установлено право государства на его наказание.

Ясно, что в ординарном порядке судопроизводства такое толкование какого-то принципиального значения не имеет, так как здесь по общему правилу право на наказание подсудимого возникает безусловно в случае установления по делу состава преступления, а значит, и его вины (естественно, в уголовно-правовом смысле).

Но, как было отмечено выше, в суде с участием присяжных заседателей представители населения, отвечая на вопрос о виновности подсудимого, решают — следует ли его наказывать за содеянное, будет ли это действительно справедливо. То есть в данной форме судопроизводства при доказанности совершения преступления обвиняемым переход к вопросу о назначении наказания (определение его вида, размера и т.д.) происходит не автоматически, а только в случае обвинительного вердикта коллегии. Таким образом, предложенное выше толкование презумпции невиновности (с акцентом на вопрос о наказании) позволяет объяснить, почему в случае доказанности совершения преступления обвиняемым она может быть и не опровергнута, то есть подсудимый может быть признан присяжными невиновным. Еще раз отметим — это возможно в случае, когда коллегия решит, что у общества, у государства, несмотря на требование уголовного закона, нет права

наказывать подсудимого в данном конкретном случае. Здесь мнение народа о справедливом может быть выше закона, который не всегда способен полностью обнять все многообразие жизни, на сто процентов предусмотреть все возможные нестандартные случаи.

Следовательно, мы приходим к выводу о том, что в суде с участием присяжных заседателей право на нуллификацию закона не только не вступает в конфликт с презумпцией невиновности, но и более того — при его реализации презумпция невиновности наиболее полно воплощается в жизнь. Данное право выступает дополнительной гарантией соблюдения презумпции невиновности в этой форме судопроизводства.

Далее следует рассмотреть вопрос о понимании нуллификации, как говорится, с точки зрения «духа» закона, а не его «буквы». Повторим, что оправдание подсудимого через нуллификацию закона представляет собой установление обществом правды, когда в конкретном случае народ в силу высшей справедливости, по совести считает, что лицо не должно быть наказано. Недаром еще дореволюционные правоведы называли суд присяжных судом «общественной совести»²⁰. Великий российский юрист А. Ф. Кони в своих воспоминаниях о деле Веры Засулич, которое представляет собой известный пример нуллификации присяжными уголовного закона, так же называл их «представителями общественной совести»²¹.

В качестве важной предпосылки такого подхода следует упомянуть одну специфическую особенность суда с участием присяжных заседателей: члены коллегии пытаются понять обвиняемого и для этого ставят себя на его место. Здесь мы имеем дело, если угодно, с эмпатией в деятельности присяжных. Например, на это обращал внимание еще К. Миттермайер, указывая, что они «...ставят себя в положение

уголовно-правовом смысле, то наделение суда правом оправдать подсудимого в случае доказанности его виновности представляется ошибкой — это очевидный нонсенс.

¹⁹ Полянский Н. Н. Цель уголовного процесса. Ярославль, 1919. С. 21.

²⁰ Джаншиев Г. Суд над судом присяжных. М. : Рассвет, 1896. С. 3–4.

²¹ Кони А. Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. М. : Эксмо, 2013. С. 363–506.

обвиняемого и взвешивают обстоятельства, по которым он действовал...»²². Об этом писала и Л. М. Карнозова, отмечая способность присяжных «...понять другого человека как равного»²³. Представляется при этом, что данный феномен отнюдь не противоречит установленным в законе ограничениям в сфере исследования данных о личности подсудимого (ч. 8 ст. 335 УПК РФ). Присяжные заседатели не отождествляют себя с личностью другого человека. Они представляют себя в сходных обстоятельствах, так сказать, «примеряют» на себя то преступное состояние, куда попал подсудимый, помещают себя в этот жизненный контекст.

В завершение отметим, что именно в суде с участием присяжных заседателей наиболее полно воплощается в жизнь презумпция невиновности, он содержит дополнительные гарантии ее неукоснительного соблюдения. Благодаря этому свойству, этой особенности данной формы судопроизводства можно заключить, что суд с участием присяжных заседателей следует рассматривать также и в качестве средства реализации конституционного права гражданина на защиту (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ). Этот вывод

особенно важен для рассмотрения вопроса о развитии отечественного суда присяжных, о его перспективах, ведь сегодня в данной форме судопроизводства рассматривается совсем незначительное количество уголовных дел. Согласно данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, до введения суда присяжных в районное звено российской судебной системы в этой форме судопроизводства рассматривалось около 300 уголовных дел в год, после ее учреждения в районных судах — около 700 уголовных дел в год на всю страну²⁴. Поэтому весьма актуальной представляется проблема расширения компетенции суда присяжных и поиска его оптимальной подсудности. Как справедливо отмечал М. И. Клеандров, развитие суда присяжных и расширение сферы его применения стоит приветствовать²⁵. Это, в свою очередь, послужит более полному воплощению в жизнь конституционных положений, посвященных участию населения в отправлении правосудия, презумпции невиновности, правам человека и их защите, конституционализации российского правосудия в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бобрищев-Пушкин А. М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. — М. : Книга по требованию, 2013. — 624 с.
2. Ветрова Г. Н. Суд присяжных и проблема уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета. Серия «Право». — 1999. — № 3. — С. 24–29.
3. Владимиров Л. Е. Суд присяжных: условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. — М. : Ленанд, 2016. — 264 с.
4. Головки Л. В. Курс уголовного процесса. — М. : Статут, 2021. — 1328 с.
5. Головки Л. В. Презумпция невиновности и англо-американский уголовный процесс: проблемы совместности // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 4. — С. 29–34.
6. Головки Л. В. Принцип *in dubio pro duriore* и теория неустранимых сомнений, или О пользе изучения швейцарской уголовно-процессуальной доктрины // Закон. — 2016. — № 8. — С. 72–84.

²² Миттермайер К. Европейские и американские суды присяжных, их деятельность, достоинства, недостатки и средства к устранению этих недостатков. Перевод с последнего немецкого издания: Вып. 1–2. М. : Д. Дриль, 1869. С. 514.

²³ Карнозова Л. М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления. М. : Nota Bene, 2000. С. 260.

²⁴ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 19.03.2023).

7. Головки Л. В. Суд присяжных и качество предварительного следствия: есть ли корреляция? // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2019. — № 1. — С. 58–62.
8. Джаншиев Г. Суд над судом присяжных. — М.: Рассвет, 1896. — 181 с.
9. Есаков Г. «Нуллификация» уголовного закона в суде с участием присяжных заседателей // Уголовное право. — 2013. — № 2. — С. 121–129.
10. Карнозова Л. М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления. — М.: Nota Bene, 2000. — 368 с.
11. Клеандров М. И. Конституция Российской Федерации и участие граждан в осуществлении правосудия // Государство и право. — 2018. — № 12. — С. 30–43.
12. Кони А. Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. — М.: Эксмо, — 2013. — 640 с.
13. Миттермайер К. Европейские и американские суды присяжных, их деятельность, достоинства, недостатки и средства к устранению этих недостатков. Перевод с последнего немецкого издания: Вып. 1–2. — М.: Д. Дриль, 1869. — 602 с.
14. Насонов С. А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика. — М.: Р. Валент, 2001. — 189 с.
15. Пашин С. А. Постановка вопросов перед коллегией присяжных заседателей // Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. Вып. 1 Ч. 1. — М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1996. — 224 с.
16. Полянский Н. Н. Цель уголовного процесса. — Ярославль, 1919. — 35 с.
17. Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. — М.: Наука, 1984. — 143 с.
18. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. — СПб.: Альфа, 1996. — 552 с.

Материал поступил в редакцию 21 марта 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bobrishchev-Pushkin A. M. Empiricheskie zakony deyatel'nosti russkogo suda prisyzhnykh. — M.: Kniga po trebovaniyu, 2013. — 624 s.
2. Vetrova G. N. Sud prisyzhnykh i problema ugovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya «Pravo». — 1999. — № 3. — S. 24–29.
3. Vladimirov L. E. Sud prisyzhnykh: usloviya deystviya instituta prisyzhnykh i metod razrabotki dokazatelstv. — M.: Lenand, 2016. — 264 s.
4. Golovko L. V. Kurs ugovnogo protsessa. — M.: Statut, 2021. — 1328 s.
5. Golovko L. V. Prezumpsiya nevinovnosti i anglo-amerikanskiy ugovnnyy protsess: problemy sovместимости // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2016. — № 4. — S. 29–34.
6. Golovko L. V. Printsip in dubio pro duriore i teoriya neustranimykh somneniy, ili O polze izucheniya shveysarskoy ugovno-protsessualnoy doktriny // Zakon. — 2016. — № 8. — S. 72–84.
7. Golovko L. V. Sud prisyzhnykh i kachestvo predvaritelnogo sledstviya: est li korrelyatsiya? // Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya. — 2019. — № 1. — S. 58–62.
8. Dzhanshiev G. Sud nad sudom prisyzhnykh. — M.: Rassvet, 1896. — 181 s.

²⁵ Клеандров М. И. Конституция Российской Федерации и участие граждан в осуществлении правосудия // Государство и право. 2018. № 12. С. 37.

9. Esakov G. «Nullifikatsiya» ugolovnogo zakona v sude s uchastiem prisyazhnykh zasedateley // Ugolovnoe pravo. — 2013. — № 2. — S. 121–129.
10. Karnozova L. M. Vozrozhdennyy sud prisyazhnykh. Zamysel i problemy stanovleniya. — M.: Nota Bene, 2000. — 368 s.
11. Kleandrov M. I. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii i uchastie grazhdan v osushchestvlenii pravosudiya // Gosudarstvo i pravo. — 2018. — № 12. — S. 30–43.
12. Koni A. F. Zakon i spravedlivost. Stati i rechi. — M.: Eksmo, — 2013. — 640 s.
13. Mittermayer K. Evropeyskie i amerikanskije sudy prisyazhnykh, ikh deyatelnost, dostoinstva, nedostatki i sredstva k ustraneniyu etikh nedostatkov. Perevod s poslednego nemetskogo izdaniya: Vyp. 1–2. — M.: D. Dril, 1869. — 602 s.
14. Nasonov S. A. Sudebnoe sledstvie v sude prisyazhnykh: zakonodatelstvo, teoriya, praktika. — M.: R. Valent, 2001. — 189 s.
15. Pashin S. A. Postanovka voprosov pered kollegiey prisyazhnykh zasedateley // Sostyazatelnoe pravosudie: trudy nauchno-prakticheskikh laboratoriy. Vyp. 1 Ch. 1. — M.: Mezhdunarodnyy komitet sodeystviya pravovoy reforme, 1996. — 224 s.
16. Polyanskiy N. N. Tsel ugolovnogo protsessa. — Yaroslavl, 1919. — 35 s.
17. Strogovich M. S. Pravo obvinyaemogo na zashchitu i prezumptsiya nevinovnosti. — M.: Nauka, 1984. — 143 s.
18. Foynitskiy I. Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. T. 1. — SPb.: Alfa, 1996. — 552 s.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.166-176

О. Ф. Засемкова*

Международный арбитраж: на пути к устойчивому развитию и защите экологии

Аннотация. Рассматривается проблема перехода к более экологичному арбитражу, предполагающему сокращение углеродного следа, оставляемого арбитражным разбирательством, за счет принятия трех основных мер: 1) использования возобновляемой энергии; 2) сокращения или отказа от совершения поездок и авиаперелетов на дальние расстояния для целей арбитражного разбирательства; 3) сокращения отходов и отказа от использования документов на бумажных носителях. Важную роль в достижении указанной цели играют: зеленые протоколы, содержащие конкретные практические меры по обеспечению устойчивости и защите экологии, адресованные определенным участникам арбитражного сообщества (арбитрам, юридическим фирмам, поставщикам услуг и арбитражным центрам), а также инициативы самих арбитражных центров. Однако, учитывая рекомендательный характер принятых в рамках Кампании за более экологичный арбитраж зеленых протоколов, а также возможность отступления от положений арбитражных регламентов, предусматривающих переход на электронный документооборот и онлайн-слушания, сторонам, заботящимся о защите окружающей среды, рекомендуется включать в свой контракт (или арбитражное соглашение) специальные зеленые оговорки.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж; защита экологии; изменения климата; устойчивое развитие; зеленая экономика; Кампания за более экологичный арбитраж; зеленые протоколы; зеленые оговорки; углеродный след; зеленый амбассадор.

Для цитирования: Засемкова О. Ф. Международный арбитраж: на пути к устойчивому развитию и защите экологии // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 166–176. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.166-176.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Засемкова О. Ф., 2023

* Засемкова Олеся Федоровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права, доцент кафедры правового моделирования Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
zasemkova.olesya@mail.ru

International Arbitration: Towards Sustainable Development and Environmental Protection

Olesya F. Zasemkova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private International Law, Associate Professor, Department of International Legal Competitions, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
zasemkova.olesya@mail.ru

Abstract. The paper considers the problem of transition to more environmentally friendly arbitration, which involves reducing the carbon footprint left by arbitration proceedings through the adoption of three main measures: 1) the use of renewable energy; 2) reducing or eliminating long-distance travel and air travel for the purposes of arbitration proceedings; 3) reducing waste and eliminating the use of paper documents. An important role in achieving this goal is taken by green protocols containing specific practical measures to ensure sustainability and environmental protection, addressed to certain participants in the arbitration community (arbitrators, law firms, service providers and arbitration centers), as well as initiatives of the arbitration centers themselves. However, given the advisory nature of the green protocols adopted as part of the Campaign for Greener Arbitration, as well as the possibility of derogation from the provisions of the arbitration rules providing for the transition to electronic document flow and online hearings, parties concerned about protecting the environment are recommended to include (or arbitration agreement) special green clauses.

Keywords: international commercial arbitration; environmental protection; climate change; sustainable development; green economy; Campaign for Greener Arbitration; green protocols; green clauses; carbon footprint; green ambassador.

Cite as: Zasemkova OF. Mezhdunarodnyy arbitrazh: na puti k ustoychivomu razvitiyu i zashchite ekologii [International Arbitration: Towards Sustainable Development and Environmental Protection]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):166-176. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.166-176. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

В конце XX в. международное сообщество столкнулось с серьезными экологическими проблемами и беспрецедентными изменениями климата, вызванными активной экономической деятельностью человека. Как отмечается в докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), в течение следующих 20 лет мир неизбежно столкнется с многочисленными опасными климатическими явлениями, многие из которых станут необра-

тимыми¹. Так, при сохранении темпов таяния морского льда уже к середине 2040-х гг. произойдет полное освобождение ото льда Северного Ледовитого океана, что приведет не только к исчезновению ряда животных, но и к существенному повышению уровня моря, а в долгосрочной перспективе поставит под угрозу само существование жизни на Земле².

Указанные проблемы привели человечество к осознанию необходимости принятия мер по минимизации влияния хозяйственной деятельности на окружающую среду и борьбе с изме-

¹ Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability // URL: <https://www.ipcc.ch/report/sixth-assessment-report-working-group-ii/> (дата обращения: 17.02.2023).

² ООН: программа по окружающей среде. Еще один тревожный сигнал: таяние морского льда ускоряется // URL: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/istoriya/esche-odin-trevozhnyy-signal-tayanie-morskogo-lda-uskoryaetsya> (дата обращения: 17.02.2023).

нением климата³, что нашло свое отражение в переходе к концепциям устойчивого развития (англ. sustainable development)⁴ и зеленой экономики (англ. green economy)⁵. Реализация указанных мер ведет к возникновению различных правовых проблем и споров, которые могут рассматриваться не только в государственных судах, но и в международных коммерческих арбитражах (третейских судах), обеспечивающих быстрое, эффективное и конфиденциальное разрешение споров, в том числе между контрагентами из различных стран (включая споры, связанные с изменением климата и устойчивым развитием)⁶. Несмотря на это, вплоть до недавнего времени мало кто задумывался о том влиянии, которое сам арбитраж оказывает на окружающую среду.

Кампания за более экологичный арбитраж

Впервые данный вопрос был поднят по инициативе международного арбитра Люси Гринвуд, благодаря усилиям которой в 2019 г. была запущена Кампания за более экологичный арбитраж («Зеленое обещание» (англ. Green Pledge)), направленная на сокращение углеродного следа, оставляемого арбитражным разбирательством⁷.

Проведенное в рамках Кампании исследование наглядно продемонстрировало масштаб проблемы: так, среднее арбитражное разбирательство оставляет углеродный след в 418 531,02 метрических тонны, что эквивалентно поглощающей способности более чем 20 тыс. деревьев (при этом что лишь один Сингапурский арбитражный центр (SIAC) ежегодно рассматривает около 1 000 дел)⁸ (см. рисунок).

По данным исследования, приняв всего 3 меры — сократив число поездок на дальние расстояния, отказавшись от использования документов на бумажных носителях и сосредоточившись на внедрении экологически чистых

³ World Climate Summit // URL: <https://www.worldclimatesummit.org/> (дата обращения: 17.02.2023).

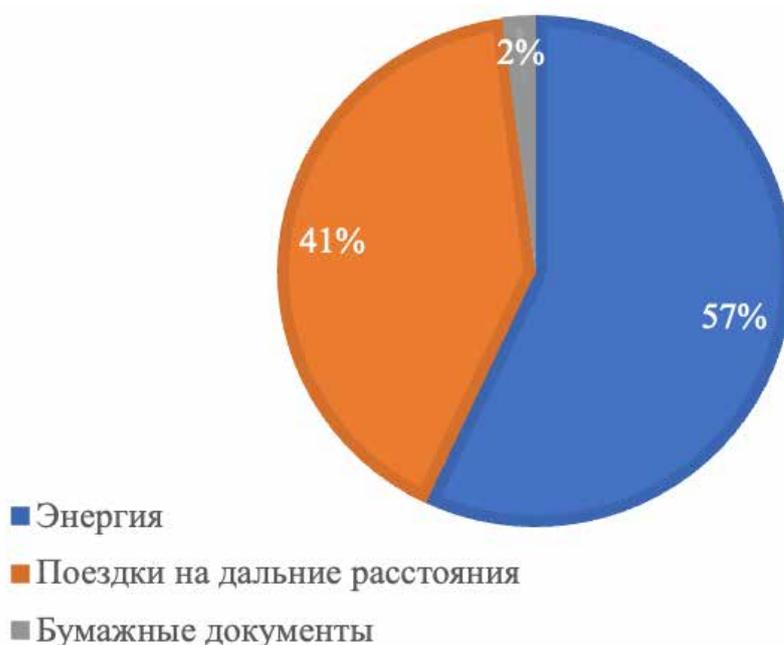
⁴ Sustainable Development Goals. 17 Goals to Transform Our World // URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/> (дата обращения: 17.02.2023).

⁵ Пакина А. А., Горбанев В. А. Перспективы зеленой экономики как новой парадигмы развития // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12 (5). С. 134–155.

⁶ Ермакова Е. П. Арбитраж как средство разрешения споров об изменении климата // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 5. С. 57–59 ; Andrina S. D. Green Technology Disputes in Stockholm. August 2019 // URL: <https://sccinstitute.com/media/1059447/green-technology-disputes-in-stockholm.pdf> (дата обращения: 10.01.2023) ; ICC Commission Report. Resolving Climate change Related Disputes through Arbitration and ADR // URL: <https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2019/11/icc-arbitration-adr-commission-report-on-resolving-climate-change-related-disputes-english-version.pdf> (дата обращения: 10.01.2023) ; International Bar Association. Report on Climate Change Justice and Human Rights // URL: <https://www.ibanet.org/MediaHandler?id=0f8cee12-ee56-4452-bf43-cfcab196cc04> (дата обращения: 10.01.2023) ; Sheehan N., Brennan A. The New Frontier: Arbitration of Climate Change Disputes // International Arbitration in England: Perspectives in Times of Change / ed. by L. Hamzi, D. Harrison, G. Fullelove. Kluwer Law International, 2022.

⁷ Laufer H., Stan A. Environmental Sustainability Endeavours in International Arbitration: the Green Protocols // 16 Rom. Arb. J. 2022. P. 91–93 ; Panjwani P. Greener Arbitrations with Reduced Due Process Paranoia? // The Impact of Covid on International Disputes / S. Lalani, S. Shapiro (eds). Leiden, 2022. P. 28–61.

⁸ Sim W. N. Greener Arbitrations — The Way Forward in International Dispute Resolution? // URL: <https://www.mayerbrown.com/en/perspectives-events/blogs/2021/03/greener-arbitrations--the-way-forward-in-international-dispute-resolution> (дата обращения: 08.01.2023) ; Greenwood L., Diaz-Cordova L. Nudging Towards a Greener Future in Arbitration // URL: <https://www.ciarb.org/resources/features/nudging-towards-a-greener-future-in-arbitration/> (дата обращения: 17.02.2023).

Углеродный след арбитражного разбирательства⁹

(возобновляемых) видов энергии, арбитражное сообщество может внести существенный вклад в сокращение выбросов углекислого газа и защиту окружающей среды¹⁰.

Участниками данной Кампании стали арбитры, представители арбитражных учреждений (Гонконгского (HKIAC), Венского (VIAC), Нидерландского (NAI) арбитражных центров, Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма (SCC), Королевского института арбитров (CIArb) и др.), юридические фирмы, организаторы конференций и иные представители юридического сообщества¹¹, которые при присоединении к инициативе приняли на себя следующие обязательства:

1) организовывать свое рабочее пространство исходя из принципа его минимального воздействия на окружающую среду, в том числе

путем снижения энергопотребления и минимизации отходов;

2) вести деловую переписку в электронном виде и поощрять переход на электронный документооборот (за исключением случаев, когда бумажные версии документов необходимы), при этом осознавая, что даже в таком виде они оставляют углеродный след;

3) поощрять использование видео-конференц-связи в качестве альтернативы поездкам (в том числе для целей установления фактов, опроса свидетелей и проведения слушаний), а в случае необходимости осуществления авиаперелетов на дальние расстояния — рассматривать вопрос о способах компенсации выбросов углерода от них;

4) по мере возможности обращаться к тем поставщикам услуг, которые стремятся к мини-

⁹ Inside Arbitration: Towards Greener Arbitrations Achieving Greater Environmental Sustainability in the Way We Conduct Arbitrations: an Update // URL: <https://www.herbertsmithfreehills.com/latest-thinking/inside-arbitration-towards-greener-arbitrations-achieving-greater-environmental-0> (дата обращения: 17.02.2023).

¹⁰ Campaign for Greener Arbitrations. A significant impact // URL: <https://www.greenerarbitrations.com/impact> (дата обращения: 14.01.2023).

¹¹ Campaign for Greener Arbitrations. Institutional Supporters // URL: <https://www.greenerarbitrations.com/institutional-supporters> (дата обращения: 10.01.2023).

мизации своего влияния на экологию (в том числе при организации и проведении слушаний)¹².

Зеленые протоколы для арбитражного сообщества

В 2020 г. в рамках Кампании была сформирована рабочая группа, разработавшая целый ряд документов (зеленых протоколов), вобравших в себя все вышеуказанные обязательства и направленных на изменение поведенческой практики арбитражного сообщества по трем ключевым направлениям: 1) использование возобновляемой энергии; 2) сокращение или отказ от совершения поездок и авиаперелетов на дальние расстояния для целей арбитражного разбирательства; 3) сокращение отходов и отказ от использования документов на бумажных носителях¹³.

К числу зеленых протоколов относятся:

— Руководство по принятию зеленых протоколов, содержащее практические меры по сокращению отходов и энергопотребления в арбитражных разбирательствах¹⁴ и позволяющее выбрать зеленый протокол, подходящий для конкретного разбирательства;

— Типовой зеленый процессуальный приказ, содержащий формулировки, которые могут быть использованы в процессуальных документах, принимаемых арбитрами в целях снижения влияния арбитража на экологию;

— 6 зеленых протоколов, каждый из которых содержит конкретные практические меры по обеспечению устойчивости и защиты экологии, адресованные определенным участникам арбитражного сообщества (арбитрам, юридическим фирмам, поставщикам услуг и самим арбитражным центрам). Рассмотрим указанные протоколы подробнее (см. таблицу).

Общая характеристика зеленых протоколов

Наименование документа	Основное содержание документа
Зеленый протокол для арбитров	Практическое руководство, содержащее рекомендации по минимизации влияния арбитража на окружающую среду за счет снижения уровня выбросов углерода, включая: <ul style="list-style-type: none"> — использование аудио- и видео-конференц-связи для проведения совещания между арбитрами; — использование электронных технологий для демонстрации доказательств, проведения слушаний, допроса свидетелей и представления документов; — использование источников чистой и возобновляемой энергии, светодиодных ламп, датчиков, систем освещения с таймером, естественных источников света, растений для снижения уровня влажности и увеличения количества кислорода; — постановку перед сторонами вопроса об использовании зеленых протоколов
Зеленый протокол для арбитражных разбирательств	Содержит адресованные сторонам и арбитрам меры, которые могут быть приняты как по соглашению сторон, так и по приказу состава арбитража: осуществление коммуникации в электронном виде (кроме случаев, когда иное предусмотрено правилами арбитражного центра или арбитражным соглашением);

¹² The Green Pledge. Guiding principles // URL: <https://www.greenerarbitrations.com/greenpledge> (дата обращения: 12.01.2023).

¹³ Greenwood L., Falcicchio Chr., Foty Ch. The Campaign for Greener Arbitration's Green Protocols: Actions Not Words // URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2021/04/22/the-campaign-for-greener-arbitrations-green-protocols-actions-not-words/> (дата обращения: 10.01.2023).

¹⁴ Campaign for Greener Arbitrations. Driving Sustainable Change. Framework for Adoption of the Green Protocols // URL: <https://www.greenerarbitrations.com/green-protocols/framework> (дата обращения: 12.01.2023).

	<ul style="list-style-type: none"> — использование электронных платформ и систем ведения дел; — принятие мер по минимизации воздействия бумажных версий документов на окружающую среду (использование формата бумаги А5, двусторонней печати, экологически безопасного тонера и чернил, переработанной и подлежащей вторичной переработке бумаги и их утилизация экологически безопасным способом); — использование видео-конференц-связи, а в случае необходимости проведения очных слушаний — выбор экологически безопасных маршрутов, отказ от ненужных поездок, использование электронных технологий для демонстрации документов, представления доказательств; — включение расходов на компенсацию выбросов углерода от авиаперелетов, совершаемых арбитрами, в состав арбитражных расходов, распределяемых между сторонами спора; — компенсация выбросов углерода способами, предусмотренными внутренними корпоративными документами участников спора, а при отсутствии таковых — на основе схем, соответствующих самым высоким стандартам (например, Верифицированному углеродному стандарту (англ. Verified Carbon Standard)
Зеленый протокол для мест проведения арбитража	<p>Содержит меры по снижению воздействия ежедневной деятельности, а также отдельных арбитражных разбирательств на окружающую среду, включая:</p> <ul style="list-style-type: none"> — поощрение использования технологических платформ для демонстрации презентаций и обмена файлами; — сокращение использования документов на бумажных носителях; — использование экологически чистых видов энергии
Зеленый протокол для арбитражных центров	<p>Предусматривает меры по минимизации воздействия арбитража на окружающую среду, в том числе путем:</p> <ul style="list-style-type: none"> — назначения «зеленых амбассадоров», отвечающих за разработку внутренней политики центров на основе рекомендаций, изложенных в данном документе; — отмены требований подачи сторонами бумажных версий документов и поощрение использования электронных средств связи
Зеленый протокол для юридических фирм, палат и поставщиков юридических услуг, связанных с арбитражем	<p>Содержит меры по минимизации воздействия арбитража на окружающую среду, которые могут быть интегрированы в повседневную деятельность или могут применяться по мере необходимости, включая:</p> <ul style="list-style-type: none"> — назначение «зеленых амбассадоров», содействующих разработке экологической политики и внедрению лучших практик в данной области; — использование возобновляемых источников энергии и обращение к тем поставщикам, которые демонстрируют приверженность ESG-принципам
Зеленый протокол для арбитражных конференций	<p>Содержит рекомендации, адресованные организаторам ежегодных конференций, такие как:</p> <ul style="list-style-type: none"> — проведение мероприятий и организационных совещаний посредством электронных средств связи; — электронная регистрация и цифровые способы оплаты для спонсоров и делегатов конференции; — рассылка материалов конференции в электронном виде или обеспечение доступа к ним посредством QR-кодов; — включение во вступительную речь на открытии конференции информации о принятых в соответствии с Зеленым протоколом мерах, что будет способствовать повышению осведомленности участников об устойчивом развитии

Указанные протоколы не имеют обязательной юридической силы, не предусматривают ответственности за их несоблюдение и не заменяют применимых норм права, равно как и

не предполагают отступлений от арбитражного соглашения (если только стороны или арбитры не договорились об ином)¹⁵. Как следствие, необходимым условием их применения является

¹⁵ Green Protocols // URL: <https://www.greenerarbitrations.com/green-protocols> (дата обращения: 08.02.2023).

ссылка на них в арбитражном соглашении или контракте либо решение арбитров, которое принимается с учетом мнения сторон спора.

Меры, предусмотренные в каждом из протоколов, могут быть реализованы как полностью, так и частично в зависимости от обстоятельств дела. При этом для определения того, какие меры подходят для конкретного разбирательства, стороны или состав арбитража должны рассмотреть следующие вопросы:

1) применимое право, включая, но не ограничиваясь: правом, применимым к существу спора; правом, действующим в месте проведения арбитража; правом, действующим в юрисдикции, в которой решение будет предъявляться к исполнению;

2) применимый арбитражный регламент;

3) параметры арбитражного разбирательства: количество сторон спора; местонахождение сторон спора и арбитров; предполагаемое число арбитров и свидетелей; круг вопросов, являющихся предметом спора, и их сложность;

4) способность арбитров и сторон осуществлять коммуникацию и готовить документы в электронной форме, включая вопрос о доступности и надежности используемых электронных ресурсов;

5) затраты на реализацию мер по обеспечению устойчивости, понесенные сторонами, арбитрами и арбитражными центрами;

6) влияние принятых мер на эффективность арбитражного разбирательства;

7) ожидания участников разбирательства и культурные нормы соответствующей юрисдикции;

8) обеспечение кибербезопасности и конфиденциальности арбитражного разбирательства¹⁶.

Важную роль в популяризации Кампании за более экологичный арбитраж и зеленых протоколов сыграли пандемия коронавируса COVID-19, продемонстрировавшая эффективность предлагаемых в них мер (например, онлайн-слушаний, число которых возросло с 8 % в 2018 г.¹⁷ до 79 % в 2021 г.¹⁸), и создание региональных подкомитетов Кампании, призванных содействовать распространению протоколов по всему миру (в том числе путем предоставления инструкций, ресурсов и оказания поддержки членам международного арбитражного сообщества)¹⁹.

Об успехе указанных инициатив свидетельствуют также данные, содержащиеся в Обзоре Университета королевы Марии (Queen Mary University) 2021 г., согласно которому:

— 55 % респондентов выступают за переход на электронный документооборот;

— 45 % принимали участие в конференциях, проводимых онлайн;

— 37 % предпочитают допрос свидетелей в онлайн-формате;

— 13 % упомянули о принятии составом арбитража указаний относительно снижения воздействия разбирательства на окружающую среду;

— 12 % респондентов используют зеленые протоколы²⁰.

Инициативы арбитражных центров по переходу к более экологичному арбитражу

Меры, направленные на повышение экологичности своей работы, предпринимают и отдельные арбитражные центры. Так, согласно

¹⁶ Campaign for Greener Arbitrations. Driving Sustainable Change. Introduction to Green Protocols // URL: <https://www.greenerarbitrations.com/green-protocols/complete-set> (дата обращения: 10.01.2023).

¹⁷ 2018 International Arbitration Survey: The Evolution of International Arbitration // URL: [https://arbitration.qmul.ac.uk/media/arbitration/docs/2018-International-Arbitration-Survey---The-Evolution-of-International-Arbitration-\(2\).PDF](https://arbitration.qmul.ac.uk/media/arbitration/docs/2018-International-Arbitration-Survey---The-Evolution-of-International-Arbitration-(2).PDF) (дата обращения: 10.01.2023).

¹⁸ 2021 International Arbitration Survey: Adapting arbitration to a changing world // URL: https://arbitration.qmul.ac.uk/media/arbitration/docs/LON0320037-QMUL-International-Arbitration-Survey-2021_19_WEB.pdf (дата обращения: 14.01.2023).

¹⁹ Greenwood L., Falcicchio C., Foty C. Op. cit.

²⁰ 2021 International Arbitration Survey: Adapting arbitration to a changing world.

регламентам Лондонского международного третейского суда (LCIA) (в ред. 2020 г.)²¹ и Международного арбитражного суда Международной торговой палаты (ICC) (в ред. 2021 г.)²² запросы об арбитраже, ответы на них, а также письменные сообщения по умолчанию передаются в электронной форме. Аналогичные положения содержатся в регламенте Стамбульского арбитражного центра (ISTAC), в соответствии с которым как иск, так и отзыв на него могут быть направлены в арбитраж посредством электронной почты, а разбирательство может быть проведено посредством видео-конференц-связи²³.

Сходным образом данный вопрос решается в Гонконгском арбитражном центре (HKIAC), где в соответствии с рекомендацией Зеленого протокола для арбитражных центров действует зеленый амбассадор, который принимает меры по внедрению устойчивых моделей поведения; все документы, относящиеся к арбитражным разбирательствам, хранятся в электронном виде на специально созданной для этого защищенной платформе Case Connect²⁴; сторонам и арбитрам рекомендовано представлять документы при помощи электронных средств связи; возможно проведение онлайн-слушаний²⁵; приняты руководящие принципы деятельности, направленные на минимизацию использования одноразовых товаров, отказ от пластика и внедрение цифровой рекламы проводимых HKIAC мероприятий.

Меры по переходу к более экологичному арбитражу предпринимает и Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма (SCC), где

в целях обмена электронными сообщениями и пересылки документов в электронном формате были созданы две коммуникационные платформы — SCC Platform, предназначенная для администрирования споров, проводимых по Регламенту SCC, и Ad hoc Platform, ориентированная на ad hoc арбитраж²⁶. Наряду с этим, в SCC реализуются инициативы, направленные на повышение осведомленности о работе с зелеными протоколами и способствующие их широкому распространению в арбитражном сообществе²⁷.

Зеленые арбитражные оговорки

Учитывая тот факт, что принятые в рамках Кампании за более экологичный арбитраж протоколы не носят юридически обязательного характера, а арбитражные регламенты, предусматривающие переход на электронный документооборот и онлайн-слушания, допускают отступления от своих правил, сторонам, заботящимся о защите окружающей среды, можно порекомендовать включать в контракт (или арбитражное соглашение) следующие положения:

А. Оговорка об отказе от использования бумажных версий документов:

1. В случае возникновения каких-либо споров, разногласий или требований из настоящего контракта (соглашения) [в случае заключения самостоятельного арбитражного соглашения указывается конкретный контракт (соглашение)] или в связи с ним, в том числе

²¹ LCIA Arbitration Rules // URL: https://www.lcia.org/Dispute_Resolution_Services/lcia-arbitration-rules-2020.aspx (дата обращения: 17.02.2022).

²² ICC Arbitration Rules // URL: <https://iccwbo.org/dispute-resolution-services/arbitration/rules-of-arbitration/> (дата обращения: 17.02.2022).

²³ ISTAC // URL: <https://istac.org.tr/tr/uyusmazlik-cozumu/tahkim/istac-cevrimici-durusma-usul-ve-esaslari/> (дата обращения: 15.02.2023).

²⁴ HKIAC Case Connect // URL: <https://www.hkiac.org/arbitration/case-connect> (дата обращения: 15.02.2023).

²⁵ HKIAC signs Green Pledge & supports Green Protocols // URL: <https://www.hkiac.org/news/hkiac-signs-green-pledge-supports-green-protocols> (дата обращения: 13.02.2023).

²⁶ SCC Arbitration Case Management // URL: <https://sccarbitrationinstitute.se/en/case-management> (дата обращения: 13.02.2023).

²⁷ Joint Quest for Greener Arbitrations // URL: <https://sccinstitute.com/about-the-scc/news/2021/joint-quest-for-greener-arbitrations/> (дата обращения: 10.02.2023).

касающихся его вступления в силу, заключения, исполнения, нарушения, прекращения или действительности:

а) все уведомления и сообщения между сторонами будут направляться посредством электронных средств связи;

б) при подготовке к переговорам, совещаниям и устным слушаниям стороны будут использовать электронные средства связи.

2. В случае необходимости использования бумажных версий документов на любом этапе разрешения спора, разногласия или требования стороны обязуются:

а) использовать переработанную бумагу, чернила для принтера без растворителя и картонные вклады, разделители и папки;

б) соблюдать обязательства по хранению копий документов и их утилизации путем безопасной переработки.

3. Каждая из сторон спора, разногласия или требования в течение [одного месяца] с момента разрешения любого спора, разногласия или требования будет способствовать смягчению последствий изменения климата путем посадки деревьев и принятия иных мер, направленных на компенсацию выбросов парниковых газов, возникших от разрешения такого спора, разногласия или требования [в том числе ввиду осуществления авиаперелетов на дальние расстояния, печати бумажных версий документов и др.].

В. Оговорка о минимизации углеродного следа арбитражных слушаний:

1. Стороны настоящего контракта (соглашения) [в случае заключения самостоятельного арбитражного соглашения указывается конкретный контракт (соглашение)] соглашаются, что любое арбитражное разбирательство, начатое в соответствии с пунктом [номер пункта контракта (соглашения)] контракта (соглашения), должно проводиться с учетом документов, разработанных в рамках Кампании за более экологичный арбитраж и направленных на сокращение углеродного следа международного коммерческого арбитража.

2. В начале любого арбитражного разбирательства каждая из сторон настоящего контракта (соглашения) [в случае заключения самостоятельного арбитражного соглашения указы-

вается конкретный контракт (соглашение)] предоставляет составу арбитража свой план по минимизации углеродного следа разбирательства, включая план привлечения консультантов, поставщиков юридических и иных услуг, которые также обязуются принять меры по минимизации своего углеродного следа от участия в арбитражном разбирательстве.

3. Каждая из сторон настоящего контракта (соглашения) обязуется раскрывать информацию об общем объеме своих выбросов парниковых газов, связанных с авиаперелетами адвокатов, представителей, помощников юристов, экспертов, свидетелей и иных лиц, принимающих участие в разбирательстве, и вызванных необходимостью подготовки и/или участия в любом слушании. Для определения общего объема выбросов парниковых газов стороны используют онлайн-калькулятор [наименование онлайн-калькулятора].

4. Все документы и сообщения, которыми стороны настоящего контракта (соглашения) обмениваются в ходе арбитражного разбирательства, предоставляются исключительно в электронной форме.

5. Все слушания, проводимые в рамках арбитражного разбирательства, проводятся в формате видеоконференций.

6. Состав арбитража вправе отступить от п. 3–5 настоящей оговорки по своей инициативе или по заявлению одной из сторон настоящего контракта (соглашения) ввиду наличия уважительной причины. В случае такого отступления состав арбитража может обязать сторону, заявившую о необходимости отступления, компенсировать разумную сумму расходов, понесенных другой стороной настоящего контракта (соглашения) ввиду такого отступления [расходов на печать и/или копирование документов, осуществление авиаперелета и др.].

7. В случае принятия решения об отступлении от п. 3–5 настоящей оговорки, состав арбитража может обязать стороны компенсировать выбросы парниковых газов, обусловленные таким отступлением. Такая компенсация осуществляется в соответствии с программой, выбранной арбитражным учреждением, под эгидой которого проводится арбитражное разбиратель-

ство, или программой, выбранной сторонами настоящего контракта (соглашения).

С. Оговорка о Зеленом протоколе:

1. Все споры, разногласия или требования, возникающие из настоящего контракта (соглашения) [в случае заключения самостоятельного арбитражного соглашения указывается конкретный контракт (соглашение)] или в связи с ним, в том числе касающиеся его вступления в силу, заключения, изменения, исполнения, нарушения, прекращения или действительности, подлежат рассмотрению в [наименование арбитражного учреждения] в соответствии с его правилами и положениями.

2. Стороны настоящего контракта (соглашения) [в случае заключения самостоятельного арбитражного соглашения указывается конкретный контракт (соглашение)] обязуются прилагать все разумные усилия для проведения арбитражного разбирательства наиболее экологичным способом. При определении мер по повышению устойчивости арбитражного разбирательства стороны настоящего контракта (соглашения) руководствуются положениями Зеленого протокола для арбитражных разбирательств.

3. При проведении арбитражного разбирательства арбитры [наименование арбитражного учреждения] руководствуются Зеленым протоколом для арбитров.

Заключение

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим следующее:

1. Одной из ключевых тенденций развития международного коммерческого арбитража в XXI в. является переход к устойчивому развитию и защите экологии, что предполагает реализацию трех ключевых мер:

- а) использование возобновляемой энергии;
- б) сокращение или отказ от совершения поездок и авиаперелетов на дальние расстояния для целей арбитражного разбирательства;
- в) сокращение отходов и отказ от использования документов на бумажных носителях.

2. Важную роль в осуществлении перехода к более экологичному арбитражу играют зеленые протоколы, которые, не имея обязательной юридической силы, постепенно приобретают популярность в международном арбитражном сообществе.

3. В целях минимизации своего влияния на окружающую среду сторонам рекомендуется включать в контракт или арбитражное соглашение зеленые оговорки, текст которых был предложен автором настоящей статьи.

4. Принимая меры, направленные на минимизацию влияния арбитража на окружающую среду, необходимо учитывать риски, связанные с реализацией указанных мер, такие как: риск кибератак и утечки персональных данных сторон; возможные сбои в работе электронных ресурсов; высокая стоимость и недоступность ряда технологий для отдельных сторон спора и др. Иными словами, стремление к большей экологичности арбитража не должно наносить ущерба быстрому и эффективному разрешению спора и исполнимости вынесенного арбитражем решения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ермакова Е. П. Арбитраж как средство разрешения споров об изменении климата // Труды Института государства и права РАН. — 2021. — Т. 16. — № 5. — С. 57–78.
2. Пакина А. А., Горбанев В. А. Перспективы зеленой экономики как новой парадигмы развития // Вестник МГИМО-Университета. — 2019. — № 12 (5). — С. 134–155.
3. Andrina S. D. Green Technology Disputes in Stockholm. August 2019. — URL: <https://sccinstitute.com/media/1059447/green-technology-disputes-in-stockholm.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).
4. Greenwood L., Diaz-Cordova L. Nudging Towards a Greener Future in Arbitration // URL: <https://www.ciarb.org/resources/features/nudging-towards-a-greener-future-in-arbitration/> (дата обращения: 17.02.2023).

5. Greenwood L., Falcicchio Chr, Foty Ch. The Campaign for Greener Arbitration's Green Protocols: Actions Not Words // URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2021/04/22/the-campaign-for-greener-arbitrations-green-protocols-actions-not-words/> (дата обращения: 10.01.2023).
6. Laufer H., Stan A. Environmental Sustainability Endeavours in International Arbitration: the Green Protocols // Romanian Arbitration Journal. — 2022. — Vol. 16. — P. 91–93.
7. Panjwani P. Greener Arbitrations with Reduced Due Process Paranoia? // The Impact of Covid on International Disputes / S. Lalani, S. Shapiro (eds). — Leiden, 2022. — 270 p.
8. Sheehan N., Brennan A. The New Frontier: Arbitration of Climate Change Disputes // International Arbitration in England: Perspectives in Times of Change / ed. by L. Hamzi, D. Harrison, G. Fullelove. — Leiden, 2022. — 464 p.
9. Sim W. N. Greener Arbitrations — The Way Forward in International Dispute Resolution? // URL: <https://www.mayerbrown.com/en/perspectives-events/blogs/2021/03/greener-arbitrations--the-way-forward-in-international-dispute-resolution> (дата обращения: 08.01.2023).

Материал поступил в редакцию 20 февраля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ermakova E. P. Arbitrazh kak sredstvo razresheniya sporov ob izmenenii klimata // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. — 2021. — Т. 16. — № 5. — С. 57–78.
2. Pakina A. A., Gorbanev V. A. Perspektivy zelenoy ekonomiki kak novoy paradigmy razvitiya // Vestnik MGIMO-Universiteta. — 2019. — № 12 (5). — С. 134–155.
3. Andrina S. D. Green Technology Disputes in Stockholm. August 2019. — URL: <https://sccinstitute.com/media/1059447/green-technology-disputes-in-stockholm.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).
4. Greenwood L., Diaz-Cordova L. Nudging Towards a Greener Future in Arbitration // URL: <https://www.ciarp.org/resources/features/nudging-towards-a-greener-future-in-arbitration/> (дата обращения: 17.02.2023).
5. Greenwood L., Falcicchio Chr, Foty Ch. The Campaign for Greener Arbitration's Green Protocols: Actions Not Words // URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2021/04/22/the-campaign-for-greener-arbitrations-green-protocols-actions-not-words/> (дата обращения: 10.01.2023).
6. Laufer H., Stan A. Environmental Sustainability Endeavours in International Arbitration: the Green Protocols // Romanian Arbitration Journal. — 2022. — Vol. 16. — P. 91–93.
7. Panjwani P. Greener Arbitrations with Reduced Due Process Paranoia? // The Impact of Covid on International Disputes / S. Lalani, S. Shapiro (eds). — Leiden, 2022. — 270 p.
8. Sheehan N., Brennan A. The New Frontier: Arbitration of Climate Change Disputes // International Arbitration in England: Perspectives in Times of Change / ed. by L. Hamzi, D. Harrison, G. Fullelove. — Leiden, 2022. — 464 p.
9. Sim W. N. Greener Arbitrations — The Way Forward in International Dispute Resolution? // URL: <https://www.mayerbrown.com/en/perspectives-events/blogs/2021/03/greener-arbitrations--the-way-forward-in-international-dispute-resolution> (дата обращения: 08.01.2023).

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.177-182

Е. В. Спиридонова*

Правовое регулирование улавливания и захоронения парниковых газов в пласты горных пород на примере CO₂

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового регулирования улавливания и захоронения CO₂ в пласты горных пород. Технология улавливания и захоронения CO₂ на сегодняшний день является чрезвычайно актуальной в рамках борьбы с изменением климата. Автор статьи исследует различия в правовом регулировании технологий улавливания и хранения углерода и улавливания, использования и хранения углерода на примере зарубежных стран, а также представляет возможную модель для имплементирования в законодательство Российской Федерации. Автор в данном исследовании анализирует условия, при которых происходит лицензирование подземного хранения CO₂.

Ключевые слова: климатические проекты; подземные хранилища газа; правовое регулирование закачки CO₂ в пласты горных пород; юридическое лицо, утилизирующее CO₂ в пласт и осуществляющее его хранение; геологический объект для размещения CO₂.

Для цитирования: Спиридонова Е. В. Правовое регулирование улавливания и захоронения парниковых газов в пласты горных пород на примере CO₂ // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 177–182. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.177-182.

Legal Regulation of the Capture and Burial of Greenhouse Gases in Rock Layers as in the Case of CO₂

Ekaterina V. Spiridonova, Postgraduate Student, Department of Environmental and Land Law,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, d.1, str. (4th uchebnyy korpus), Moscow, Russia, 119991
skv1994@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of legal regulation of the capture and burial of CO₂ in rock layers. The technology for capturing and storing CO₂ is extremely relevant today in the fight against climate change. The paper explores the differences in the legal regulation of carbon capture and storage technologies and carbon capture, use and storage using the example of foreign countries, and also presents a possible model for implementation in

© Спиридонова Е. В., 2023

* Спиридонова Екатерина Валерьевна, аспирант кафедры экологического и земельного права Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. (4-й учебный корпус), г. Москва, Россия, 119991
skv1994@mail.ru

the legislation of the Russian Federation. The author in this study analyzes the conditions under which licensing of underground CO₂ storage occurs.

Keywords: climate projects; underground gas storage facilities; legal regulation of CO₂ injection into rock formations; a legal entity that utilizes CO₂ into the reservoir and carries out its storage; geological feature for CO₂ storage.

Cite as: Spiridonova EV. Pravovoe regulirovanie ulavlivaniya i zakhoroneniya parnikovyykh gazov v plasty gornyykh porod na primere CO₂ [Legal Regulation of the Capture and Burial of Greenhouse Gases in Rock Layers as in the Case of CO₂]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(10):177-182. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.177-182. (In Russ., abstract in Eng.).

На территории России сосредоточены значительные запасы минерально-сырьевых, топливно-энергетических и иных природных ресурсов. Основой промышленного производства в нашей стране является добыча углеводородного сырья: газа, нефти и газового конденсата.

Технология улавливания и захоронения CO₂ является чрезвычайно актуальной в рамках борьбы с изменением климата. В России еще несколько лет назад мало кто задумывался о реализации проектов по улавливанию и захоронению CO₂ в пласты горных пород, однако сегодня крупнейшие нефтегазовые компании лоббируют внесение изменений в законодательство с целью начала реализации таких проектов. В конце прошлого года о своем намерении реализовать такой проект в Оренбургской области заявило ПАО «Газпром нефть», которое планирует закачивать около 1 млн т CO₂ ежегодно¹.

Улавливание антропогенного диоксида углерода на различных объектах промышленности и его хранение в подземных пластах-хранилищах (геологических формациях) часто сокращенно называется улавливанием и хранением углерода (CCS — Carbon Capture and Storage). CCS улавливает углекислый газ в точке сгорания, сжимает его в трубопроводах и транспортирует в глубокие скважины, где он закачивается в геологическую формацию для безопасного постоянного хранения. Чем ниже концентрация CO₂, тем дороже технология улавливания. Поглощение углерода осуществляется в пористых и проницаемых истощенных нефтяных и газовых коллекторах и соленых водоносных горизонтах, где закачанный углерод находится в поровом

пространстве внутри подземного образования горных пород.

Россия имеет значительные преимущества перед странами Европы и Азии — есть большое количество естественных ловушек, оставшихся после газовых хранилищ, есть система газопроводов, есть способ применения CO₂ для повышения нефтеотдачи или для механизма офсета.

Газлифтинг, или технология CCUS (Carbon capture, utilisation and storage (улавливание, использование и хранение углерода) — это разновидность технологии CCS, которая также позволяет «утилизировать» CO₂. Газлифтинг может служить двум целям: предотвращению попадания CO₂ в атмосферу и удалению (изъятию) CO₂ из атмосферы. «Улавливание» подразумевает под собой технологии, фиксирующие CO₂ в точке его выброса, а также может включать прямое удаление CO₂ из воздуха. Затем CO₂ можно транспортировать туда, где он может использоваться или храниться в течение длительного периода. «Использование» подразумевает, что CO₂ может быть использован для другой конечной цели. «Хранение» призвано обеспечить долгосрочное удержание CO₂ в подземных породных формациях.

С юридической точки зрения в CCS-проекте должны участвовать следующие субъекты:

- юридическое лицо, создающее выбросы CO₂;
- юридическое лицо, перерабатывающее (улавливающее) выбросы CO₂;
- юридическое лицо, утилизирующее CO₂ в пласт и осуществляющее его хранение.

Кроме того, должен быть геологический объект для размещения CO₂, которым может быть

¹ «Газпром нефть» раскрыла детали российского проекта улавливания CO₂ // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/12/17/901240-gazprom-neft-raskrila> (дата обращения: 23.03.2023).

водоносный пласт/ловушка, не содержащие коммерческие запасы углеводородного сырья или выработанные продуктивные пласты (месторождение).

Предполагается, что лицензирование подземного хранения CO₂ возможно при выполнении одного из следующих условий:

- 1) захоронение CO₂ как отхода;
- 2) строительство и эксплуатация подземного хранилища газа (ПХГ) для CO₂;

3) размещение в пластах горных пород портовых вод, вод (CO₂-содержащих вод), использованных пользователями недр для собственных производственных и технологических нужд.

1. Порядок получения права пользования недрами для целей захоронения радиоактивных отходов и отходов I–II классов опасности в глубоких горизонтах, обеспечивающих локализацию таких отходов для участков недр федерального значения, введен постановлением Правительства РФ от 29.12.2021 № 2533². Право пользования недрами для целей захоронения радиоактивных отходов и отходов предоставляется решением Правительства РФ по результатам рассмотрения заявки Федеральным агентством по недропользованию. В соответствии с Федеральным законом от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»³ отходы производства и потребления — это вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению. Объекты захоронения отходов — предоставленные в пользование в установленном порядке участки недр, подземные сооружения для захоронения отходов I–V классов опасности в соответствии с законодательством Российской Федерации о недрах. Группы однородных отходов — отходы, классифицированные по одному или нескольким призна-

кам (происхождению, условиям образования, химическому и (или) компонентному составу, агрегатному состоянию и физической форме). В соответствии с приказом Минприроды России от 30.09.2011 № 792 «Об утверждении Порядка ведения государственного кадастра отходов»⁴ выделяются следующие агрегатные состояния отходов: твердый; жидкий; пастообразный; шлам; гель, коллоид; эмульсия; суспензия; сыпучий; гранулят; порошкообразный; пылеобразный; волокно; готовое изделие, потерявшее потребительские свойства. Таким образом, газообразные вещества не могут быть отнесены к отходам производства и потребления и не могут являться предметом лицензирования в области обращения с опасными отходами. Соответственно, захоронение газообразного CO₂ в пластах горных пород не может признаваться объектом захоронения отходов.

2. Лицензия на пользование недрами для строительства и эксплуатации ПХГ предоставляется на участки недр, геологическая информация по которым получила положительную оценку государственной (геологической) экспертизы. Вместе с тем в России не создано регулирование порядка выбора месторасположения и строительства подземных объектов для геологического хранения, мониторинга утечек из таких хранилищ, вопросов ответственности. В настоящее время на территории Российской Федерации расположены 27 объектов подземного хранения газа. На некоторых из них (Кущевское, Северо-Ставропольское ПХГ) рассматривается закачка CO₂ с технологическими целями (для частичного замещения буферного объема газа). ПХГ предназначено для временного хранения газа с закачкой и периодическим отбором газа. В то же время смысл CCS-проектов состоит в том, что подземное хранение CO₂ должно обеспечивать конечный этап жизненного цикла CO₂ без необходимости его дальнейшего использования.

² Постановление Правительства РФ от 29.12.2021 № 2533 «Об утверждении Правил предоставления права пользования участком недр для строительства и эксплуатации подземных сооружений для захоронения радиоактивных отходов, отходов производства и потребления I и II классов опасности и признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. IV). Ст. 227.

³ СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

3. Еще одним условием лицензирования подземного хранения CO₂ является размещение в пластах горных пород вод, использованных пользователями недр для собственных производственных и технологических нужд. При выборе пласта коллектора, в термобарических условиях которого CO₂ будет находиться в жидком или в сверхкритическом состоянии, возможно обосновать целью лицензирования «размещение в пластах горных пород вод (как вариант — CO₂-содержащих вод), использованных пользователями недр для собственных производственных и технологических нужд». В этом случае будет необходимо выполнить комплекс работ по геологическому изучению участка недр с целью оценки возможности размещения промышленных стоков, разработать программу мониторинга подземных вод, провести опытно-промышленную закачку стоков и т.д. Для лицензирования по данному варианту необходимо подтвердить, что CO₂ перед закачкой находится в жидком состоянии, т.е. представляет собой стоки. Фактически CO₂ перед закачкой в недра представляет собой газ. Для решения задачи по обеспечению хранения CO₂, используя данный порядок лицензирования, необходимо дополнить Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» правом размещать в пластах горных пород не только воды, использованные пользователями недр для собственных производственных и технологических нужд, но и использованные неуглеводородные газы. Таким образом, необходимо внести изменения в законодательство о недрах, в частности в статью «Основания возникновения права пользования участками недр». Кроме того, следует выделить CCS в отдельный вид пользования недрами. Необходимо предусмотреть в Законе «О недрах» возможность использования одного полигона закачки CO₂ несколькими пользователями в рамках одной лицензии. Вместе с тем в законодательстве отсутствуют правила промышленной безопасности для таких объектов, не определены финансовые механизмы страхования ответственности.

Возрастающие государственные и частные инвестиции в проекты по хранению возобновляемой энергии и CCS выявили различные юридические препятствия для внедрения технологий подземной закачки и хранения. Среди наиболее существенных из них: отсутствие ответа на вопрос о том, кто несет ответственность в случаях, когда закачиваемые вещества мигрируют в соседние пласты. Хотя закачка жидкости уже давно является частью разработки месторождений нефти и газа, четкий и последовательный ответ на этот вопрос еще предстоит найти в прецедентном праве большинства штатов.

Указанная неопределенность настолько существенна, что некоторые государства приняли разрозненное законодательство для уточнения регулирования аспектов разграничения ответственности по обязательствам, связанным с утилизацией парниковых газов. Некоторые такие законы предоставляют разработчикам CCS исключительные полномочия в отношении пространства коллектора, а другие позволяют разработчикам консолидировать права на пространство коллекторов для CCS посредством административного процесса.

Подходы могут достигать своих узких целей, таких как обеспечение проектов CCS, однако они оставляют без внимания главный вопрос о том, как в целом координировать конкурирующих пользователей.

Законодательные решения в отдельных странах не могут урегулировать широкий спектр проблем с недрами. Эти законы могут координировать деятельность недропользователей только в тех юрисдикциях, где они приняты. Статутное право — это в лучшем случае частичное решение проблемы определения прав собственности на недра. Разумно предположить, что практические последствия правового пробела включают больше споров по добыче углеводородов и меньше по внедрению подземных технологий, таких как хранение энергии и CCS.

CCS играет решающую роль в преодолении разрыва в выбросах и достижении климатических целей Парижского соглашения 2015 г.⁵

⁴ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 50.

⁵ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Разработка эффективных правил в соответствии со ст. 6 Парижского соглашения имеет основополагающее значение для создания условий стимулирования внедрения CCS во всем мире, с опорой на поддержку государственной политики в таких странах, как Соединенные Штаты, которые являются мировым лидером в создании новых объектов CCS. Новые глобальные рыночные механизмы, в соответствии со ст. 6 Парижского соглашения, должны действовать, объединяя схемы торговли выбросами, налоговые льготы, стандарты низкоуглеродного топлива и международные компенсационные механизмы во всем мире, создавая тем самым глобальный рынок для CCS и других технологий чистой энергии.

Разработка такой основы в рамках Парижского соглашения может послужить стимулом для внедрения CCUS в нефтедобывающих странах. Последние обладают возможностями для хранения CO₂ в ПХГ, которыми можно торговать в качестве результата смягчения последствий в соответствии с рыночными механизмами, заложенными в ст. 6 Парижского соглашения. Возможные механизмы включения CCUS в ст. 6 Парижского соглашения предусматривают создание новой единицы хранения углерода (CSU — carbon storage units), которая будет представлять 1 т проверенного изолированного CO₂, подлежащего торговле в качестве ИТМО. Парижское соглашение может, таким образом, способ-

ствовать разработке рациональной политики в области климата, ориентированной на предложение, что принесет пользу нефтедобывающим странам, способствуя при этом повышению уровня рентабельности глобальных выбросов.

Статья 6 Парижского соглашения предполагает международное сотрудничество в более широком смысле, чем это происходило в рамках Киотского протокола, она основывается на универсальности и ориентированности на национальные условия, предпочтения и потенциал каждой страны. Благодаря этому, можно в большей мере смягчить последствия и добиться устойчивого развития, способствуя участию более широкого круга заинтересованных сторон.

Вместе с тем существует и национальное регулирование в сфере CCS. В Норвегии действует ряд законодательных актов: Основной закон⁶, Обязательные правила по геологоразведочным работам, выполняющимся для целей подземного размещения CO₂ (материалы и документация по полевым и камеральным работам)⁷, Правила промышленной безопасности и экологии для проектов CCS⁸, Обязательные методические указания по правилам промышленной безопасности и экологии для проектов CCS⁹. Все данные документы базируются на требованиях Директивы Европейского Союза¹⁰, но регулируют и описывают более предметно различные аспекты создания и эксплуатации подземных хранилищ. Сертификацией CCS-проектов

⁶ См.: Regulations relating to exploitation of subsea reservoirs on the continental shelf for storage of CO₂ and relating to transportation of CO₂ on the continental shelf // URL: <https://www.npd.no/en/regulations/regulations/exploitation-of-subsea-reservoirs-on-the-continental-shelf-for-storage-of-and-transportation-of-co/> (дата обращения: 02.08.2022).

⁷ См.: Regulations relating to materials and documentation in connection with surveys for and utilisation of subsea reservoirs on the continental shelf to store CO₂ // URL: <https://www.npd.no/en/regulations/regulations/materials-and-documentation-in-connection-with-surveys-for-and-utilisation-of-subsea-reservoirs-on-the-continental-shelf-to-store-co/> (дата обращения: 02.08.2022).

⁸ См.: Petroleumstilsynet. URL: https://www.ptil.no/contentassets/91050f289295418d806f84a6dc39a4c5/co2-sikkerhetsforskriften_e.pdf (дата обращения: 23.03.2023).

⁹ См.: Petroleumstilsynet. URL: https://www.ptil.no/contentassets/91050f289295418d806f84a6dc39a4c5/co2-sikkerhetsforskriften_e.pdf (дата обращения: 23.03.2023).

¹⁰ См.: Директива № 2009/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О геологическом хранении диоксида углерода (углекислого газа) и внесении изменений и дополнений в Директиву Совета ЕС 85/337/ЕЭС, Директиву Европейского парламента и Совета ЕС 2000/60/ЕС, 2001/80/ЕС, 2004/35/ЕС, 2006/12/ЕС, 2008/1/ЕС и Регламент (ЕС) 1013/2006» [рус., англ.] (вместе с Критериями для определения

на соответствие ISO и требованиям Директивы Европейского Союза занимается норвежская компания DNV.

В США сферу CCS регулируют National Environmental Policy Act¹¹ и отдельные акты на уровне штатов.

В Великобритании законодательство, регулирующее CCS-проекты¹², строится на основных положениях Директивы Европейского Союза, но в силу меньшего опыта создания и эксплуатации подземных хранилищ описывает ключевые требования в части создания и эксплуатации хранилищ. С учетом Brexit законодательство, однако, может иметь своей вектор дальнейшего развития.

Директива Европейского Союза формулирует основные требования и принципы по организации и эксплуатации хранилищ.

Важно отметить, что CCS — это технология «последней мили» декарбонизации, когда все иные резервы уменьшения выбросов уже исчерпаны. CCS следует воспринимать как элемент

в комплексной дорожной карте по сокращению выбросов парниковых газов, которая включает: повышение энергоэффективности, изменение энергобаланса и переход на низкоуглеродные источники энергии, развитие лесного и сельского хозяйства, изменение производственных процессов, CCS. Вместе с тем некоторые ученые отмечают, что CCS-проекты не позволяют нам уйти от использования ископаемого топлива.

Таким образом, для успешной реализации проектов CCS необходимо; разрабатывать общую программную стратегию и пути применения таких технологий в промышленности; продвигать программы НИОКР, которые могут раскрыть потенциал экономического использования CO₂; внедрять механизмы финансирования, такие как налоговые льготы, налоги на углерод, стандарты, углеродное финансирование; создавать полноценную нормативную базу, которая бы предусматривала новый вид недропользования в целях подземного хранения CO₂, правила захоронения и соответствующие регламенты.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. «Газпром нефть» раскрыла детали российского проекта улавливания CO₂ // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/12/17/901240-gazprom-neft-raskrila> (дата обращения 23.03.2023).
2. UK carbon capture, usage and storage // URL: <https://www.gov.uk/guidance/uk-carbon-capture-and-storage-government-funding-and-support#regulatory-regime-for-ccus-in-the-uk> (дата обращения: 02.08.2022).

Материал поступил в редакцию 23 марта 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. «Gazprom neft» raskryla detali rossiyskogo proekta ulavlivaniya SO₂ // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/12/17/901240-gazprom-neft-raskrila> (data obrashcheniya 23.03.2023).
2. UK carbon capture, usage and storage // URL: <https://www.gov.uk/guidance/uk-carbon-capture-and-storage-government-funding-and-support#regulatory-regime-for-ccus-in-the-uk> (data obrashcheniya: 02.08.2022).

параметров и оценки потенциальных комплексов для хранения и прилегающей территории, для разработки и обновления плана мониторинга на период после закрытия). Страсбург, 23.04.2009.

¹¹ См.: The National Environmental Policy Act of 1969, as amended // URL: https://www.energy.gov/sites/default/files/nepapub/nepa_documents/RedDont/Req-NEPA.pdf (дата обращения: 02.08.2022).

¹² См.: UK carbon capture, usage and storage // URL: <https://www.gov.uk/guidance/uk-carbon-capture-and-storage-government-funding-and-support#regulatory-regime-for-ccus-in-the-uk> (дата обращения: 02.08.2022).

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

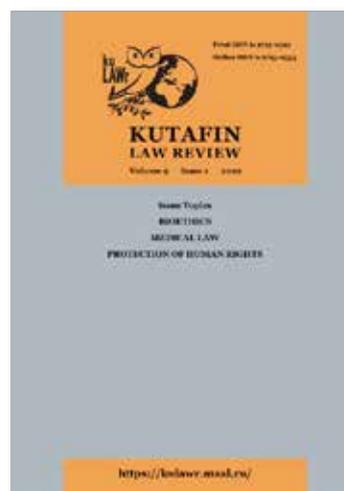
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 18 № 10 (155) октябрь 2023

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002